

ВИКТОР РАССОХИН

СЕРГЕЙ РАССОХИН

К СТОЛЕТИЮ ЗАПОВЕДНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

ОТ ИСТОКОВ ДО УСТЬЯ

РАССВЕТ ЗОВЁТ!

(Рассказы, очерки, были, эссе, зарисовки с натуры, новеллы, путевые заметки, стихотворения, репортаж о 20-летию Национального парка «Орловское Полесье»)

Российская Федерация
Союз Российских писателей
Город Воинской Славы Орёл
Медиахолдинг «Истоки»

ГОД-2017 - ПРИРОДОЛЮБИЯ

ББК 20.18
Р-24

Виктор Рассохин • Сергей Рассохин

Р-24 От истоков до устья • Рассвет зовёт!

(Рассказы, очерки, были, эссе, зарисовки с натуры, новеллы, путевые заметки, стихотворения, репортаж о 20-летию Национального парка «Орловское Полесье»). – Орел, 2017. – 344 с.

НА СЕМИ ВЕТРАХ

Природа и Человек, связь и наследие поколений, судьбы крестьянства, любительское рыболовство и охота – ключ к пониманию значения Отчизны в новой книге Рассохиных. В ней – красочные описания рыбалки зимой, весной, летом и осенью, проблемы браконьерства, влияние ошибочной политики и нездоровых реформ на житие «Кладовой Солнца».

Писатели – отец и сын, помнят о трудах предшественников: С.Т. Аксакова, Л.П. Сабанеева, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, В.М. Гаршина, Д.Н. Мамина-Сибиряка, И.С. Соколова-Микитова, В.В. Бианки, А.П. Платонова, М.М. Пришвина, К.Г. Паустовского, И.И. Акимушкина, В.М. Пескова и многих других истинных природолюбов, совершивших святое дело при формировании личности Человека. Народ завещал: «Природой богат – не страшен враг!»

В техногенный век Виктор и Сергей призывают соотечественников остановиться-оглянуться. В прозе и стихах они говорят, что любовь к Матери Природе Отечества – вечное высокопатриотичное явление в истории народа. Произведения органично дополнены галереей пейзажей Виктора Лупачёва и фотоколлекцией авторов.

Год экологии пройдёт, как ушёл Год 70-летия Победы и русской литературы. Важнее передать безгранично-бережливую, трепетную любовь нашему будущему в годы массовой электрификации бытия Человечества, дабы земле уберегли Планету от экологических катастроф.

© Виктор Рассохин, 2017

© Сергей Рассохин, 2017

НАЕДИНЕ С ПРИРОДОЙ

(О книге Виктора и Сергея Рассохиных «От истоков до устья»)

К 100-летию заповедной системы России провели многоплановую работу по проблемам экологии, в частности, водных ресурсов, ихтиологии, любительско-спортивного рыболовства и рыбоводства, члены Союза российских писателей Виктор и Сергей Рассохины. Не случайно известные соавторы обозначили текущий год русско-народным термином – Год природолюбия.

Находясь в командировках по Орловщине и стране на семи ветрах жизненных противоречий, авторы доказывают: Природа и Человек, наследие и связь поколений, судьбы крестьян, фронтовиков, гонимых и оскорблённых представителей всех религиозных конфессий – «золотой ключик» к прочувственному осознанию Родины.

Почти трёхсотстраничное произведение состоит из художественно-документальной прозы и циклов стихотворений. В нём – живописные очерки, рассказы, были, новеллы, эссе, зарисовки с натуры, путевые заметки о рыбалке и рыбоводстве, влияние нездоровых реформ и ошибочной политики на «Кладовую Солнца». Замечательно, что отец и сын показали ужение орловских рыб зимой, весной, летом и осенью, отобразили людскую хищность временщиков, живущих «одним днём». Авторы самостоятельно оформили книгу множеством рисунков и фото из личного архива. С рядом миниатюр всероссийский читатель мог ознакомиться по публикациям в газетах «Рыбак рыбака» (Москва), «Рыбалка круглый год» и «Ершович» (Н.Новгород), в «Записках современного охотника», «Поколении», «Говорит и показывает Орёл»...

Призывая сограждан к любви и заботе о Природе Отчизны, напоминая, что они – канва истории и мудрости народа, выстоявшего, не без её прямого участия, в страшных войнах XX века, Виктор и Сергей укрепляют высокопатриотичный и нравственный труд предшественников – С.Т.Аксакова, Л.П.Сабанеева, И.С.Тургенева, А.П.Чехова, Д.Н.Мамина - Сибиряка, В.М.Гаршина, И.С.Соколова-Микитова, П.П.Бажова. Печально одно: В.В.Бианки, М.М.Пришвин, И.А.Бунин, А.П.Платонов, И.И.Акимов, В.М.Песков и многие другие отечестволюбцы не сталкивались в своей жизни с разграблением вод и лесов, не застали рыбобитие в законе сетями и током, не додумались до спиртозаводческой отравы, не встречались вживую с разрывом плотин прудов ради прибыли в буржуазном рынке. Мэтры литературы, воспитавшие тысячи порядочных граждан, даже в фантастике не предполагали нашествия отечественного и зарубежного мусора, стихийных свалок, разбойничьей охоты в заповедниках, перевода водоёмов из государственных – в частные. Деградационно-противоприродные явления и болезни общества присутствуют на страницах работ Рассохиных, хотя они органично переплетены (видимо, для снятия эмоциональности повествования) с красочной галереей пейзажей художника Виктора Лупачёва...

Авторы ступили на тяжёлый, в чём-то неблагоприятный путь формирования личности человека по народной заповеди: «Не страшен враг, раз Природой богат!». Очень познавательны и правдивы репортаж земляков о 20-летию Национального парка «Орловское Полесье», стихи Виктора и Сергея об известных, но не афишируемых проблемах в сфере АПК с момента разрушения СССР по сей день, географически-предметный показ браконьерства, а также формулировки оздоровления «раненых мест» и практические советы рыболовам.

На примере Орловщины литераторы озабочены будущим наследием потомков и, переводя обеспокоенность в глобальный масштаб Планеты, уже не просят, а требуют безгранично ценить, беречь и любить Природу по месту рождения каждого.

Безусловно, «От истоков до устья» (с подразделами «Тропами Родины» и «Рассвет зовёт!»), состоящая, в своём большинстве, из дебютных творений, будет востребована массовым читателем, причём не только охотниками, туристами, рыболовами и рыбоведами, но и соотечественниками, которым дорога природоведческая история Родного Края.

***Уполномоченный по правам человека в Орловской области
АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ЛАБЕЙКИН***

27 сентября 2017 г. – 80-летие Орловской области

РАССОХИН ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ

ОТ ИСТОКОВ ДО УСТЬЯ

*(Зарисовки с натуры, эссе, были, очерки, рассказы и стихи
об охоте и рыбалке, байки и юморески)*

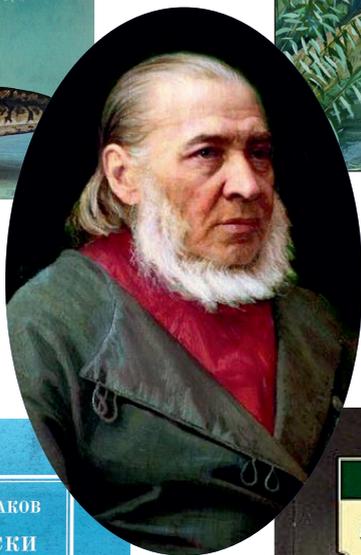

СОЛНЕЧНЫЙ ОМУТ

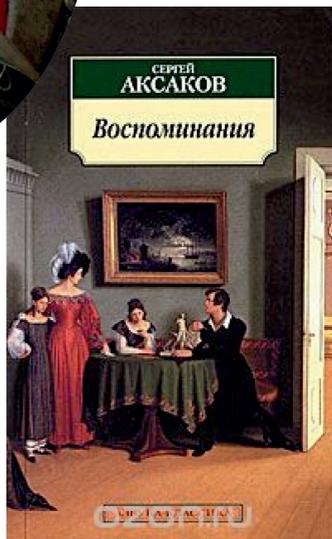
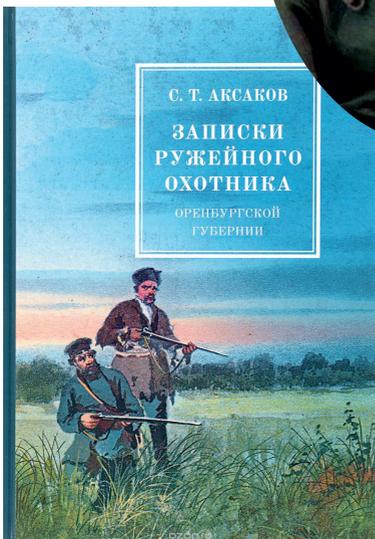

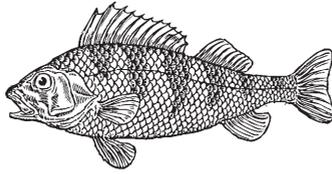

1791

1859

СОЛНЕЧНЫЙ ОМУТ

Ноябрь в тот памятный год выдался обволакивающим, а посему и грустным. Солнце, двигаясь во вселенском обороте, как бы на бегу изредка проглядывало сквозь ненастную хмарь. Светило ненадолго, накоротке, придавало оптимизма в завтрашнюю хорошую погоду и тут же, ослепительно озарив макушки лесов и перелесков, пряталось до следующего лучезарного мига, разрывающего месячный атлантический циклон. Крепких заморозков пока не было, но холодная влага, оседая туманом у водоёмов, пару раз запечатлелась на пожухших травах росой, превратившейся за ночь в иней. Единственный снежный покров на Покров быстро растаял, а московские метео-центры, «заботясь о здоровье» сограждан, всю трансляцию проигрывали о предстоящей зиме, не имеющей аналогов с прошлого века. Наболтали синоптики море высоко оплаченной дури, ведь не случайно молния посетила именно столичный метеоштаб в период его «благополучных» прогнозов...

На рыбалку хотелось выбраться давно, но командировки по работе, связующие общего ярма – быта, отводили мечты вроде как детского увлечения всё ближе и ближе к перволёдью. В субботний вечер, оценив спокойствие моего личного «барометра» – вьюна в аквариуме, я наконец-то решился махнуть с проводочной снастью на устье Оптухи. Уловистых мест в речушке было не так уж много, зато

обнадёживала близость величавой Оки, вновь зарыбившейся после губительно-массового сброса отстойников и вредительства электроудочников.

Первый рейсовый «ЛАЗик» на Мценск запаздывал по неизвестной причине. Правда, причина была одна – в путь отправлялись настолько устаревшие, переамортизаторные, изъеденные коррозией «репликары», что глава ПАТО Коробкович, заботясь о машинах и людях, буквально воевал с бюджет-чинушами днём и ночью. Выстраданная зарплата шофёров и золотого на выдумки технического персонала была смехотворной, иногда не выплачивалась, а вот требований кабинетных «вездеходов» формулировалось побольше, чем к дальнобойщикам США...

Время шло, и упускать драгоценные часы утренней, пусть даже пасмурной зорьки, ох как не хотелось, поскольку и «спокойной ночи, малыши» знают, что лучшие поклёвки, в том числе крупной рыбы, бывают с утра. Мой хороший знакомый журналист, ведущий рыбацкой рубрики и один из авторов книги «Зори над Окой» Карп Поклёвкин как-то поведал мне секреты Солнцевского бука на Орлике. Сейчас, когда малолюдная автостанция встрепенулась сонливым голосом диспетчера, объявившего посадку по маршруту «Орёл – Нарышкино», этот омут, на котором я не разу не был, рисовался моим изголодавшимся по клёву воображением прообразом Селигера. Карп (Пётр Николаевич Николаев), было дело, угощал меня крупными окунями и плотвой в знаменитом когда-то пивбаре на Щепной площади, в аккурат напротив любимого орловчанами магазина «Охотник». Промелькнули в памяти его слова: «Виктор, на Орлике живут и в ус не дуют матёрые окуняги. Если по осени нет малька, вези с собой привозного, там не поймаешь. Прошлый год «подгорбыликов» грамм по пятьсот я ухватил – заливное к октябрьским было – не вытряхнешь! В крайнем случае,

цепляй тройку навозников и на полудонку. Тяги сильной избегай, меняй места, помни, что крупный голавль и окуни часто «шхеряются» в замоинах прямо под берегом. Гляди – не зевай, у меня и обрывы не раз случались. Каждая река – загадка. Да и ручьи по весне немало сюрпризов в своих мутных водах несут! Главное – не будь соней и лодырем, тогда и уха с проблеском будет...»

...Я вспомнил о наших встречах по дороге, а сам и не знал, как и где искать омут в темноте. До Солнцево было рукой подать, и дремать, как это часто бывает в убаюкивающей монотонности дальних рыбацких дорог, было просто нельзя – проскочишь. Сосед мой, Димон, заядлый флажочник, как-то после ночной смены поехал на электричке в Змиёвку, чтобы там пересесть в автобус на Богодухово. Плакала, наверное, по нему Неручь – проснулся бедолага в Понырях да ещё и с живцами. Ни хвоста ни чешуйки не взял, зато чемодан смеха полнёхонький приволок, а сам злой! Дай бур – он и асфальт просверлит. Чего только не бывало! Знаю ребят, которые и поле бурили...

Попутчиков-рыбаков не было. Видно, Орлик славился не так, как Васильевка, Салтыки, Володарка, Карандаково, Лыково, Коровье Болото, Редогощь и другие уловистые места. «ЛАЗик» шёл в райцентр пустым: я, женщина с двумя детьми, да дембель-солдатик, судя по нарукавному шеврону, из автобата. Откуда им знать, где омут?

Выручил водитель Сергей, более десяти лет колесивший по Орловщине и близлежащим с нею областям. Оказалось, служил торпедистом-минёром на Тихоокеанском флоте. А там – хочешь не хочешь – и водичкой солёной напоят и рыбаком сделают. ТОФ он и есть ТОФ!

Остановившись у полуразрушенного храма, силуэт которого начал выделяться на взгорье, Сергей подсказал, что омут от бывшей когда-то мельницы прямо внизу, не более

500 метров. По его словам, в нём попадается щучка. Заметив, что я без пескарницы, посетовал:

– С живцом на Орлике, когда он нужен, всегда не везёт. Пескаря и голяна в омуте пропасть, и на перекатах вперемежку с голавлём, клинком и сорочкою попадается. А как его на двойник цеплять, – ну хоть мотыля в мёд окунай! Намаетесь так, ноги по буграм наломаете, а живца – два пескаррика и одна барынька. Закон подлости!

Поблагодарив за совет, я вышел и бодро зашагал по склону, ничуть не расстроившись отсутствию живца. У меня был запас выдержанных навозников – самая ходовая насадка осени. Клюнет крупняк – хорошо, а так – брал бы окушок с ладошку и плотица в проводку, и то ладно. Лишь бы сильный ветер дождя не нагнал...

Журчание омута в мягко-тёплой тиши утра послышалось за несколько метров от реки, с ходу дыхнувшей в лицо сильной прохладой. «Родники студёного Орлика» – причудился мне заголовок рассказа, и я вспомнил мальчишеское ужение окской мелочёвки с мостков и взабродку, первого подлещика, пойманного под Александровским мостом, и глазунью с пескарями, заботливо изжаренными до хруста руками моей рано ушедшей матери Ольги Ивановны...

«Что было с вами, любимые родные реки в период оккупации???» – этот вопрос и ныне не даёт мне покоя, крутит сознание водоворотом памяти, высвечивает пенкосбирательную недалёкость журналистского мира, обнажает догола ошибочное, беспроблемное виршесложение сонетчиков, одистов, лириков и футуристов в одной охалке с пластилиновыми, выдутыми из пальца «гениальными» прозаиками, позабывшими, чем месится грязь и какими мозолями достигаются мясо, рыбка, овощи, хлеб, ежедневно шинкуемые на их столе, который давно плачет по белому листу и машинке. Замотались в карне бредней выходцы из крестьян!

И самому всё некогда «прыгнуть в бездну» архивов – всем нам сегодня хлопотно, незачем, невыгодно, недостойно, не к о г д а... А может, кругом исписавшиеся лентяи в кубе, неосознавшие мудрости ветхозаветных строк-мыслей? Очевидно, интеллигенцию поразили «вирус баксовости», поставила на колени «демократия», представляемая теми цензорами, что её душили физически, нравственно, морально. В послепутчье, сменив шкуры (читай чаще И.А. Крылова), они с улыбкою стали «хозяйственниками», «приватпромреформаторами» и религиозно кающимися «природолюбцами», качающими рубль через кровь, пот, слёзы – жизнь и смерть соотечественников. Глумение над урожаями – это трилогия...

Масса цельного, спорного, правдивого, сложного, неверного и хаотичного, доброго и злого приходит на ум наедине с Природой, лелеющей, обмывающей и остужающей нас в любом возрасте. И только Она, веками преобразуясь по сезону, местами остаётся девственной, и в то же время настолько плодороджаемой, что нам – здравомыслящим Её детям – остаётся лишь У М Е Т Ь правильно пользоваться Её дарами, ценить и приумножать Её вечные корни, затем, чтобы новые семьи передали живое наследие своим потомкам...

Рассвело незаметно, неожиданно, на краткий миг чисто-розово. Передо мною пел древнюю песнь Орлик, перекатываясь по голышам и повальному хламу сквозь много повидавшие сгнившие сваи, еле-еле выступающие над кромкой поверхности. Воронкообразные, просматриваемые насквозь буруны обвивали их поросшие водорослями остовы, поднимая слабую муть у дна и перемещая вглубь сыпь ракушечно-песчаной гальки. Пять неуловимых, хитрых пещарей и один бойкий сеголеток-голавлик прытко и настойчиво держались на меже струи, привычно ожидая обычного рациона корма, урезанного первым похолоданием.

Через десяток метров поток, вальсируя плывущей на разных «этажах» листвой, сбросив пену напора, ослабевал, и в омуте начинался крутоворот, сходящийся с небольшим по силе притоком, омывающим заросший ивняком островок. Береговые ракиты, необхватные даже в размах рук двоих – немые свидетели революции, коллективизации, репрессий, Гражданской и Отечественной войн, видевшие триумф и позор армии Гудериана – склонили новые, уже облетевшие побеги, словно желали напиться с глади, хотя влаги с корня им было довольно.

Пора! Размотал чехол. Соединил отреставрированную бамбуковую трёхколенку, стал проверять спуск. На выходе тяги с омута было мелкогато – не больше метра, и, вдобавок, течение волокло оснастку под затопленные коряги противоположного берега. Старался пустить насадку по фарватеру, и всё же поток, неумолимо живя по своим законам, нёс поплавок, грузила, крючок на стопроцентное, обидное и ненужное зацепление. Поклёвок не было: видимо, рыбёшка искала места поспокойнее, либо частично уже скатилась к Весёлой Слободе и «Зеленстрой».

Заросший остров манил своим таинством. Я подсмотрел, что ближе к вялотекущему притоку, а, вернее, к развилке реки есть сижа, рогатка под удочку, обгоревшее поленце вместо сиденья. Мешающие при забросах ветви кустов были обрезаны, надломаны и опутаны «бородой» из крепкой леси.

Болотники не первый раз выручили. Почти заливаясь на уровне проушин сапог, я мельчайшими шажками перебирался через узкий мощный поток. Его сила сопротивлялась, дыбилась, вертела пеной, пытаюсь сбросить меня в омут, а я, как наивное дитя, вместо следи, опирался на выдавший виды, потерявший прочность бамбук, стараясь не замочить рюкзак, ноги и только вчера промасленную катушку.

Несмотря на сапёрную осторожность, ближе к центру вода поднялась в пол-ладони. Валуны были небольшими, но подмоины около них всё-таки подвели – правый сапог залился плотно до верха, усложнив дальнейшее продвижение. Холод, цепко сжимавший резину ранее, теперь посетил меня натурально, подтолкнув быть подвижнее.

Наконец выбрался. Остров был небольшим, намывным, песчаным, но старая мельница, останки которой ещё находились здесь, не могла строиться на песке, а, значит, в основании её фундамента старожиллами-мукомолами закладывался природный бутовый камень. Удобный «бархан» наносился паводками-годами, что подтверждала молодость лозняка, покрывшего остров повсюду.

С первых забросов между тягой и спокойной водой начались поклёвки – тихие, неуверенные, дёрганные. Попалась плотвица-красотка, да не сорочка, а королева с фунт. Потом – пара пескарей, «матросик», и – клёв обрубил. Раза три веером серебра рассыпались вездесущие верховки – похоже, начал жировать окунь или карандаш-щурёнок. Ниже омота, ближе к руслу, тяжело плюхнулся неплохой голавлина.

Отошёл левее, на тихо журчащий развилок. По скату, вправо от него, отмель резко переходила на двухметровую глубину. Установив снасть на полудонку, нанизал двух крупных навозников и стал ждать.

Прошло около десяти минут – ноль. Перезабросил глубже, и сразу же, на приводнении оснастки и падении насадки ко дну, поплавок, не становясь вертикально, медленно, но энергично пополз по горизонтали в глубь омота. Чуть отпустив, дав возможность рыбе лучше заглотить приманку, я коротко и резко подсёк того, кто на неё позарился.

Удилище – подарок Пицунды – согнулось, закрипело на стыках и в кольцах. На крючке, упорно нажимая ко дну, ходило что-то весомое. Напролом, даже при толстой жилке, я

не рискнул крутить «Невскую». Неновая леска натянулась как струна, рыба, меня местонахождение, быстро ставила её под разными углами, заставляя меня с ёкающим сердцем шаркать по берегу острова, спотыкаясь на запутанных узлах стеблей лозы...

Подержал, поводил немного – рыба стала ослабевать, но, чувствовалось: рано! Время как будто притормозило. Не спеша, дрожащей рукой, я стал потихоньку выводить невидимого великана ближе к себе. Подсачека, увы, не было, оставалось надеяться только на госпожу милостливую удачу. Позвать кого-либо на помощь – было бы недурно, но берега, озарённые в те счастливые минуты лучами восходящего солнца, оставались пустынными...

На глаз проскочили минут десять – пятнадцать. Подняв удилище почти вертикально и уже по пояс стоя в ледяной воде, я увидел краснопёрого горбача, идущего полным ходом к поверхности. Мгновенно убрав слабину лески, созданную им, я резко, неожиданно для себя, перекинул его через голову в заросли. Бросив удочку, откровенно труся, что окунице прямо сейчас сорвётся и уйдёт, кинулся за ним, но забылся о скате бука, споткнулся о подводную корягу и... поплыл к острову. Здорово, что до него было шесть-семь метров. Мне повезло, успел: рыба глубоко проглотила крючок, и, чтобы извлечь его из неё пришлось обрезать «пятёрку», лишь бы не повредить матёрого...

Рюкзак лежал в стороне, в нескольких шагах. До сих пор поражаюсь, почему окунь в тот момент повёл себя сонно-смирненным – ни одного движения, лишь лихорадочно работали жаберные крышки, обнажая рубиновую сетку жабр. Радужный глаз с брежневскую копейку косил на воду...

Левой рукой стал развязывать вещмешок, держа трофей в правой. И вдруг, нервно и сильно дёрнувшись в руке, окунь раскрыл свой колючий гребень и так ловко повернулся в

ладони, что распорол её сразу же сквозь целлофан, в который я уже успел его завернуть.

Вскрикнул, а окунице, переваливаясь с боку на бок по песчаному скату, не зная и не видя ничего, приближался навстречу свободе – Воде. «Чёрт, ну и настёрный Ихтиандр мне попался!» – мелькнуло в голове, пока он, не в силах себя поднять, сползал, словно в замедленных кадрах к родному дому...

До него ему оставалось не больше метра. И здесь спасла меня высохшая ветка коряжника, в расселину которой и угодил желанный окунёк. Я, как ребёнок, упал на кустарник всем телом и, падая, обронил очки, но окунь был в руках и устало извивался, обсыпая меня песчинками. Только сейчас я заметил, что в полкорпуса снова лежу в воде...

Положив «царька» в рюкзак грязным во избежание очередного побега, умылся, смотал удочку и взглянул на часы. Циферблат покрылся испариной, и я, счастливый как в детсаде, обрадовался удаче, случившейся в 9.50. Очки в омуте не стоило даже искать. Начинало знобить, после повторного душа «заплясали» зубы, опухла раненая рука.

Слегка отжавшись, гордый до небес, я прошёл мимо родника и сельского погоста к остановке. Старушка лет восьмидесяти, а то и девяноста, спросила, видимо, утомившись одиночеством в ожидании автобуса:

– Сынок, не знаком, случаем, с батюшками, иль с кем в горкоме?

Церквушку бы восстановить. Ходить-то нам некуда. Вижу, с Орличонка шёл, мимо кладбища. Все мои там лежать. На поклон седые деточки туги. Не спится годами. Думаю: колхоз, партия, война, СССР, демократия – были, а рубля и нонче нету! Не определяемся из века в век, так-то!

– Зато у вас есть Солнечный омут – святое место! – поддержал я старушеницу, подсаживая её в первую дверь «Икаруса».

Девчушка лет пяти игралась с куклой, будоража салон своим голосом, оживляющим неживое. Её мама согнала дочь, чтобы дать место бабуле, и я спросил: «Извините, вы не подскажите время?»

– Конечно, скажу, – сказала мать, больше похожая по возрасту на старшую сестру. – На моих половина двенадцатого. А ваши, что стали? – нарочито подчеркнула она, увидев мои потрескавшиеся «котлы» из Китая.

– Да так, чуток отсырели...

Присев у окна, я до Орла и, годами позже, думал о том, почему время не измеряется вдохновением, удачей, счастьем и килограммами? Кто посеял странную замкнутость человеческих отношений, столь трудно освещаемых в наши буржуазные дни? Наверняка, мы – избиратели угнетателей.

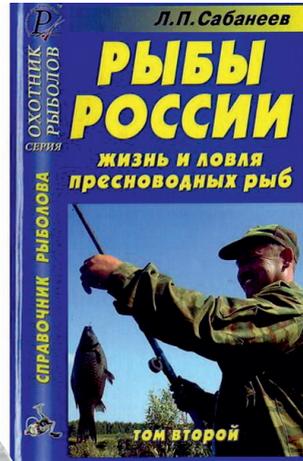
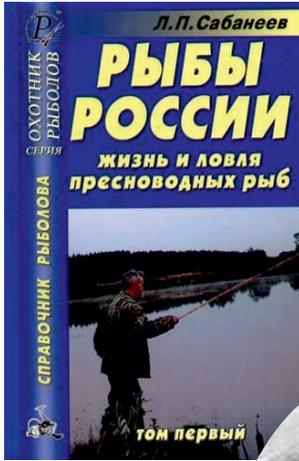
*Ноябрь 1994 г., Орёл – Солнцево – Орёл,
«Путевые заметки».*

ДНЕВНИК СЫНА

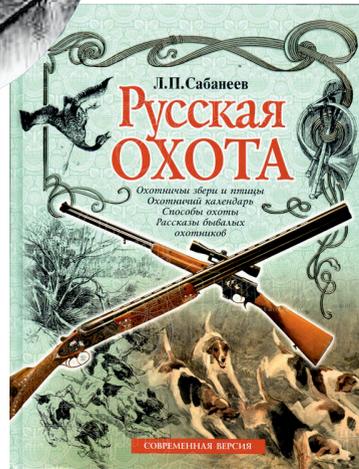
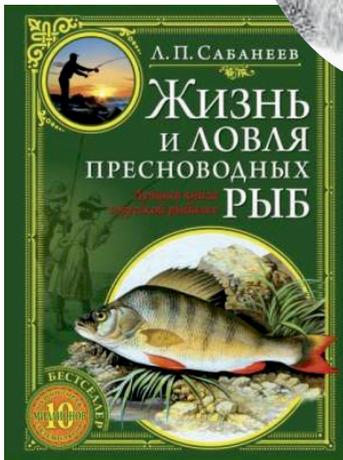

1844

1898

Д Н Е В Н И К С Ы Н А

1 9 8 2 - й г о д

25–26 апреля. Видел на озере диких уток, чибисов, первую ласточку. Ездил с папой на рыбалку. На речку Цон. Поймали вместе 47 рыбёшек. Я поймал в основном ершей. Но поймал ещё три крупных озёрных пескаря и одного голавля.

1 мая, суббота. Ездили всей семьёй делать шашлык. Мама ехала на трамвае, а мы с папой на велосипедах. Взяли, конечно, и удочки.

Вот мы и приехали! Я забросил свою удочку. Примерно через три минуты – поклёвка! Я подождал, когда поплавок потянет вниз. Вот и потяжка! Я дёргаю. Вытаскиваю крупного пескаря больше ладони. Потом я пошёл на мостик, который возле ручья. Минут десять стою, не одной поклёвки. Я подумал, что смотаю сейчас удочку и пойду к папе. Не успел об этом подумать, как вдруг поплавок стало осторожно подёргивать. Как только резко дёрнуло – я тоже дёрнул! И снова пескарь! – Ну ничего, и он пойдёт на уху, – подумал я, подтаскивая пескаря. А он возле самого берега сорвался! Только не в речку, а возле её...

Я скорей бросил удочку и полез за пескарём. Залез в песок и измазался. Всё-таки я его поймал и положил на берег. Потом я поймал ещё одного и маленького окунька. Но нужно было делать шашлык. Смотал удочку и пошёл

помогать родителям. Потом мы сжарили шашлык и все были довольны.

3 мая, понедельник. Я получил «пятёрку» по истории! Пришёл из школы, пообедал и мы с папой пошли на рыбалку на Оку, в районе Ботаники. Как только я забросил удочку, мне показалось, что клюнуло. Я не ошибся. Через какие-то секунды поплавок утянуло вниз. Я вытащил ерша с ладонь. Потом ещё...

Перешёл на папино место. Там я выдернул ещё одного ерша. Ух и колючий! Больше мне ничего не попало.

10 мая, понедельник. Папу раньше отпустили с работы и я в это время пришёл из школы. Решили поехать на пруд Института Зернобобовых. Мне почему-то ничего не попало. А папа поймал 10 плотниц и 4 окунька. Купались, вода была очень тёплая. Как парное молоко!

1 9 8 4-й год

9 декабря, воскресенье. Ходили на зимнюю рыбалку (впервые). Когда шли, встретились с соседом дядей Олегом. Он нам показал «окуньков» – мы аж обомлели. Только один хвостовой плавник в две отцовские ладони. Это был Судак! Килограмма на три, не меньше...

Мы пошли ловить на Оку в районе Завода Металлоизделий. Там есть промоина. Я поймал всё-таки окуня грамм на 150. Сейчас он плавает в ванне. Оказывается, рыба ловится и зимой, и в мороз. Надо только знать, на что и где.

1 9 8 5-й год

22 июля поймал на Цоне штук 20 уклеек. Были весьма неплохие. В тот же день, вернее вечер, попались голавль грамм на 200 и 3 небольшие плотвички. У отца, в глу-

боком омуте, что слева от струи после плотины, сошёл карпёнок грамм на 800 (а может, килограммовый, не взвешивал!).

Через два дня, опять же, в том же месте на Цоне, поймал 24 уклейки и плотву – все крупные. Кормлю семью рыбой. Отец почему-то ничего не ловит. Потом он уехал на неделю в командировку в Курск, и я один на рыбалку не ходил. Играл во дворе с ребятами – Ромкой Куличенко, Борькой Бябликовым, Серёгой Гапоновым и Лёхой Бородиным.

10 августа. Восьмого праздновали мой День рождения. Мама угостила нас и гостей уткой с яблоками, картошкой-пюре, разными салатами и селёдкой «под шубой». Папа подарил мне книгу «Жизнь и ловля пресноводных рыб» Л.П. Сабанеева. Читать трудно. Много мудрёных, непонятных словечек и древних снастей. Леонид Павлович жил и творил свой труд до революции. Зато много чего интересного узнал с первых же страниц...

Нашли место на пруду в Борзёнково. До этого мы ловили на ручье, который вытекает из этого пруда. Ловилось рыбы очень много, но вся маленькая – пескарь, голец, небольшие окуни и карасики. Мы из них сделали консервы в томате и масле. Ничем не хуже килек и сардин. Даже намного вкуснее!

Тринадцатого числа пошли на сам пруд. С нами была и мама. До этого она успела «наловить» две трёхлитровые банки полевой клубники...

Забросили удочки. Мотыля брало скверно. Тут меня осенила мысль: дай, думаю, попробую на навозника, около дна. Только забросил – поклёвка, да какая! Поплавок исчез на несколько секунд. Подсекаю, и вот забесновался на крючке крупный окунь.

С этого и пошло. То я, то отец таскали окуней. Были неплохие. В общем, за час поймали с десятков краснопёрых красавцев.

14 августа. Самым ранним автобусом – 5.37 – выехали проверить утренний клёв. Дошли быстро – до Борзёнокво около двух километров.

Стали ловить на червя. До 12-ти наловили 32 окуня. Я впервые в жизни поймал линя грамм на 200. Папа выудил белого карася побольше и, вдобавок, 19 пескарей.

Вообще, на пруду жуткий пескарь. Прямо рекордный – от десяти до пятнадцати сантиметров. К обеду пришла мама. Мы поели и пошли собирать ягоды, потому что днём рыба не брала. Маме ягод попало больше. Она одна собрала, трёхлитровую банку, а мы с папой вдвоём по литровой. Потом поужинали и отослали маму домой, а сами начали устраиваться на ночёвку...

Поздно вечером, по спокойной воде, начался клёв. Брал крупный окунь, пескарь. В сумерках зацепил хорошего. Он норовит затащить в кусты. Потихоньку подтаскиваю: ну, красавец! Грамм на 350...

После него поймали где-то штук 15–20, я не считал. Вдруг, уже в сумерках, мой поплавок пропал. Я подсекаю и тащу. Что-то сопротивляется. Вытаскиваю. Смотрю, блестит, толстый – думаю, линь! Взял в руку – чешуя крупная, – карась! Подошёл отец. Говорит: – Карпёнок. Поздравляю с первым. Грамм на двести потянет...

Ночью случилось непредвиденное. Выдра или ондатра вытащила садок на берег, прорвала дырку и съела карпёнка. Больше, кроме, пескарей, мы ничего не поймали.

21 сентября. У нас отличная новость – мечта рыболова – надувная двухместная лодка «Омега – 1». Долго мы искали любую, но новую. Продавцы отложили её на полдня. Отец

занял денег (лодка дорогая – почти 200 руб.) и после обеда мы поехали в «Старт». Теперь она наша!

Весь октябрь и ноябрь ловил на блесну на Орлике. Впервые в жизни поймал щуку на 600 гр. Только пришёл, на пятый заброс, смотрю, как зацеп! Потом как шарахнуло, я быстрей крутить катушку. Выбросил щуку на берег, а она соскочила с блесны и быстро перекатывается к воде по склону берега. Я как прыгнул на неё, чуть в воду не свалился, но всё-таки успел поймать. Бросил подальше, потом долбанул её об бетонку набережной и в рюкзак. Взяла на «Норич» под камышом у Александровского моста. Один мужик даже спускался ко мне: «Покажи, покажи!» А что показывать? И так всё ясно. Ведь видел же, как я возился с ней...

3 ноября снова пошёл на Орлик, ловить на блесну. Прощёл от Дворянки до Госбанка. Моросил дождь, но было тепло и безветренно. Неплохая погода для щуки! Перешёл на другую сторону по подвесному мосту. Уже без надежды (село солнце) стал полоскать устье Орлика со стороны стелы в честь Орла. Перед этим перевязал «трофимовскую вращалку» на колеблющуюся «Озерну». И – я её поймал! Вторую в жизни! Почти полукилограммовая вцепилась мёртвой хваткой, сев на каждое жало тройника. Дома отец и мать поблагодарили за уху.

19.11.85 начался подлёдный сезон. Мороз заковал льдом реки, озёра и пруды. Отец ходил на «Светлую жизнь» и на Оку. Поймал с десятков ершей, одного клинка грамм на 250 и пять разных по весу окуней.

Потом он ездил в Яковлево и Константиново под Змиёвку, на электричке, а затем пешком. Ловились окуни и плотва. Было несколько обрывов лески. Всего отец поймал больше ста штук вместе с пескарями. Остаток декабря, строго по выходным, мы обловились окуней в

Шамшино, Еропкино, Борзёнково, Никуличах, и других прудах. Плотва больше брала на Оке, Орлике, Неручи, на Лавровском озере и карьерах «Светлая жизнь», Шахово, в Кузнецах и Вязках.

Да, чуть не забыл! Мы купили новый ледобур – шнековый, производство «Ленинград». Режет лёд, зверь! Пока всё.

1 9 8 6-й год

В новогодние каникулы чаще всего были на «Светлой жизни». Попались 6 синеньких до 300 гр, много всякой мелочёвки. Два раза были на устье Цона, а к концу дней переходили вниз по течению к устью Рыбницы возле деревни Гать и дач. Самый крупный трофей – пятисотграммовая плотва, пойманная отцом в районе фабрики «Радуга», пока я был в школе.

23.02.86. День Советской Армии и Военно-Морского Флота. Ездили в Лаврово, на озеро. Клёв был плохой. 10 окуней, сорочки. Сошла плотва грамм на 300, в полводы, на глубине около четырёх метров. Одолел наглый и вездесущий горчак.

28.02.86. На «Светлой жизни» ухудшение клёва. На двоих: один синий, две плотвы, три окуня, два ерша. Перешёл с мормышки на две поплавочные. Одна удочка стояла метрах в пяти от того места, где я раньше прикармливая рыбу манкой. Смотрю на поплавок второй удочки, а та, что в стороне, вижу, поползла. Подскочил и подсёк. Чую, тяжесть адская. Перебираю леску и смотрю в лунку. Смотрю, а там судак килограмма на два! Я его в лунку завёл до жабер, а дальше – не проходит! Серо-зелёный, клыкастый, с большими и яркими глазами. Позвал отца, а судачина, пока он шёл ко мне, взял да оборвал леску. На этом и кончился зимний сезон...

5.04.86. Родители подарили мне новую телескопическую удочку – 3 метра 90 см. В сборном виде – 40 см. Отличная снасть, которую надо срочно опробовать!

7.04.86. Впервые по открытой воде ездили на Оптуху. в Домнино. Я ничего не поймал, а папа выудил двух сорочек, маленького голавлика и одного королевского ерша.

10.04.86. Орлик, бучило в Солнцево. Сумасшедший клёв пескаря – 148 штук на двоих. Полное отсутствие других рыб, хотя один раз видели удар по малькам килограммовой щуки.

17.04.86. Ловили на Цоне, недалеко от деревни Вшивка. Шла уклея с ладонь, мелкий пескарь. Дальней проводкой по руслу взял пять клинков 150–200 гр., и такого же по весу голавля.

27.04.86. Ездили с лодкой на пруд в Борзёнково. Клевало не везде, но на мормышку удалось поймать двух карасей и трёх окуней с ладошку, несколько десятков средних пескарей.

1–2 мая рыбачили с ночёвкой на «Светлой жизни» с лодкой и прикормом. Отличный клёв! 31 плотва, шесть синих не больше 200 гр. Из крупняка только одна плотва под 400 гр. Весело брала – вес улова около пяти килограммов.

В августе ездили в деревню на реку Свапу. Рыба хорошо брала по всей речке, лучше на тихой воде и в затонах. В основном попадалась плотва, однако не брезговали навозником голавль и подъязок. На одном из перекаатов стремительно проклюнула стая ельцов – 12 штук. Все как один – по 200 граммов. Шустрая рыбёшка!

Неподалёку от Свапы есть Ясенецкий пруд. Сколько лет запружен, не знаю. Попали, без всякой прикормки, на ход карпят чуть больше ладони – 27 голов и хвостов. Дважды у меня и у отца брал на большой хлебный шарик его величе-

ство карп. В обоих случаях – по нулям. У меня – обрыв, а у отца – сход из-за перелома верхнего колена удочки. Будем надеется, в будущем – попадётся!

Апрель 1982 – Август 1986 гг.

Папино примечание: Рыболовный дневник Сергея более подробен и обширен, а также оформлен сыном без моей помощи. Как автор книги и отец, я просто выбрал из записей наиболее приметные моменты начальной рыболовной практики каждого любителя провести свободное время на реке, озере, море...

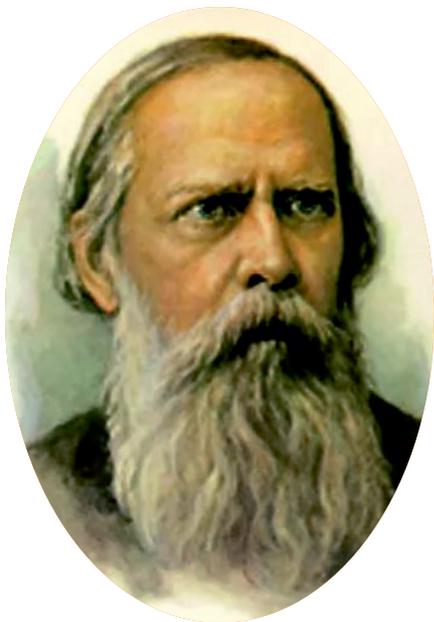

ЩУКАРЬ

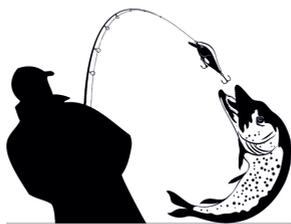
Быль

1826 - 1889

Щ У К А Р Ь

Быль

Много раз я встречался с ним в верховьях Цона и Орлика. Одинокий, угрюмый и молчаливый, он всегда занимался, по моему разумению, дурью – таскал пескариков, клингов и сорочек и бросал их в небольшое ведёрко. Побудет – помаячит так час – полтора, глянешь в его сторону – а он растворился в тумане...

Такое повторялось неоднократно. Я тогда был в рыбалке дилетантом. Завораживал сам процесс ужения, а не добыча. Да и рыбки на Орловщине в начале карьеры Брежнева было, скажу, побольше. Дай, думаю, вместе с мужичком его тропами пройду. Смекну, что к чему.

В этот раз он пришёл под Знаменский винзавод в болотниках, с большим треугольным самодельным подсачеком размахом полтора метра и жестяной пескарницей. При попытках заговорить с ним я неожиданно уяснил, что рыбачок по натуре добрый, но... глухонемой. Языком жестов показываю ему: «Я, мол, хочу половить вместе. Ты не против?» Показывая на пескарницу, он два раза махнул ладонями от себя, сжимая их в кулаки. Видимо, так он обозначил количество нужных ему живцов...

Решил помочь ему, благо тоже был в болотниках. Хотя один из них здорово подтекал, в азарте загона «малышей» из-под камней как-то не заметил, как быстро мы наловили

уклеек, голавликов, клинков и пескариков. На мыс у затона вышли с бельём женщины. Старшая из них с ходу прокричала дежурный приказ-напутствие: «Убирайтесь прочь! Не мутите воду, бездельники!»

Глухонемой, махнув рукой, стал собирать подсачек, и, указав на мои снасти, жестом подмотки катушки предложил собираться.

Утро было холодным и пасмурным – приближался ноябрь. Мы неспеша двигались к устью Цона, где он впадает в Оку. Это сейчас его намыло-запесочило по колено. Раньше глубина по скату с Окой была полтора, а то и два метра. Тяга шла сильнее правым берегом, но с левого – она была более спокойна и позволяла ловить слабой проводкой вдоль прибрежной осоки.

Не было тогда японских спиннингов и «телескопов», как не было зарубежных лесок, крючков, поплавков и безынерционных катушек, мультипликаторов и «виброхвостов». «Невская» и та была уникальностью. Удилища у большинства представляли бамбуковые трёх-двух-коленки с индивидуальными доработками. Грузила отливали сами, пропускные кольца крутили сами, поплавки – гусиное перо, а посередине пробка из-под сухого вина...

Пока расчехлялся, Молчун, как окрестил я своего напарника внутренне, сделал первый заброс. Налаживаю снасть, а сам нет-нет, гляну на его поплавок, танцующий на поднимающейся волне из-за подводных метаний пескаря.

Он исчез так внезапно, что от неожиданности я вскрикнул, но Молчун был зорек и уже радостно мычал, орудуя удилищем и трескающей на тормозе катушкой.

– М-м-м! – кричал он мне, правой рукой указывая на подсачек. Я подбежал и с шумом залетел в воду. Молчун боролся с рыбой – невидимым великаном, упорно не идущим к поверхности навстречу котелку или сковороде. Ещё пара

минут – и я увидел жёлто-пятнистую «барракуду», плывшую боком и под углом прямо на меня. Взмах подсачеком, и... м и м о! Сделав переворот, щука стремительно рванулась к руслу, обдав меня ледяными брызгами...

– Б-б-б! Тв-т-м-м-м! – шипел Молчун, трясущимися руками стравливая звенящую жилку...

Со второго захода желанный трофей барахтался в подсачеке в кустах ивняка на берегу. Жадно хватая челюстью воздух, хищница замерла, но через секунду начала бесноваться. Обваливаясь в песке и опавшей листве, она сжала челюсти на сетке подсачека и доставила нам немало хлопот, прежде чем мы сняли её с помощью экстрактора.

Покрасневший от переживательной борьбы, глухонемой смолил «Беломор» за «Беломором». В его глазах искрились невообразимое счастье охотника и профессиональная радость щукаря, которые он, к сожалению, не мог выразить словами. Он кричал и приседал, хлопал в ладоши и по животу, брался за сердце, показывая мне кистью – п я т ь...

А щука и вправду была хороша, и тянула на все шесть килограммов. Немного отойдя, Молчун положил её в рюкзак и смотал снасти. Подвернув болотники и раскланявшись, он подростковым бегом вприпрыжку засеменял домой, спеша обрадовать родню.

На оставленных им пескаря и голавлика я поймал «карандашика» с полкило, и, к своему удивлению, килограммового жереха.

Возвращаясь домой, отчего-то вспомнилась старуха, полоскавшая бельё на утренней реке.

Хорошо, что глухонемой не слышал, что мы – «тунецы»...

*Октябрь 2001 г.,
Орёл – Большая Гать – Орёл*

РЫБАЛКА, ОХОТА И БЫТ В РУССКОЙ ЖИВОПИСИ

*В.Г. Перов
(1833-1882)
Автопортрет. 1870*

*Портрет С.Т. Аксакова
(1791-1859). 1878*

«Охотники на привале». 1871

*«»Рыбаки. Священник,
дьякон, семинарист»*

ВАСИЛИЙ ПЕРОВ

Характер твёрдый... Без опаски
Писал он дерзко, без прекарас,
Свой «Сельский крестный ход на Пасхе»,
Что видел сам не первый раз.

Ему в глаза бросали, в спину
Сверхдюжины кинжальных слов.
Купить «крамольную» картину
Не побоялся Третьяков.

Нахмурились «святые лица»,
И даже правде вопреки,
Грозилась бросить живописца
За «клевету» – на Соловки.

Но иерархия Синода,
При гневe, к счастью, поняла,
Что часть подобного народа
И в православии была.

«Рыболов». 1871

*Художник в своих картинах поднимал
и социальные темы*

*В.Г. Перов. «Сельский крестный ход на
Пасхе». 1861*

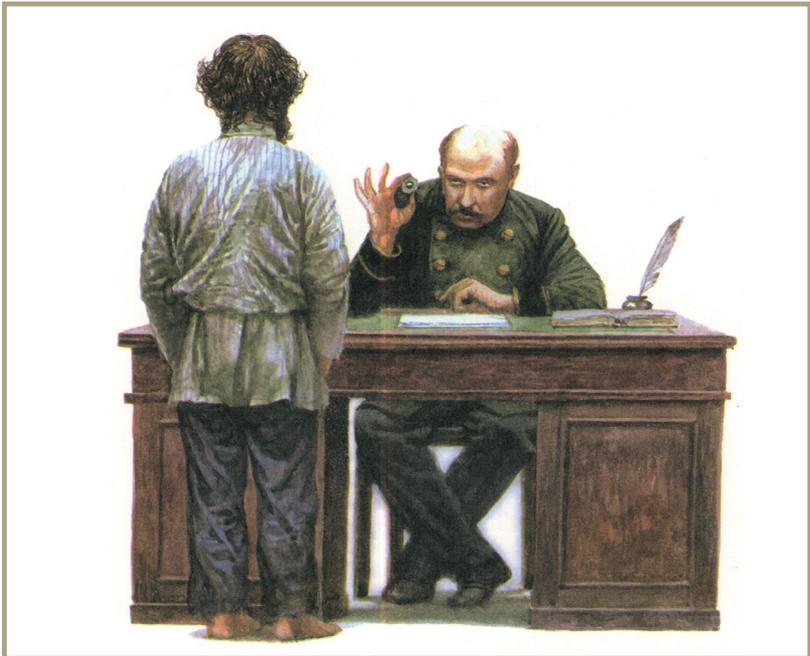
ТОК

Быль

1860 - 1904

ТОК

Быль

*«Уничтожение природолюбия
есть грех разумных по отношению
к самим себе».*

Эссе автора «ГРИНПИС
для нас не наука», 1999 год.

Около пяти утра в квартире оперуполномоченного УГРО Саши Карпова раздался телефонный звонок*. Лейтенант кемарил после дежурства, не предполагая о нарушении его выходного дня.

Звонил сослуживец, майор в отставке Толя Барабанов, прозванный в народе «Спиннингистом». Но сейчас было не до блёсен и прочей премудрости подводной охоты по открытой воде. К счастью рыболовов, наконец-то двинул к середине зеркал первый лёд.

– Саня, привет! Звоню насчёт леща. Помнишь, на Курском озере нахлёстывали по перволёдью под лесом? – скороговоркой мормышечника басил в трубку Толик.

– Помню, помню, прокуратурец! Ты же знаешь, я больше на хищников любитель. Как там судак? – вопрошал Александр.

– Тачка-то есть? Не забыл, что там подъезд мученический? «Козёл» или «Нива» и те не всегда на ухабах отеческих выручают...

*Совпадение инициалов случайно.

Толян сразу обнадёжил: «Найдём! Тёзка твой, зачиститель Чечни, «Пыж» ключики мне и доверенность от «469-го» оформил. С такой мощью-раздаткой – все шуки наши. Суетись, через часок заеду!»

Вскоре спящий двор огласил скрипом колодок «лимузин», катавший до этого крещёный люд по кутузкам.

«А не виделись мы со «Спиннингистом» порядком. Верно, с тех пор, пока не думал о курке наглец Пуго», – думал Карпов, собирая харч, чемодан, насадку и ножи ледобура.

Люди военные ещё до пенсии знают цену секундам. Да, детищу «Пыжа», отреставрированному в дрызгах капремонта, досталось по ноябрю. Гнали спешно ребята на рыбу, словно уплывёт она в Чёрное море...

Наконец прибыли, вдоволь «накозлившись» по мерзлоте пахоты, созданной пьянчугой, дабы помешать рыбакам. Анатолий шпарил матом от души в адрес «плугового вредителя», мерзавца, вспахавшего полосу в 300 метров, чтобы ни местный, ни приезжий не увлекались поклёвками и сетями.

А лёд был первым из первых! Через сотню шагов он стоял и прогибался, распуская в немислимых направлениях сетку сверхсложных долгоиграющих трещин. Компаньоны, не отрывая ног, скользили подошвами в стороне друг от друга, приближаясь к зияющей промоине. Тут было русло реки, благодаря которой, к радости рыбаков, было построено богатое всеми видами рыб водохранилище...

На подходе лёд угрожающе затрещал, да так, что заныло под ложечкой. Но отточенная пешня с первого удара не проходила. Замерили ледок – полпальца; опасно! – но если осторожно, то половить можно. Друзьям повезло: шутка ли, начать рыбачить около русла!

Санёк готовил снасти, любимые с юношества, а Толян собирал электроудочку, подмостья из досок для более прочного подхода к промоине.

– Что за прилада? Аккумулятор, провода, палки... Зачем они тебе, день ведь уже, – искренне удивившись, недопонимал Карпов.

– Эге! Волшебная снасточка. Великий Лёня Сабанеев никогда б не додумался; безотказность клёва стопроцентная! Собирай-ка пока подсак, двинем к промоине. Там глубина, а «глубина» по зиме есть «рыба», – спешил «рационализатор» Барабанов, позабыв застегнуть казённую дублёнку. – Бросай на хрен своих мотылей и блёсны. Два-три часа ловли – багажник, и никакого живца не надо!

– А после нас хоть потоп? Что твой сыночка завтра ловить-то будет? Плавучее и затонувшее пластиковое дерьмо Запада? Или в день совершеннолетия электроудочку с японскими комплектующими ему подаришь? – съязвил лейтенант, по чести заступившись за рыбу.

– Чего ноешь, салага? Не балагурь, твою мать, рыбнадзор! Сам поймёшь, Д Е Л О ! Вон до сих пор мотаешься в своём УГРО, как оборванец, а Фомич из ГАИ дочери и сыну неподдержанный «Чероки» дарит. Старайся, Шурик, ты ж напарник, а не олух? Десяток рыбалок – не джип, так мотоциклет получишь, может, и с коляской...

Теперь Александр очень пожалел, что ввязался в авантюру со «Спиннингистом», глядя, с какой проворностью он подхватил подмышку четыре «китайских» мешка. Подумалось: «Хапуга, раб наживы и рынка, а помогать всё равно придётся. 250 км по гололёду и бездорожью отмахали, чтобы ругаться и учить жизни друг друга?»

Мороз отступил, пошёл хлопьями первый снег. Где-то далеко простужено «закудахтал» дизель, очевидно, единственного на всю округу «Беларуся». Над промоиной барражировали чайки, опрометчиво оставшиеся зимовать. Вспомнилась выходцу из интеллигентной семьи Серая Шейка Мамина-Сибиряка: «Свою не сломать бы...»

Майор Барабанов не ошибся – рыба «шла дуром». Здесь были крупные окуни и плотва, лещи, краснопёрка и густера, пара судаков, щука и даже толстолобик. Карпов в азарте «ловли» еле поспевал за «рыболовом-любителем», орудуя подсачеком на длинной рукоятке, пожалев, что не захватил свою двухместную надувную «Омегу». «Какой там багажник, весь «Козёл» завалили бы!»

Они прошли вдоль кромки воды более двухсот метров. Прошли молча, без перекуров, позабыв про «Столичную» местного разлива. Хищническая, супералчная жадность, охватившая лжепромысловиков, не знала границ, а рыба, иногда выбрасываясь на лёд, молчала. Она не могла возмутиться преступному безобразию, и даже дебелый судак не мог, как дельфин, сигналом, вызвать голубой вертолёт рыбнадзора. Ибо и он, рыбнадзор, систематически окунался в похоть добычи, когда своими руками, а когда путём конфискации и последующей продажи уловов. Рыболовецкая «коза-ностра», или по-новорусски синдикат «Два хвоста – бакс», держала под своим протекторатом зеркало «моря» и впадающие в него речушки вместе с нерестными ручьями. Узаконенное браконьерство культивировалось влобовую. Его слуги не реагировали на воинственность местных жителей и выступления умниц в печати, в рупор прессы оно кричало о росте самосознания рыбаков и поголовья карпа со стерлядкой, когда исчезали голец и пескарь.

Новые «цивилизованные» варвары не знали пределов в б е с к о н т р о л ь н ы х отловах, сжигая госденьги и эксплуатируя служебную технику по мотивам повальной фальшизации в крокодильих слезах: Д Е Н Е Г Н Е Т !!! Купюр было валом, а вот ума у обладавших ими явно не хватало...

И сейчас вроде бы честному парню с рыбной фамилией Карпов на миг показалось, что за неделю он «заработает» не мотоцикл, а «Мицубиси-Паджеро». Он лелеял себя картинкой:

он за рулём рядом с длинноногой Надеждой «ля амур от кутюр» в шиншилловых мехах. Злостно трепетал ушами треуха ветер, а лейтенанту мечталось о полном освобождении от налогов, о том рае, когда его семья не будет метаться от безысходности из-за скачек, натурального галопа цен. Мысль «после нас хоть потоп» была стёрта в мозгу, словно запись в магнитофоне...

Народом подмечено давно: свои опаснее врага. Природа воспротивилась вопиющему наглелю и хамству, лишаящим рыбное племя потомства. Оттепель при перволёдые сделала своё дело: слабо состыковавшийся лёд лопнул, не предупреждая. Ватные штаны Барабанова, разом намокнув, двухпудовой гирей потащили его под лёд. Он пытался вылезти на него по-научному – с локтей, со спины, и в стремительном исступлении крошил его руками изо всех сил, раскровянив кисти. А он – Его Величество первый лёд – «Спиннингиста» уже не держал или не хотел держать...

Судорожно ухватившись за поданную соломинку – подсачек, он же незаконный кормилец, тучный майор с безумными глазами потянул в ледяную купель смерти напарника, который последний раз плавал школьником в пионерлагере «Артек», да и то по-собачьи...

Их кратковременные нечеловеческие вопли сотрясали гектары, но не были слышны люду прибрежной деревеньки – не то Чертога, не то Волчьих Ям. Но если бы кто рядом и был, местные лучше всех знали о тяге в фарватере, что была у утопающих под ногами. Видя трагедию, на лёд не осмелился б выйти н и к т о ...

* * *

...Двумя неделями позже, после заявления о розыске, поданном родственниками, знавшими о выезде на рыбалку в неизвестном направлении, сотрудники РОВД случайно

обнаружили полностью заметённый «УАЗ» с незапертыми дверями, сиротой стоявший в сосновом бору. Только по документам и форме удалось выяснить, кто прибыл порыбачить на нём. Увы, из-за пурги попытка отыскать место гибели, снаряжение и улов потерпела полное фиаско, за исключением ленинградского ледобура, вкрученного Сашей Карповым для ориентира, «работавшего» на их возвращение.

Двадцатиградусный мороз под шапкой снега заковал место провала близ русла, где теперь смело шастали с «флажками» местные подростки.

Тяга ещё долго волокла трупы сынов «электронного» века, но даже премудрые пескари и караси-идеалисты избегали тех мест, где плыли в скрюченных позах их убийцы. Тысячелетний закон звал обитателей водных просторов к икромёту на новые места, излуки, мели, близомутье.

Глубоко жаль пропавших НИ ЗА ЧТО людей-хищников. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, современник чистейшей российской природы, задолго до сегодняшних катаклизмов и падения нравов, словно в воду смотрел: «По-всемирно идёт чавканье и заглатыванье, а челюсти так торопливо работают, что поневоле становится холодно. Невольно спрашиваешь себя: что же будет, когда хищники переедят всех слабых и ни одного из них не останется налицо, чтобы ответить на мучительные и всеминутные вопросы плотоядности? Как поступят они? Начнут ли рвать за горло друг друга или же сочтут свою миссию оконченной и положат зубы на полку?»

Скукожилась икра – потомство было убито. Почернела родня – жизнь совсем не по щучьему велению превратилась в хождение по мукам. До каких же пор мы, разумные млекопитающие, будем вызывать на себя гнев и ток Божьей кары???

23 ноября 1999 года. Орёл – Курск, «Путевые заметки».

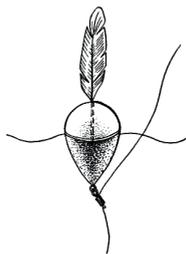

ОРЛОВСКИЙ ВАНЯ

На выставке московских художников

ОРЛОВСКИЙ ВАНЯ

*Озёра крови, смерть, печаль,
Победы свет на скорбных лицах...
Как вы сумели поместиться
В кружочек бронзовый – медаль?!*

Авторский блокнот «Бессмертье Родины».

Молодцеватого, подтянутого и опрятного старичка в глубоких морщинах я встречал на рыболовном направлении Орёл – Курск систематически – по выходным. Поговорить как-то не доводилось, хотя, скажу честно, хотелось, поскольку его стремление ко встречам с Природой и наверняка с Царь-рыбой, говорило об его неслучайном выходе в массы.

В этот тёплый летний четверг, собрав мини-тормозок и нехитрые снасти, я шумел болотниками по асфальту, шагая к замыкающему вагону, думая о ходе карася в Куначе – большой слух прошёл на молочном базаре. Людей было скудно: отсыпались, либо съехали в райцентр грабители пап и мам, дедов и бабок, после выкачки их годовалой работы и взвинченной катастрофичности будней...

Примостившись у окна и рассматривая отреставрированное здание исторической станции, подумав, что где-то здесь, вероятно, прикрыли «испанкой» смерть Яши Свердлова, я вздрогнул от удара по ноге и щелчков сорвавшейся с тормозов «Невской».

– Извините, пожалуйста, ляпка рюкзачная, понимаете, запуталась! О, а вы, вижу, рыбацкого племени? Куда ду-

маете – на плотву или карпёночка? – дружески вопрошал седой, лысеющий дедушка, подтягивая катушкой разматывающуюся жилку.

– А я вас помню! Вы, если не ошибаюсь, писатель. Щас и не припомню – не то Россошенский, а может, Расплугов. Перечитывал, как же! Провожали на пенсию, вручили «Шапку Мономаха» вашу любопытную. Кое-что про битвё рыбки током и трудности с публикацией «ЗИСа» слыхивал...

– Правильно, жёстко работаете! М-м-м...

– Виктор, – подсказал я ему и спросил:

– А вас как по имени-отчеству? Не раз встречались на водоёмах и в поездах, а подойти, по правде говоря, стеснялся.

– Иваном Порфирьевичем с рождения кличут, – говорил мне «сосед по лавочке» – затёртому «паркету» электричек. По его лицу прошла черед отсвета от желтоватых фонарей – сами не заметили, как тронулись.

Слушая и внимательно смотря на него, я понял, что рыбак-то внешний, а на деле человек сложной судьбы.

Говорит мне Иван Порфирьевич: – Вот вы, Витенька (прямо, отец!), пишете в защиту народа и человека. Врагов российских, тиранию, падение нравов и мародёрство обезличиваете. Послушайте, о чём поведаю, может, к месту прибудет вам ветеранское откровение. Редакторы, думаю, знают, где родились, – тоже заинтересуются...

– Служил я в Пятой танковой Гвардейской армии механиком-водителем, почти как в песне «Три танкиста». В конце июня 1944-го бросили нас в наступление, громить укрепления «Пантера», что были у Витебска под жезлом генерал-фельдмаршала Буша. Немчура в городе страшные вещи творила: ежедневно от двухсот до пятисот жителей расстреливала, построила два концлагеря. Связной из подпольного горкома партии, которым руководили Григорьев, Семёнов, Кудинов и Маценко, поведал нам на привале, что

немцы уничтожили свыше 135 тысяч жителей и военнопленных во время оккупации. Эх! В какие рассказы и энциклопедии уместить злодеяния «барбароссовцев» – мерзавцев, прикрывшихся перлом «Новый порядок асвабадит Россию»...

...Электричка с подвывом, энергично ускорила разбег. Слышался говор старушек о «колорадском» нашествии, а мне стало не по себе. Становой Колодезь... Здесь тоже глумились над русским народом и изничтожали его эти самые «цивилизованные» рабы «пространства, как фактора силы», толком не осмыслившие Гёте, Ремарка, Обста и Шпенглера, Ницше, Гаусгофера, Маркса, Шопенгауэра и даже «Майн Кампф» нервозного «наци №1» Гитлера...

Ранние лучи робко ворвались в окна полупустого вагона, а уважаемый попутчик не видел нового дня – он погрузился в ужас сороковых и продолжал озвучивать свою болезненную быль, изредка заглядывая мне в глаза.

– Когда двинули мы, не жалеючи детищ Кошкина и Морозова, нас поддержали соколы Первой воздушной армии, а выходили мы на смертельную схватку из-под Рудни. Дизеля наши – В-2, конструкции... э-ээ-мм... Чупахина и Вихмана, свеженькие были, спасали не раз. Да всё одно – сокращался их моторесурс неохватными горизонтами и боями, рвущими железо и плоть боями...

Приказ – на Толочин, обеспечить охват фрицев в Орше, затем – марш с боем в направлении Березина – Борисов.

Гнали мы по грунтовке, не помню хутора, где-то под Богушевском. И вдруг, на околице, «Святогор» наш – лейтенант и командир Николка Астров – как гаркнет, аж ток по телу промчался.

– Ванька, орёл, сворачивай! Кто-то под танк бежит. Прижми прыть, забыл, как дружка моего по Орловскому бронетанковому Трофимова подорвали?!

Передёрнул я рычаги, ушёл влево, а мы головные! В угарно-пылевой мшаре встали как вкопанные, а гул и лязг напирал вслед нам так, что и шлемофон не поможет. Жмут педали гвардейцы: девиз-то «На Запад!»

Вылезли мы, артиллерия наша 76-миллиметровая – Грушин с Казначеевым тоже. Смотрим, на дороге пацан лет десяти. Машет руками и трёт ими глаза, – плакал, видать, кутёнок. Подбегаем к нему:

– Ты чего?! Куда, хлопец, под гусеницы, обалдел?! Мы под шестьдесят летаем по шоссе, а ты тут... плакса мелкая! Ату в хату, пострелёнок! – кричу я ему, а он будто и не слышит...

– Дядя красный командир! Скорее, прошу вас, быстрее! Сволочи детишек в колодец побросали, вот только что, а мужиков у нас нема. Дед один и вдовы, а мамка моя повесилась...

Видел я меченосцев Тодзио и Умэдзу, но такого... раздавил бы ету падшую роту СС гусеницами, чтоб треск стоял до Берлина!!!

– Где сестрички твои и братья, малыш?

– Метров триста через яр, бежим скорей, укажу...

Неведомой силою, меня, сироту, понесло за мальчонкой, и не думал я о безопасности и атаке, – помчался, не взглянув на вечно сурового Астрова. Бегу, а ноги подкашиваются. Горло сдавило, с непривычки «мотор» так и рвётся из груди выпорхнуть. Подбегаю. А бабы воют так, что, кажется, прямо здесь бы и помер. Заперты, понимаешь, были. Спасибо ещё инвалид-старик вовремя надломил засовы...

Не раздеваясь, вытянувшись, словно на перекладине, держась руками за сруб, осторожно разжал пальцы – как падал – думал, вечность прошла. Вода – лёд, темнота, ни стона. Лишь макушка колодезная точно жерло «тридцать-четвёрки»... А глубина – ей Богу, по кадык, счастье, что дно щебенистое. Нашупал я комочки детские – в них и весу, как

в голубях. Чую, что-то в них ещё бьётся, и тут по голове мне здорово шмякнуло. Сжал зубы от боли, гляжу: трос! – молодцы Астров с Грушиным. Сдёрнул с себя ремень, и кричу, мать ету самую, копия из преисподней:

– Майнуй, ребя, шустрее! Тут ещё двое! Киньте, во что завернуть, и верёвку крепче...

Не знаю, сколько я пробыл в летней стуже, в этом вне-разумном, однако реальном трагизме.

Не успел вздохнуть мерно, снова удар: детей было четверо! Вновь спустился в ледящий душу кошмар, – и не поверишь, Василич, – ребёнок был в нише колодца, которую я поначалу не обнаружил...

Прижал я его к себе, а он, словно проколотая всюду кукла. Дышу на него, растираю, трясу, целую. Всё без толку! И душат меня слова – поздно и напрасно...

Позвал тут-то Боженку – спаси ты его и сохрани!!! Он-то причём?! Это мы, уродцы взрослые, накликали Вторую мировую с Отечественной, тоже второй.

Ура Богородице! Отходило дитё на глазах, захныкало. Я быстренько закутал его в овчину, а мать его тут же упала в обморок под мои опалённые Прохоровкой сапоги...

А Витебск мы взяли почти с ходу, уже потом, и Орша через день была нашей. Всё вокруг было разрушено. Встречали нас не больше ста жителей, еле-еле существующих соотечественников...

* * *

«Остановка 418-й километр», – ударило мне по слуху, ибо я был шокирован, и, признаюсь, – защипало глаза.

– Ну, вы на Кунач, товарищ Россошенский? Или махнёте со мною за благининскими карпушками-карасями? Я бы припомнил, как Рокоссовский, после моего ранения лично меня наградил и назвал не Легощенским, а Ваней Орловским...

Мне было неловко, что потревожил его память. Может, я смалодушничал, но взяв у Ивана Порфирьевича адрес, решил распрощаться – пока, так сказать, временно. Мы вышли в покрытый матом и «неписанностью» тамбур. Он рукой жжёного курильщика мгновенно преобразил мундштук «Беломора». Когда ветеран ступил на гравий, я успел подарить ему свою лучшую удочку и сказал:

– Дорогой защитник вы наш! Вы пишете, очень прошу, пишете. Мы вместе пойдём в «Вешние воды» и обязательно вас издадим!

Он искренне, сиротливо, как-то по-детски улыбнулся и, не поднимая грустных, жгуче-карих глаз, с болью ответил:

– Виктор Васильевич! Кому я нужен со своими Красными Звёздами и Орденами Славы, когда за семь лет до их вручения мне, Россия была репрессирована?..

В тот день не было клёва, и рыба даже не резвилась как обычно, на зорьках. Плакало навзрыд небо, и я видел над зеркалом такую кратковременно-редчайшую радугу, которую имел счастье лицезреть не более двух раз в жизни.

Промокнув с головы до пят и уже ночью ввалившись в квартиру, я понял В С Ё , отрывая листок календаря – 22 июня ...

Это была моя последняя встреча с беспартийным Героем державы Орловским Ваней.

*Июнь 2000 г.,
Орёл – Малоархангельск, «Путевые заметки».*

ДОБРЫЙ ДОЖДЬ

ДОБРЫЙ ДОЖДЬ

К началу октября наконец-то выпали свободные от работы дни, которые принципиально хотелось использовать на серьёзную рыбалку. Погода стояла пасмурная, щучья. Часто шквалили северо-атлантические ветры, сбрасывающие своим напором остатки не успевшей облететь листвы. Пожухло большинство трав и кустарников. Пожелтели камыш и тростник. В похолодевшей воде который год оседали её извечные пленители – рдест, осока, тина, ряска. Лишь красные огоньки осени – рябина, шиповник, поздние сорта яблок, клёны и кувшинки украшали ширь среднерусской возвышенности, не избалованной тёплыми днями-ночами перед первыми заморозками...

Постепенно исчезали перелётные птицы, а вместе с ними обзвонили только вчера весёлые чащи, леса, рожицы и перелески. Наступала счастливая пора охотников и грибников, пора поздних дачных заготовок и время начала их обкрадывания безработной шелупонью...

В тот день как-то разом, по всему горизонту, прорвались тёмно-фиолетовые и чёрно-серые тучи. При полном безветрии обвалился дождь. Он долго не утихал до мороси, разжижая и без того пролитую землюшку и послужил поводом для уныния стариков, ожидавших приезда родни к октябрьским. Теперь только пешком!

– Может поблесним? – предложил я соседям по дому, большим любителям спиннинга. Поняв вопрос как неудачную шутку, они громко рассмеялись: – Да ты что, Василич?!

Она спит под корягами. Жора нет в проливной. Ну и работать по нему, понимаешь, уже не август!

Не поверив в надуманные прогнозы и отговорки, я прихватил болотники, накидку, рюкзак, второй спиннинг (на всякий случай) и уехал на Зушу. Поставив машину на взгорке, чтобы не рыкать впустую, спустился к заметно помутневшей реке. Дождь то затихал, то снова набирал силу. От пляски крупных капель пузырилась вода. Было позднее утро, но завеса плотных низколетящих туч упрятала солнце настолько, что, казалось, идёт вторая половина дня...

На время приютился под почти облетевшей кроной старушки-ракиты и открыл подарочную коробку. В ней хранились проверенные и бесполезные, красиво-блескучие и тусклые, колеблющиеся и вращающиеся приманки на хищников – судака, окуня, жереха и голавля. «По щучьему велению, по моему хотению» на пятнистую грозу вод выбор был больше. Глаза разбежались: «Какую первой привязать и забросить?» Внимательно посмотрев на золотящийся незацепляйку-вибровхвост, решил рискнуть с безотказной «Трофимовской».

Полоскать рыбь без контакта с подводными жителями пришлось недолго. Трёхсотграммовый, зелёно-чёрный окунь, вынырнув из-под лозняка крутояра, погнался за блесной, но в азарте промахнулся и стремительно вылетел у самого берега, едва не плюхнувшись на него. Игривый факт активности рыбы придал уверенности и я, при всей унылости затянувшегося ненастья, улыбнулся непоехавшим скептикам. Сидят сейчас за стопкой или чаем, политиканствуют, кто был во власти хороший, а кто ненормальный. Глянули бы они, как щука бьёт орловским берегом, поняли бы, как обидно стоять на мценском...

Дождь продолжал нахлёстывать, набегая то справа, то слева. Полчаса или чуть больше прошло в пустопорожних прогонах блесны и долгом распутывании «бороды» леса вокруг её укладывателя и петли, непостижимым образом попавшей под ось барабана «Дельфина». Водители грузовиков и

легковушек, проезжавших по мосту, иногда притормаживали, наверное, с любопытством глядя на мою одинокую фигуру в зелёной накидке. Может, кто-то завидовал рыбацкой свободе, мечтая порыбачить у себя на Родине? Может, другой хотел увидеть «не тащит ли чего», а кто-то припомнил и озвучил свои впечатляющие моменты в бытность общения наедине с Природой...

«Чудак», «фанат», «настырный мужик» – эти слова и понятия, возможно, приходили в головы «коммивояжёрам рынка», циникам от бизнеса и замотанным в быте согражданам. Одиночка-мотоциклист на добротном и звучном шоссейном «японце» даже спустился под мост и передыхал от мокрой трассы около пятнадцати минут, глядя в мою сторону. Вскоре моё упорство увенчалось успехом – в металлическом садке бунтовали три щурёнка. Потом внезапно развернулся ветер, плотной полосой дождя окатил лицо и мне показалось, что это он попытался вырвать спиннинг из рук...

«Взяла!» – мелькнула, как молния, мысль от разом навалившейся тяжести и рывка на том конце снасти, согнувшейся в дугу. Резкая и короткая подсечка и – началась борьба! Леска звенела от напряжения, проходя сквозь скрипящие на бывалых нитках пропускные кольца. Два раза хрюкнула от нагрузки шестерёнка катушки, завизжавшей от стравливания сработавшего фрикциона. Туго, на тупых кругах, в двадцати-пятнадцати метрах от меня, внушительная щучара подтягивалась с глубины на мель. Изредка создавая буруны, она бесновалась в рывках, заставляя ёкать моё сердце при мысли о старости катушки. Прекратив подмотку, я стал пятиться назад к берегу, уповая на «мускулистость» удилица. Но и на мели рыба отчаянно сопротивлялась и могла бы сойти, дав «свечу», если бы не моя интуиция и жадный заглот тройника. От напряжённо-эмоциональной работы я абсолютно не замечал дождя, радуясь триумфу над достойным противником, взятым верою и терпением. Зушинская гроза плотвы и

мелочи, выброшенная мною на галечный, берег, не помещалась в садок. Глубоко накрыв пастью «Трофимовскую», она успела надорвать частоколом зубов 0,35-ю леску, предусмотрительно сложенную мною вдвое. Если бы не сей факт, плакала бы моя удача слезами октябрьского ливня...

Рюкзак сразу потяжелел – щука была не меньше четырёх килограммов. Промокший несмотря на накидку, вдобавок «хлебнувший» воды сапогом до самого верха при вываживании, я отбыл в Орёл около пяти вечера. Домой сразу не пошёл, поднялся к рыбачкам-суховикам, побоявшимся дождя. Они смотрели футбол, наперебой забивая голы быстрее комментатора. Надо было видеть их безграничное удивление при показе «внепогодного» улова. Кроме цоканья языком, «ну-и-нуканья» и расширенных глаз я ничего не слышал и не видел. Опомнившись, «футболисты»-домоседы потребовали магарыч... А за что? Они, а не я, не поверили в возможность клёва при дожде! Забыли, что он может быть, как первый и грибной – д о б р ы м...

Два последующих дня были тёплыми и солнечными. Возвращаясь с работы, я повстречался с соседями, бредущими с позднего мценского «Икаруса». Уставшие, в репьях и «собачках», они с рассвета пролазали весь день по течению под Лыковкой. Не взяв и не увидев ни одной хищной головы на двоих, друзья попутно влетели и в убыток, оставив на корягах и валунах с десятков любимых блёсен...

Говорю им: – Может раздавим бутылочку «Мценской»? Они лишь буркнули и скрылись в подъезде, не попрощавшись.

Клёв пропал – кто и что тому вина – неизвестно. В чём мне тогда повезло – надежда на добрый дождь или вера в рыбный водоём – сказать трудно. Напомню одно: оптимизма терять не надо!

*Октябрь 2000 г., Орёл – Жилино – Ядрино – Орёл,
«По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).*

РЫБОБИТЬЁ В ЗАКОНЕ

РЫБОБИТЬЁ В ЗАКОНЕ

*Эх, хвост, чешуя,
Не поймал я ничего!*

Вилли Токарев

На протяжении двух последних десятилетий, будучи с детства влюблённым в отдых и рыболовство на водоёмах близ Орла и области, я вместе с сыном Сергеем крайне удручены последовательности лжи рыбоохраняющих структур, воспитывающих стерлядку, когда пропал голец и пескарь.

Рождение данной статьи назревало в ходе тысяч командировок по Орловщине и граничащим с нею областям. Огромное количество встреч с местными жителями и гостями наших плодородных, частично заброшенных земель позволяет авторам ещё перед финалом разработки заключить: рыбоохрана Орловской области, несмотря на тревожные сигналы граждан, не имеет никакого представления об истинном положении рыбо-пресноводного угодья в границах своей юрисдикции, или же в курсе злодеяний, но предпочитает брать пример с рыбы – м о л ч а т ь.

Сложившаяся обстановка близка к понятию катастрофа в прямом смысле, причём золотомедальным знанием ихтиологии и законодательств делу воскрешения рыбных запасов, увы, уже не поможешь. На этом сыто-рыночном фоне

в ореоле системно аннулируемого СМИ нищенства, передовая интеллигенция, служащие и рабочий люд, крестьяне, пенсионеры и дети – наследники традиций, заложенных С.Т. Аксаковым, Л.П. Сабанеевым, А.П. Чеховым, К.Г. Паустовским и многими другими патриотами Русской Земли и её водных просторов – не могут умолчать о безнаказанности браконьерства.

Парадокс явления характеризуется полной безотчётностью (а значит и безответностью) рыбоохраны перед народом в виде упорного замалчивания сведений о рейдах, контрольных отловах, конфискации незаконных снастей, о фактах рукотворного и механизированного разрыва плотин маловодных речушек и прудов, а также о тех обстоятельствах кощунства над Природой, когда она преступно билась электротоком, наконец о привлечении к административной и уголовной ответственности шикающих «джентльменов удачи».

По поручению любительского, исконно русского и чистого рыболовецкого племени, для которого время проведённое на берегу не измеряется нормой улова (главное – поклёвка), мы вынуждены разрушить миф о благосостоянии рыбных запасов нашей малой Родины, ибо методичное умалчивание в последующем отрезке времени приведёт к тому, что кроме западных огрызков промышленности в водоёмах Орловщины, несмотря на внимание к вопросу Е.С. Строева, ничего водиться не будет.

Обозначить бедствие вовремя при остановке большинства отравляющих воду заводов, есть то, ради чего жили и работали наши предки от Ивана Грозного до немецкой оккупации, а затем и наши современники, ушедшие на покой из-за послепутчевого глумления над всероссийской сухостью...

Правдолюбцы не уважают огульности из века в век, составляют нас как жить в новом тысячелетии, гороскопируют

и пичкают сограждан магнитными бурями, терроризмом и влияниям погоды на здоровье. Вот, вам, господа и дамы, факты, собранные авторами за период 2000–2001 годов за летний и зимний сезоны любительского рыболовства. Осетрина и караси в сметане, предупреждаем Вас сразу и честно – с сильным душком...

Орловский район

- заливные карьеры в Стальном Конце и в Вязках – многолетний замор, электроудочки, падение уровня воды;
- пруды в д. Куликовке, Молчановке, Пилатовке, Сундучках, Становом Колодезе, Любаново, у дачных участков Андриабуж, Светлая Жизнь, на Знаменке и в ведении Орловской птицефабрики – электроток, сети, подводная стрельба, отравление растительными прикормками в зимний период, падение уровня воды;
- пруд в д. Карпово, заливные карьеры близ д. Кузнецы, пруд влево от п. Салтыки – битъё нерестящихся рыб острой, обезвоживание до грунта, сети и отравление отходами животноводческих ферм, установка свыше 100 «флажков» на щуку в зимнее время, причём на щучку не более 800 граммов;
- два песчаных карьера неподалёку от Шаховского рыбобитомника – электроток и вывоз рыбы на продажу, варварское захламление берегов, отравление растительной прикормкой и превышение норм установки зимних жерлиц (до 100 штук на двух любителей-хищников при положенных 10 штуках на душу);
- Лавровское озеро, охраняемые частными предпринимателями – рыбододами водоёмы в с. Звягинки, в д. Козлы, Альшанские Выселки – царство мусора, коррупционный вылов и реализация рыбы, хамство рыболовов-любителей, порча малька карповых пород

- и нежелание помочь труженикам водоёмов в период угрозы замора;
- Мезенские пруды – аналогичные нарушения, полное неуважение к Природе от замораживания мальков у лунок до гор мусора по периметру зеркал, пропажа рыбы, спуск нижнего по р. Мезенке водоёма с неизвестной реализацией тонн карпа, щуки, окуня, плотвы под прикрытием строительства суперводохранилища;
 - там же, заливной карьер ниже по течению р. Оки (по левому берегу у дачных участков) – ток, сети, ловля бреднем на нересте;
 - пруд в с. Путимец – неоднократный спуск для вылова толстолобика без согласования с руководством хозяйства, электроудочки, частичный замор от малого уровня воды;
 - каскад прудов, созданных патриотами в КСП «Россия» (д. Калинино) – электроток, сети и «экраны», багрение на нересте, промысловое количество «кружков» и зимних жерлиц;
 - пруды в районе п. Киреевка, института зернобобовых культур, в д. Борзёнокво и п. Зелёный и далее по автотрассе Орёл–Знаменское – необъяснимая пропажа окуня, водившегося почти во всех прудах в огромном количестве, электроток и сети.

Далее продолжать невозможно, хотя и необходимо, ибо поднятый вопрос-проблема – захватывающий сюжет для фундаментальной книги, которую обязаны создавать не писатели, а вездесущие журналисты, к сожалению, не увидевшие безнаказанного убийства рыб всеми видами незаконного лова, не услышавшие сотен, даже тысяч жалоб местных жителей, кричащих о вторжении городских браконьеров, объединявшихся с местной голупонью-проводниками. Принцип

«своя рубашка ближе к телу» и нынче срабатывает как тулуп, а рыбки свежей покушать многие хотят ежедневно...

Лентяй-школяр, ещё не умеющий привязывать крючок, и то понимает, что если такая удручающая обстановка сложилась в Орловском районе вокруг облцентра, то говорить об удалённых водоёмах и реках области не приходится – в с ё, что происходит на них, подчёркиваем, неподконтрольно. Ссылки на слабость матбазы и отсутствие ассигнований из бюджета глупонесостоятельны и неприемлемы, поскольку аналогично-преступные ситуации при вопиющей халатности контролирующих органов прогрессируют на реках Оке, Орлике, Рыбнице, Цоне, Кроме, Ракитне, Голубице, Сосне, Неручи (особо на водохранилище от с. Васильевка до д. Куракино), Трудах, Нугри, Свапе, во всех притоках и ручьях Каспийско-Черноморского водораздела.

Пруды всех районов, как и районов соседних областей, стонут, безвучно крича: «Спасите от браконьерства!» Славные рыбопитомники – Макеево, Крупышино, охранзона Полесья при всей улыбочивости потёмкинщины, заседательского словоблудия и фотографической лести не в состоянии срочно увеличить рыбные богатства Орловщины из-за нашествия рыбо-варваров, продающих уловы на месте, за границами области и вплоть до ресторанов Санкт-Петербурга и Москвы.

Молчание продолжается. Люди, занимающие ответственные посты стареют и ленятся. Молодые держат «нос в русле», а между тем у нас начинает уменьшаться популяция диких зверей – тоже документальный роман-детектив под названием «Тайная охота без страха». Правда, трудно сказать, не рассыпят ли произведение при наборе в бесцензурное время, как и брошюрку под условным заглавием «Рыболовецкая коза-ностра» с подзаголовком «Два хвоста – бакс!»...

Добрый человек, заместитель начальника Управления сельского хозяйства, председатель Ассоциации «Орёлрыбвод» Николай Иванович Алимов знает о творящемся беззаконии, но один или со 150 друзьями-единомышленниками справиться с хищническим вирусом не в состоянии.

Нужна глобальная, всероссийская природоведческая реформа, либо возврат к диктату Петра I, справедливо приказавшего заковывать воров и разгильдяев в цепи, замки, хомуты, а затем отправлявшего их скитаться под пинками и плевками народа. Многолетний позор роду – это ли не наказание страшнее смертной казни, о возвращении которой не раз повторялся А. И. Солженицын?

Однако ни реформа, ни кнут и пряник, ни смертная казнь и зрелища не помогут восстановлению природных богатств России, выкачиваемых чуждой нам нацией и потакающей ей родной, если мы сами – жители Великой Руси – не поймём важность настоящего, кующего наше будущее.

Когда мы все вместе прозреем, нам будет не нужен рыбнадзор, или какой другой цензор-трезор – переводилки нормативных актов со времён Брежнева.

Паря пшеницу, копая червей, замешивая тесто, прочищая ружьё, любя жён и детей – настоящие мужчины! – не забывайте, что мы старшие и разумные товарищи братьев наших меньших, олицетворяющихся не только кошками, лошадьми и собаками.

*Апрель-май 2001 года, «По ухабам Отечества»
(«Путевые заметки»), командировки по 23 районам
Орловской области.*

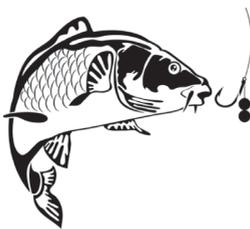
ЗАРОСШАЯ СТАРИЦА

Быль

В гостях у рыбководов Николая и Ильи Геращенко

ЗАРОСШАЯ СТАРИЦА

Быль

Свапа обычно обильно разливалась весной и подолгу входила в берега, впуская в свои владения многочисленные рыбные косяки, стремящиеся на нерест. Прошедшая зима оказалась в этот год малоснежной и тёплой, и потому апрель, всегда громко журчащий ручьями, выдался необычно сухим, и к тому же не дождливым.

Профессиональная и командировочная занятость, дополненная ежегодными дачными хлопотами, отодвинула своевременное посещение столь славных и проверенных мест. Только в середине мая, на буйном расцвете и подъёме зелени, мы смогли вырваться сюда с сыном, мечтая о встречах с язём и лещом...

Разочарование постигло нас на первой же пробной вылазке. Красавица Свапа – река с частым и волшебным клёвом – несла воды на уровне засушливого августа. Вода была показательно чистой, но присутствия крупной мирной рыбы не обнаруживалось, хотя мы прошли по реке от Крапивки до Покровского. Радовали огромные стаи крупной озёрной уклейки, буквально забившей реку повсюду – в омутах, бочагах, во впадающих ручьях и на перекатах, которых в Свале не так уж и много...

На рассвете поднялся цепкий и холодный ветер с северо-запада, перекрывший тучами солнце и заставивший нас вспомнить о фуфайках.

Лучшие омота, крутояры, замоины под лозняком и даже всегда уловистое место под ракитами у купальни, встретили нас головастыми ершами да парой окуньков с детскую ладошку. Под бывшей поломанной кладкой, с которой раньше попадались килограммовые язи и голавли, видели и слышали дробный всплеск небольшой щучки, погнавшейся за уклейкой. Наверное, опоздали, или не зашла этот год рыбёшка...

Время в переходах и облове мест быстро склонялось к полудню. И тут, по старой памяти, я припомнил давнюю и позабытую старицу на курской стороне под деревушкой Головинка. Вода никогда не иссякала в ней полностью: у её истока в неё впадал вялый, но постоянный ручеёк с воробьиный скок. Предложил мысль Серёге – перебазирuemся, благо идти не больше пятисот метров.

Колено в старице оказалось неплохим – от сорока до семидесяти сантиметров, но... вся вода была пленена тоннами многолетней и новой травы. Прошлые годы, когда уровень был повыше, травостой был не так заметен, тем более клевали крупные караси, плотва, изредка – увесистый пузанчик – линь. Первые, судя по чавканью и всхлюпам, прижились тут всюю, однако ловить их в таком хламе не представлялось возможности...

Сергей сразу ушёл ближе к смычке старицы со Свапой. Иду к нему, с мыслью провести вечернюю зорьку на Ясе-нецком пруду, до которого час быстрого хода. Гляжу, а сын, раздетый, несмотря на холод, таскает на берег тяжеленные пуки травы. На подходе кричу ему:

– Бросай это неблагоприятное дело! Глубина – тридцать сантиметров. Намутишь на полдня. Не хватало нам майской простуды! Вылезай! Пообедаем, а там посмотрим...

Присел на стульчик. Взираю в ожидании на неподъёмные кучи травы и думаю: «Никто и никогда за всю историю

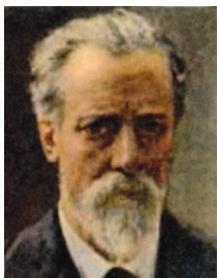
старицы и реки не делал такой работы». А Серёга, разошёлся не на шутку и прочистил грубый квадрат, примерно пятнадцать на пятнадцать метров. Теперь можно было смело ловить без зацепов с орловского и курского берегов.

Сидим, кушаем железногорские пряники, запивая их чаем из термоса. Сын продрог, трусится, словно спасшийся из воды кутёнок. Подливаю ему чаю побольше от своей доли. Смотрим, а непуганая никем рыба стала ходить на прочистке, не взирая ни на какую муть. Кидаем навозников – пара минут, и у нас в руках, почти одновременно, по двухсотграммовому серебряному карасю! Потом – ещё! И пошло, завертело рыбацкое искромётное счастье – только насаживай!

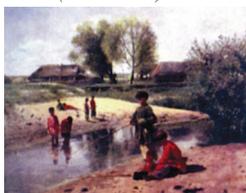
Быстро кончились черви, но нам было чем похвалиться перед роднёй. Двадцать семь белых карасей и две крупные плотвы приятной тяжестью оттягивали руку, звучно плюхаясь в садке по пути от заросшей старицы к дому...

– Напиши, отец, что значит не бояться холодной воды и делать доброе дело. Приедем в Орёл, передадим дяде Гене Богатову. Кстати, не слышал, он с Оксаной здоровенную щуку словил на каком-то песчаном карьере. Я фотографию видел – не меньше десяти потянет. Пиши, они в «Записках» не подведут с публикацией. Уважительные люди, порядочные. Современные рыбаки и охотники...

*Апрель-Май 2003 г., Орёл – Свапские дворы –
Кративка – Редогощь – Покровский – Орёл,
«По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).*

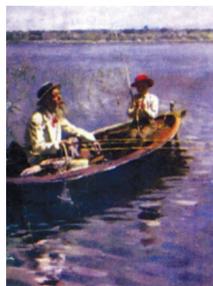
*В.Е. Маковский
(1846-1920)*

«Дети на реке»

*«Мальчишки –
удильщики»*

«Рыбак. Финляндия»

СВЕТОТЕНЬ

Владимиру Егоровичу Маковскому

Детей отчески любил,
Звал на реку и в мастерскую.
Любовь к природе он привил –
Ещё не знавшим жизнь мирскую.

Нет, я художнику не льщу,
«Крах банка» – зрил во взрослых детях.
Крик русских женщин: « Не пущу!» –
Не поддержали в трёх столетях.

В.Е. Маковский. «Крах банка». 1881

В.Е. Маковский. «Не пущу!». 1892

ЗАЛИВ

ЗАЛИВ

Прошлый год рыбачили мы с сыном Сергеем на знаменитом Курском водохранилище*. Местами, больше на мели, переталкивал на мормышку и «чёртика» небольшой окунёк, изредка брал на мотыля ядрёный ёрш. На знакомой ямке от двух до трёх метров поклёвок в первый день не было, но на второе утро удалось побаловать себя тройкой подлещиков, клюнувших друг за другом в двух лунках из десяти прикормленных. Сыпали рубленого навозника, припасённого с ноября, в смеси с распаренным конопляным жмыхом, из расчёта 70–100 грамм на место.

Неправду пишут литературные «рыбоведы» о том, что лещ по зимнему сезону – слаб, вял, ленив. Случается, он ловится даже ночью. Конечно, сам процесс весьма специфичен и требует определённых навыков, пятикратно помноженных на терпение и правильный выбор места ужения. Не каждый мужичок выдержит зимнюю ночь, освещённую слабым огоньком «летучей мыши». Тем более единицы знают вымеренную цену проверенных опытом многолетних ям, жители которых заставляли трепетать при любой погоде школьника и пенсионера...

И вот, после поимки зоревых «лопатонок», отливающих бронзой взрослых особей (позже выяснилось, что каждый из них потянул безмен от 700 гр до 1 кг), клёв неожиданно обрубил, причём так быстро, как он и начался...

* Более прославилось, как Железногорское-на-Свапе.

Шквал налетевшего злого и колючего северного ветра загудел над озером и погнал по ледовому покрову позёмку, осыпающую лунку за секунду. Похожая на крупички пенопласта снежная порошка то шла стеной, то вихрем кружилась над зеркалом, забивая глаза, лицо, ноздри, сыпалась за шиворот телогреек, не давала открыть рта. Фуфайки продувались насквозь, прикипали к спине, тяжелея с каждой минутой. Хлопали, словно пощёчинами, обледенелые ушанки. Шарфы, обдаваемые паром дыхания, тоже покрылись узором инея. Ни с того ни с сего закапало из носа, а руки становились всё более и более красными, дутыми, неуправляемыми. Природа жестоким образом мстила за предыдущую погожую неделю, в дни которой, как всегда, нам не посчастливилось порыбачить...

Мощнейший ветрище был поистине штормовым. Его ускорение, нервная порывистость и сила напора едва не завалила нас лицом в снег, когда мы неохотно оторвались от чемоданов с думкой укрыться в заливе у противоположного берега, ставшего невидимкой.

Ни разу мы не доходили туда. Не знали глубин, мелей, бровок, скатов и стоянок. А топтать к нему в цепких объятиях местного тайфуна оставалось не меньше полутора километров. Раньше, погожими, знойными и ранними вёснами, когда летели журавли, мы видели под кромкой небольшого обрыва рыбачков, машины и автобусы, в изобилии посещающие эти славные рыбные места. Иногда, по февральским и мартовским морозам, самые бедовые «любители» выезжали на авто, мотоциклетах и «буранах» прямо на лёд. По оттепели картина выглядела жутковатой: представьте себе, например, летящую под пятьдесят «Ниву». Кругом – ни души, помощи ни от кого не жди, а «джиперы» прут от Копёнок или от Высокого к устью Свапы и Красавки, как святые по воде, да ещё и обледенелые. Правда, у многих целую зиму сети

стоят – проверяют значит, следят. На мотыля-то кто мотор на лёд выводить будет?! Разве что ассоциация каскадёров или блуд наркоманов...

Мечтали и мы двинуть как-нибудь на курский бочок. А потом призадумались: «Зачем?» Бойко клевали окуни, плотва, иногда густёрка и поразительный королевский ёрш до 200 граммов. «От добра добра не ищут» – истинность поговорки всем удильщикам вроде как научный намёк. Местные не раз предостерегали нас: «Глядите в оба, люд со льда не первый год, царство всем им небесное, пропадает...»

Шли долго. Ветер, казалось бы, дружески, но нахально, подталкивал нас в спину, не давая зазеваться. Декабрьский день короток – туда-сюда пробежался по лункам, пополудни подчистили тормозки и почаёвничали, и пора собираться...

Сосновый бор, спасавший при ветре и метелях с другого направления, в этот день виднелся урывками, по-миражно-му. При спаде шквала тишина становилась режущей, одиноко неправдоподобной и тоскливой. И если ты хотя бы раз попадал в метельную и дождливую хмарь на этих неохватных гектарах, временами чудилось, что ты – путник, обыкновенный дервиш, сменивший пустыню на лёд, а посох на ледоруб...

Ползли мы с сыном в этой снежно-воротной «симфонии» часа два – это уж точно. Он-то моложе! Подождёт меня, поворчит, а всё одно – шагает с надеждой к горизонту. Куда мне за ним угнаться? Ну и полыньи припорошенные, как геодезист, на каждом шагу высматриваешь – на озёрах ведь лёд неровно и в разное время стыкуется.

Ушёл он на сто метров вперёд, приостановился, а затем пошёл крошить лунки пешнёю – одну за другою, видя, что я на подходе. Разведка боем удручила, ибо подумалось нам, что шли зря: глубина (с учётом 5–6 см льда) – метр; перепадов, как на кремлёвском паркете; кустарник отсутствует,

затопленный коряжник тоже; зарослей тростника, камыша, обрывов у кромки берега, родников и ручьёв – нет...

Повернулись откуда пришли – аж в дрожь кинуло. Белая стена, перекрывающая серость небес свежестью ни разу не стиранной сверхгигантской простыни, медленно шла прямо на нас, и её размах, покрывающий землю впервые в этом году, обескураживал и настолько пугал, что создавалось впечатление неминуемого лавинного погребения.

Идти навстречу обложному снегопаду и ещё более усиливавшемуся ветру было безумием. Решили повременить и обследовать мель вдоль береговой линии на расстоянии пять-десять метров. Смахивая химзащитой снег и ледовую крошку у первых лунок, мы удивились, увидев у самой кромки прозрачного, как стекло, льда мечущиеся стайки верховки и сорочки, жмущиеся к самому берегу.

– Бьём дюжину лунок и посидим, – предложил Сергей. – Все дырки засыпем, а если что – у меня накидка от дождя с открытой воды осталась. Расстелим её у лунок. Будет рыба под нами – обманем. Погода, конечно, ни к чёрту...

Произошедшее позже поразило нас до глубины души, влюбило в подлёдный лов навсегда. Нам не пришлось больше рыскать по водоёму – такого клёва мы не встречали никогда, даже после весенних паводков. Так, чисто случайно, мы попали на стоянку окуня и его безумно-остервенелый жор, в конце концов обломавший наши тонкие снасти.

Снег стал невидимым, ветер – неслышным, мороз казался оттепелью, позабылось о том, что снегопад такой силы запросто заметёт дорогу. Будто в кино, мы были заморожены в ажиотаже поклёвок и вываживания «полосатых», как в картинке, один в один от 300 до 400 грамм и больше. Чуть стихло, сюрприз за сюрпризом клюнули у самого дна килограммовый язь и судачок грамм на шестьсот. Судак и раньше хватал мормышку и блёсны, но язь, впервые осчастливив

по льду, попался «несъедобный»: оборвал, хитрый увалень, 0,15-ю леску и был таков, не дав завести себя в лунку...

Мы ловили не больше часа, пусть даже полтора. Потом – кончился мотыль (когда не берёт, он почему-то никогда не кончается или пропадает). Однако косяк, превзойдя себя в голодной жадности, был столь плотен, что окунь продолжал хватать голую мормышку-«уралочку» при скоростной, дребезжащей игре от самого дна до кромки лунки. Интереснее всего было ловить его вприглядку, лёжа на целлофановой накидке: дно песчаное, мормышка видна, и – очередной пресноводный пират от природы барахтается в снегу и шевелит красными плавниками. Десятка два «мальшей-матросиков» мы запустили в пескарницу, чтобы расставить жерлицы на рассвете.

И вдруг – клёв затих, а затем его совсем отрубил, как выключателем. Ненастный циклон ушёл на Любаж, а куда смылся окунь, осталось загадкой...

Тяжелогружёные, уставшие до заплетания ног, подмокшие точно бобики, поскользываясь, падая и смеясь, мы шли к Орловскому берегу, благодаря небеса и Курский залив – дом матёрых горбачей.

Ночевать, чтобы на зорьке половить судака и щуку на живца, передумали, ибо улов потянул на глазок, по-русски, минимум на пуд...

Выбирались затемно, подключив в помощь раздаточную коробку, благо, хорошо знали дорогу. Проезжая через мост у деревеньки-родины Амфитеатровых-Раичей, Сергей остановился, и выйдя из машины, взял у меня из-под ног пескарницу.

– Ты что задумал, сынок? – удивлённо спросил я.

– Давай отпустим «молодёжь», на что она нам. За зиму будут крепыши, как в заливе. Подрастут – порадуют, мы – народ не жадный!

Спустившись с насыпи, он по старым следам набрёл на первую попавшуюся лунку – очевидно, железногорцы, куряне или земляки рыбачили здесь, на протоке, до самого вечера. Окуни нырнули в ночь свободы, озвучив её шумливо-плескательной суетой в последний миг.

До Орла добрались без оказий. Не раз мы наведывались в тот залив позже – летом и зимою, в разные годы, но того сверхестественного клёва, бывшего на той загадочной мели, обыкновенного переклёвья больше не повторилось...

И всё же заливы тянут нас к себе вновь в любую погоду, несмотря на хамелеонность синоптиков и преступления электроудочников. Они зовут нас личным примером счастливых минут, неизведанностью и непредсказуемостью успеха, нарушением сложившихся стереотипов «формулы» клёва; зовут неповторимостью уловистых мест, их недостижимостью и возможностью экспериментировать на практике. Не нами выдуманно, что Движение Природы известно только ей самой, с момента рождения существ, давших толчок зарождению и жизни новых...

И если Человек будет изо дня в ночь стремиться поддерживать задел вечности и собственный положительный опыт мирозерцания и мироздания, то сама Мать-Природа отблагодарит чистых душою знаком признания небес, символизирующим Чашу Весов, стоимость коей знали хранители Александрийской библиотеки до её пожара...

*Декабрь 2001 г. – ноябрь 2002 г., Орёл – Высокое –
Бузец – Копёнки – Гнездилово – Игино – Орёл,
«Путевые заметки».*

СПУТНИК И ДРУГ ЧЕЛОВЕКА

СПУТНИК И ДРУГ ЧЕЛОВЕКА

*«Ты любишь розвальни и дроги,
Хмельной бываешь от езды.
Да кто ж даёт коню с дороги
Бадью колодезной воды?!»*

*Сперва накрой его попоной,
Потом насыпь ему овса,
Чтоб в нём он видел луг зелёный,
А после – требуй чудеса!»*

Отрывок из поэмы автора
«На Млечный бы Путь твоему рысаку!»

На всём пути эволюции цивилизации ни одно из животных, рождённых Природой Земли, не стояло так близко с человеком по значимости, благородству и назначению, как лошадь. Благодаря лошадям шло покорение пространства и велись войны, осваивались земли, строились сёла, деревни и города, шло становление письменности, религий, почты, зарождались вражда и дружба между народами.

Лошади преданно служили человеку, охотно отвечали ему взаимностью за любовь и заботу, но, как животные, не различали Добра и Зла. Они были у Атиллы, Македонского и Цезарей, у тевтонцев и Невского, в ордах Тамерлана, Батыея, Мамаея и в ратях Донского и Грозного. Без лошадей было бы нереальным противостояние Добра и Зла в христианском, протестантском, мусульманском, буддистском и синтоистском мирах, в среде янычар и самураев, под штандартами Наполеона и Кутузова, в армиях Махно и Будённого, в отрядах басмачей,

беков и интервентов. Без миллионов лошадей не поднялась бы Россия на ноги после Первой Мировой войны, не существовало бы 300-летия династии Романовых, была бы обречена на провал Октябрьская революция и диктатура пролетариата. Оставшись без гужевой вечной силушки, страна и её многонациональный, исстари страдающий народ не выдержали бы ужасного голода в период антикрестьянской коллективизации. На незаконно конфискованных лошадях везли тысячи раскулаченных, ограбленных священнослужителей вместе с семьями, репрессированных и уголовников. Везли граждан СССР в ГУЛАГ, на «ГАЗ», Беломорканал, ДнепрогЭС, Турксиб и Магнитку, в шахты Донбасса и Воркуты. Кузнецы Отечества отковали кандалов и решёток больше, чем подков...

Российский флот времён Петра I строился на лошадях, железнодорожные магистрали монархии – тоже, первые удачи на крылья отечественного авиастроения принесли на своих копытах, своею силою – лошади. Обозначение белых, красных, национальных армий правильнее назвать едино – Лошадиные...

Несмотря на бум автомобилизации в первой половине XX века, лошади оставались неотъемлемой частью жизни и работоспособности человеческого сообщества независимо от госстроения, идеологий, внутренней и внешне-политической доктрины. Лидеры конезаводства СССР, впитавшие в себя задел опытных мастеров царской России, ставили акцент на выращивание не «тачаночных», а выносливых пород лошадей, сильных тяжеловозов. Это они, а не арабские и не орловские скакуны, спасли державу в ходе эвакуации промышленных производств от нашествия Вермахта, Люфтваффе и Кригсмарине. Великие российские лошади, познавшие тяжелейшее и где-то неподъёмное ярмо индустриализации по срокам пятилеток, тянули на себе ВОЗ ОБЕСПЕЧЕНИЯ Армии, ВВС, ВМФ, НКВД, МГБ, всех видов промышленности

стратегически необходимым. Они прошли через трагичное бремя и горнило Великой Отечественной войны и партизанское сопротивление. Они кормили собою раненых и умирающих, служили в госпиталях, колхозах и в портах, были задействованы в разгроме Квантунской армии на Дальнем Востоке и в последующем восстановлении страны из пепла и руин. И до сих пор среди сотен Мемориалов Памяти нет памятника лучшей из машин – её величеству Лошади...

На Орловщине до раскола СССР гремел достижениями Злынский конезавод под Болховом, утративший свою славную значимость из-за «рыночных реформ». Были потеряны не только поголовье и предназначение отрасли для страны, но и сам опыт конезаводства, национальное достояние в лице профессиональных кадров...

Однако, в условиях наисложнейшей действительности нашлись на Орловщине люди, небезразличные к судьбе лошадей. Глава сельскохозяйственного предприятия «Троицкое» Орловского района Михаил Васильевич Гречихин не ради самоутверждения и рекламы решился на доброе и нужное дело, начав строительство конефермы у хутора Степь. Всего за один год была построена качественная основная база, где ныне проводятся работы по организации конезаводства и испытанию лошадей.

Коллектив здесь небольшой, но очень ответственный и старательный, знающий цену рабочим суткам не по красному словцу и ста граммам. Ежедневно на ферме трудятся 14 человек – пять конюхов, три наездника с двумя помощниками, начкон, бухгалтер. В подворье имеется отреставрированный транспортный парк и техника для подвоза кормов и воды, бульдозер для отвала навоза и тракторы для его отвоза. На территории фермы, в загонах и на ближних выпасах усилиями подсобных рабочих сохраняется показательная чистота. Планируется строительство второго

пруда по соседству с «хохловским» на том же ручье и их зарыбление зеркальным и чешуйчатым карпом.

Совсем недавно конезавод «Троицкий» посетил Губернатор Орловской области Е.С. Строев с делегацией от управлений финансов, сельского хозяйства, передовых агрохолдингов и фермерских хозяйств Орловщины. В своём выступлении владелец конезавода М.В. Гречихин с гордостью показавший сорок рысистых кобыл, объективно оценил труд соратников и планы на будущее.

«Мы не сразу ждём от них эффекта по качеству приплода в первом поколении, – говорит Михаил Васильевич, начинающий свой рабочий день до восхода солнца посещением фермы. – Но планируем эффективно использовать их потомство. Половина маточного состава приходится на лучших кобыл Локотского, Смоленского и Кубанского конезаводов. Стараемся подыскать лучшие корма, держим лошадок в тепле и чистоте. Думаем, что рациональное воспроизводство и забота принесут «Троицкому» достойные успехи и плоды».

В настоящее время фаворитами-производителями являются два жеребца. Лучший в России по качеству приплода Спид Сквиад 1.59.3.1986 года и Рекс Р Лобелл 1.13.7 (1000 м) 1988 года. Последний прекрасно зарекомендовал себя в первой ставке с лошадыми Фарс (от Фацелии) 2.01.5 и Пикур (от Прибаутки) 2.03.0. С помощью совладельца конезавода, страстного поклонника лошадей, Валерия Ивановича Руднева, поддерживающего плодотворные контакты с конезаводчиками Европы и Америки, «Троицкий» приобрёл четыре матки в Новом Свете из отборного маточного состава. За три года широкого применения естественного и искусственного осеменения слава о троицких лошадях «проскакала» по всему СНГ. Воспроизводство на высокопорядочной научной основе с привлечением генного наследия ценнейших жеребцов Финляндии, Швеции и других стран позволило разработать собственный круг контактов и сбыта.

Вкладывая полученные средства в производство кормов, в кормление и выращивание лошадей, в новые методы совершенствования отрасли и передовые технологии, руководство конезавода не забывает о своих тружениках, задумывается о строительстве современной конюшни. С учётом того, что хозяйство имеет жеребых кобыл от абсолютного чемпиона мира Пайн Чипа 1.51, штатовских жеребцов Дюран ГанOVER, Конфидент Виктори, Дансинс Виктори и других, орловские конезаводчики практикуют тренинг лошадей, видя перспективу их использования в конном спорте на высшем международном уровне. И это не скачки за наживой, не конкур ради шумихи СМИ, не верховая езда на ипподроме ради самолюбования фамилией, не бега за кубками и медалями...

Постоянное участие скакунов конезавода «Троицкий» в Большом Всероссийском призе (Дерби) – это престиж конных племенных хозяйств Центра России, залог его успехов в международных турнирах с оглядкой на будущее. Стартовавшие в Дерби Пикур (Рекс Р Лобелл-Прибаутка) и Фарс (Рекс Р Лобелл-Фацелия) не посрамили чести Орловщины и надежд воспитателей. Управляемый мастером-наездником П. Макаровым, Пикур стал не только дербистом 2001 года, но и победителем Приза Памяти известного конника А.П. Крейдина на дистанции 2400 метров – 3.12.9.

Стремительный Фарс под управлением мастера-наездника Ю. Данилова принёс третий приз – бронзу. В следующем сезоне Пикур и Фарс также участвовали в конкурентной борьбе за первенство называться лучшими. Из десяти выступлений Пикур выиграл 5 первых, 3 вторых и одно третье место. Не отставал от него и Фарс, завоевавший 3 первых, 3 вторых и 3 третьих места. Под управлением мастеров-наездников В.Климова и О. Калашникова доказали свою силу и грацию ещё два питомца «Троицкого», ставшие призёрами Ченч (Спид Сквиад – Череда) и Херсон (Рекс Р Лобелл-Хиросима),

показавшие результаты на порядок выше маститых соперников, в розыгрыше приза «Гильдейца».

Стать и мощь, надёжность и грация, скорость, ответственность и красота, забота о питомцах и корм в достатке – вот девизы и слагаемые простых тружеников и официальных представителей конезавода. Не потому ли двухлетняя Паджера (Джилл с Краун-Пауза) добилась выдающегося успеха, выиграв «Вступительный открытый приз»? А ведь это было её пятое выступление и пятая победа в содружестве с мастером-наездником Л. Киселёвым.

Одарённый конник, работающей с лошастью душою и добрым словом, Л. Киселёв отличился и в «Большом трёхлетнем призе», когда тренируемый им Гефест (Спид Сквид-Грация) был вне конкуренции, поразив всех собравшихся на Центральном московском ипподроме.

Так каждодневный труд приносит людям и лошадям искромётные зарницы счастья, сподвигающие это вековое содружество человека и лошади устремляться только вперёд, к новым удачам и вершинам во благо понимания самого себя и природы.

Михаил Васильевич Гречихин и Валерий Иванович Руднев своим личным примером, ценой неудач и успехов единомышленников, словом и делом показывают ряду инакомыслящих администраторов, как важно любить свою Родину, своих современников и меньших братьев – животных. Разве не об этом учили нас Тургенев, Чехов, Толстой, Куприн, Бунин, Мамин-Сибиряк, Пришвин, Соколов-Микитов и Бианки???

Авторитет и заслуги трудящихся конезавода «Троицкий» будут расти с каждым годом и с каждым новым триумфом. Руководство надеется на понимание своих проблем со стороны Администрации Орловской области, взаимодействует с Ассоциацией рысистого конезаводства «Содружество» во главе с президентом А.М. Ползуновой. Продолжается

поиск порядочных заинтересованных инвесторов и продажа молодняка – жеребчиков и кобылок 2000 года рождения с родословной. Будущие победители и продолжатели родов рождены от кобыл семейств Злынского, Смоленского, Александровского и Локотского конных заводов, откуда вышли в мир Меридиан 1.59.0, Мизгирь 1.59.6, Павлин 1.59.9, Полигон 1.56.8, Альбатрос 2.01.7. и другие.

Лучшие конники Орловщины побывали в служебной командировке по передовым конным заводам Европы и США, встречались с наследниками рыцарей и ковбоев из частного (фермерского) сектора. Анализ опыта и нововведений зарубежья в его сугубо специфичной конной специализации позволил «Троицкому» в сжатые сроки наладить продажу заводских маток из основных маточных семейств с рекордами 2.04– 2.15 по умеренным ценам. Здесь видится очень важным, что все эти годы трудится рядом с отцом Андрей Михайлович Гречихин.

23 февраля 2004 г. Орёл – Троицкое, «Путевые заметки».

*М.В. Гречихин
день и ночь за рулём
во благо хозяйства и
конезавода*

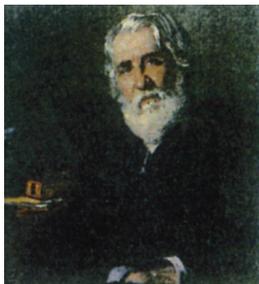

*К.Е. Маковский
(1839-1915)*

*«Дети, бегущие от грозы».
1872*

*Портрет И.С. Тургенева
(1818-1883)*

КОНСТАНТИН МАКОВСКИЙ

ДЕТИ, БЕГУЩИЕ ОТ ГРОЗЫ

Житейской правды не нарушу,
Картина, ставшая родной,
Мне с детских лет запала в душу –
И очень чтимая семьёй.

И я не знал, кто был художник,
Семье был мастер не знаком.
Мы знали ливень, знали дождик
И огневой небесный гром.

Она не в том осталась веке,
Картине – вечность суждена,
Поскольку в каждом человеке
Тревога детская видна.

*К.Е. Маковский. «Призыв Кузьмы
Минина к нижегородцам»*

ПО ДОЛГОЙ ОТТЕПЕЛИ

Быль

ПО ДОЛГОЙ ОТТЕПЕЛИ

Быль

Погода этот сезон не баловала любителей подлёдного луженья. Морозных, солнечно-ясных дней было совсем мало, что неминуемо отразилось на структуре областного льда – зеркале прудов, озёр, рек и водохранилищ.

Весна нынче скорая, дружная и напористая. Видно, природа спешит избавиться от зимнего покрывала, предоставляя добрые шансы постоянно унижаемому российскому крестьянству...

В некоторых районах Орловщины уже началась рыбалка по открытой воде, которая за последние мартовские дни заметно посветлела. А мне, будучи в командировках, хоть и при себе снасти, да никак не довелось достать их из багажника – времени в ходе встреч с людьми катастрофически не хватает...

Наступившие после выборов выходные приняли эстафету затяжной оттепели от минувшей недели. Наскоро собравшись, решил проведать глубокий карасиный пруд в Залегощенском районе.

Я намеренно не обозначаю водоём топографически, поскольку иногда прекрасные места попадают в злые руки. Отмечу, что старый пруд не срывало со времён Великой Отечественной, и рыбы – карася и карпа – в нём пропасть. Глубина затопленного глиняного оврага доходит местами до

4,5 метров. Давно открыл мне сие «эльдorado» местный старик, повстречавшийся лет двадцать назад по грибной поре.

«Иди, – говорит, – на посадку. От посадки свернёшь на более молодую посадку. А там, по тропке вдоль неё, спустишься к лозняку. Увидишь насыпь. За ней Алёшкинский прудишко. Стар я, далеко топать. Бабка, вишь, моя, рыбку не ценит, больше грибки солёные любит. А раньше...»

Спустя два-три года побывал я на том водоёме проездом перед ледоставом. Брал мерный фунтовый карась, причём на всё...

И вот сегодня, затяжной мартовской оттепелью, мы вместе с сыном хлюпаем сапогами по обильному весеннему месиву. Подъезда к карасиному пруду нет – бросили машину на крайнем доме у Марии Стефановны, предварительно угостив её парой свежих буханок хлеба. Одинокая, она, как девчонка, радовалась живому общению, и подолгу не отпускала нас, расспрашивая обо всём – радио и телевизора у неё не было. От неё шли пешочком – не менее двух километров с гаком.

Вышли на водоём с трудом. Берега крутые, глинистые. У прибрежья – воды по колено. Она блестела неровной плёнкой по всему пруду, напоминая о ночном проливном дожде. Если бы не болотники – прощай, рыбалка! Лёд ведь последний – два-три дня или растаял, или осел на дно.

Просверлили 10–12 лунок ближе к середине, как бы буквой «Г» дублируя конфигурацию залива у плотины. Ходим час – ни поклёвки, никакого движения, словно в ванне. Обхаживаем лунки во второй раз, сверлим новые – та же безмолвная идиллия...

От тяжкого бурения (лёд набух и зажимал ножи ледобура) Сергей разделся, сел на фуфайку и закурил. Молчит – думает, рыбы нету или током побили. Не только мы встречались с истреблёнными водоёмами.

Была у меня пшёнка со жмыхом – брал на прикорм на всякий случай. Прошёл, подсыпал в пять средних по глубине лунок, и позвал сына обедать.

Почаёвничали, вспомнили удачные рыбалки и курьёзы. Потом – замесили «монастырку» – манную болтушку для ловли карася по открытой воде. Сын говорит: «Дурь!» По зиме не пойдёт! – снова пошёл по лункам с мотылём. А ещё вермишельку заграничную с собой прихватил – вдруг обману привереду?

В первой же лунке – поклёвка на манку и... сход! Стал двигаться ближе к центру пруда. Сначала – ноль, а затем три карася подряд граммов по 250–300.

Серёга подбежал: – Дай-ка маночки! Что потом началось – как в сказке – пером не опишешь...

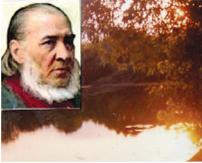
Карась брал на лежащую на дне мормышку с манкой и вермишелью, а мотыля не хотел ни в какую! Солнце, багровея, уже склонялось к закату. Оставалось ловить часа два. Но мы, наверное, остались бы ловить и ночью при луне, если бы ночной клёв карася со льда был бы возможен...

Нас посетило натуральное рыбацкое счастье в образе активизации серебрянного чуда – великолепного и шустрого карася, осветившего наши лунки. Почему он брал растительные, летние насадки, игнорируя мотыль – загадка природы. Зато целый месяц в ванне плавали, радуя глаз, 48 красавцев и один 600-граммовый карпёнок.

Они и сейчас живут в городской квартире, конечно, не понимая, куда же «девался» их «обожаемый ил». Им предстоит превратиться в сладкое жаркое или икряную таранку. И долго ещё семья и порядочные друзья будут благодарить Госпожу-удачу в облике длительной мартовской оттепели...

22 марта 2004 г.,

г. Орёл – Залегощенский район, «Путевые заметки».

С.Т. Аксаков
(1791-1859)

СЕРГЕЮ АКСАКОВУ

Поэт природы, ловли и охоты,
Волшебник зорь и Млечного Пути,
Ты книгами снимаешь с нас заботы
И говоришь нам: – В НЕПОГОДЬ – СВЕТИ!

«Двойная радуга над селом»

НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ

Он понимал людскую боль,
Клял публику богатую,
Верхам на раны сыпал соль
За полосу несжатую.

Н.А. Некрасов
(1821-1878)

Любил азарт, охоту, ширь,
Не раз ходил по хижинам.
Писал: – Крестьянин-богатырь
Не должен быть униженным.

«На опушке леса» Этюды
Виктора Рассохина

Какой бы век не подошёл,
С идеями ли новыми,
Чтоб не творился произвол
Властями непутёвыми.

И до сих пор в сердцах звучат
В застольях «Коробейники».
Вглядитесь зорче, стар и млад
В поэму «Современники»*.

* М.Е. Салтыков-Щедрин (1826-1889): «Поэма поразила меня своей силою и правдою».

КРАСОТА

Забыв на миг про житиё,
На чудо вешнее смотрю.
И опускается ружьё –
Не в силах выстрелить в зарю.

А.Д. Кивиенко (1851-1895). «Затравили»

ПОЛЧАСА СТРАХА И СЧАСТЬЯ

ПОЛЧАСА СТРАХА И СЧАСТЬЯ

К началу апреля большинство малых прудов и рек вскрылись – зимняя рыбалка была полностью сметена оседанием льда и ледоходом. Но оставались песчаные карьеры с высоким уровнем льда и небольшими притоками, в которых ещё минимум неделю можно было смело ловить, соблюдая правила осторожности.

Отправляясь на рыбалку с последним запасом пескарей, проживших в канне почти месяц, я мало надеялся на щуку, ибо она первой выходила на нерест, начиная метать икру по окраинам. Однако водоём изобиловал крупным окунем, солидным судаком и щурятами. К тому же я знал извечные стоянки плотвы и ельцов, всегда прекрасно клевавших в конце сезона.

Снег уже сошёл полностью и лишь на изломах пахоты под зиму, да в тени лесов и в глубоких балках на подсолнечной стороне оставались напоминания былых метелей. Прибыв на озеро, я расставил всех наличных пескарей – 12 жерлиц, а сам пошёл под бережок, где по кустам проскакивал приличный окунь. Управились быстро – помог сын. Да и лёд, как бы скукоженный напором первоапрельского солнца, сократился до пятнадцати сантиметров и уже становился игольчатым...

Флажки простояли без движения до глубокого вечера, и мы, пользуясь благосклонным теплом и выходными, решили остаться на ночёвку, с верою в короля этих глубин – судака.

Ночью прошёл слабый снежок при лёгком морозце и редких выходах луны из-под низко летевших облаков. Наш член семьи – бывалая «Нива», в очередной раз выступила вторым домом, предоставив нам полноценную передышку после дневных мытарств.

При всей внешней благоприятности погоды, при красоте ближних и дальних пейзажей, «подъёмов» с рассвета не было, что заставило нас взгрустнуть при воспоминаниях прошлых рыбалок, когда бывали дни активного клёва. Под берегом попалась тройка сорочек, и сын, не поленившись, зарядил их на мель возле полуострова, поближе к закраинам.

Идёт обратно, и... на глазах у меня – внезапно «загорается» флажок. Кричу Сергею: он как-то неуклюже оглядывается и осторожно бежит к крайней жерлице. Вижу, что он с ходу хватает её, но леску не перебирает, а, стоя на коленях, кричит: – Быстрее сюда!

Рванул я на эмоциях, а багор-то забыл! Неизвестно, кто вымотал двадцать метров лески, по работе и словам сына вижу и слышу, что-то очень серьёзное. – Багор!!! – кричит он мне, подводя рыбу всё ближе и ближе к кромке льда. – У-у-у, смотри!

Я глянул в лунку и оторопел: в ней показалась только часть головы огромной щуки, которая, по всем параметрам, никоим образом не прошла бы в лунку...

Сергей, стравливая леску внатяг после жестоких метаний рыбы трясущимися руками, начинает шуметь и ругаться.

– Багор! Пешня! Как ты мог забыть! – полукричит-полупшепчет он, боясь схода...

Бегу, как мальчик, притаскиваю пешню и багор. Сын снова поднимает щуку, я рублю лёд, расширяя лунку. Вот бесподобная красавица показалась у кромки льда: заметно, что немного ошалела и устала.

– Багри! – кричит сын, но я глупо промахиваюсь, а щука всей силой веса и матерости вновь рванулась на глубину...

Третий подъём. Сын уже полностью промок сверх колен, левая рука кровоточит – наверно, разорвал об лёд или палец рассекла жилка. Вываживание идёт легко, без рывков, податливо, но страх, что рыба сорвётся с крючка, не отпускает нас. Стоя на коленях, вижу, что запас лесы на исходе. Вот-вот должна появиться... Вот она! Багрю её точно под жабры, и... адский рывок – в моих руках остаётся лишь деревянная ручка...

– А-а-а! Чо ж ты делаешь! – вопит Серёга, облитый брызгами и крошкой льда от очередного финта «барракуды». – Как брать, чем?! Не удержу, не удержу, отец...

Отпускает почти все двадцать метров и хнычет – его можно понять! И вдруг он вспоминает про самый крупный тройник в своей сумке, спрашивает, есть ли верёвка...

Какое счастье, что тридцать сантиметров бечевы оказалось в моём кармане! Быстро вяжу тройник, проверяю – мёртво...

Четвёртый заход. Время словно затормозило, но и щука не субмарина – видно, подзатомилась. Я лёг на лёд, чтобы видеть её заранее и не промахнуться.

И вот умопомрачительный «крокодил» появляется, вальяжно двигаясь согласно медленным переборам заиндевелвших и красных Серёгиных рук. Вывешиваю тройник немного ниже и подсекаю рыбину сразу же под брюхо. Вытаскиваем её вдвоём, перекидываем через себя, переваливаясь на бок и на спину.

– Вот это чушка! Взяли! Ура, взяли! – счастливо кричит сын, и я сам, как ребёнок, ибо встречался с подобной «бандурой» ещё в детстве, когда сопровождал сельских мужиков при ловле бреднем...

Не в силах превозмочь собственный вес и длину, она, как это обычно бывает на рыбалке, сумела освободиться от

крючка в первые минуты как оказалась на льду, пока мы, шокированные её видом, приходили в себя. Взглянув на часы, я ахнул – её вываживание заняло у нас полчаса, а то и сорок минут...

Мы сразу свернули снасти и отъехали к дому, наперебой удивляясь и вспоминая борьбу с царицей этих вод.

Мы будем её вспоминать всё время, по памяти и по фото. Полтора метра и одиннадцать килограммов без учёта того, что щука отметала икру, остаются нашим непревзойдённым семейным рекордом, в котором рыбацкое счастье победило рыбацкий страх!

Апрель 2004 г., Орёл – Белые Берега

ОБНАЖЕНИЕ ВЕСНЫ

Зарисовка с натуры

ОБНАЖЕНИЕ ВЕСНЫ

Зарисовка с натуры

На стыке сезонов быстро двинул на поправку день, вливаясь солнечным теплом и светом в города, сёла, хутора и деревушки. Долгая оттепель, продержавшаяся с конца февраля, ускорила таянье снегов и льдов, снизив напор областного паводка.

Легкоморозные ночи в свете луны и сменившейся карты звёздосвода укоротились переводом часовых стрелок, пощекотав нервы владельцем озимых. Куда ни глянь, подпорчивают лазурь неба дымовые завесы организованных и стихийных костров, светят маячками дорог оранжевые курточки путейцев и автодоровцев. Возвращается дачная суета...

Давление, загазованность, рентгено-часы, таблетки и водка забываются, как затянувшиеся однообразные метели. Видишь ли журавлей, слышишь ли жаворонка, замечаешь ли вышедших на прогрев червей и перезимовавших каким-то образом мух – ты радуешься своему причащению к сиюминутному ходу времени...

Зима уложила на вечный покой многих добрых людей-тружеников, да и бандитов-хапуг не обошла участь небесного наказания. Политические, экономические, аграрно-промышленные реформаторские нововведения запроколировались многотоннажем макулатуры, оказались вкрученными миллионами миль в плёнки киноvideопроката.

Народу, где бы он не жил и творил, не стало легче и лучше – его целенаправленно разлагают, унижают и убивают извращённой до ужаса демократией...

Иссизо-чёрный грач с монументальным наростом на косяном клюве ворошит кучу отходов, переработанную до него местными бомжами. Седой рыбак с сильно загорелым лицом, ловит взбродку напротив базара и бормочет адресные проклятия из-за плывущего мусора и пропажи рыбы при остановившихся заводах. Допризывные деточки ласкаются в беседках с подругами, а потом, ржа, колят вино-водочную стеклотару о твёрдые предметы берега встреч. Всего-то три месяца шла маломорозная зима. Чуть протаяло – вышло, что все мы, мягко говоря, п о р о с я т у ш к и. Мало, видно, страховали нас страхом ответственности перед грядущим – евро и бакс правят миром...

Рыжая до ржавости кошка впервые заигрывает с голубями и воробьями, но быстро утомляется от дурости солнцепёка и нехватки заправки «вискасом». Её симпатичная берегиня с глазами алма-атинской Грушеньки, утянута в неприличные лосины. Угловатое лицо крашеной акселератки, испорчено нагло-безвкусным макияжем, пышная копна волос сдавлена наушниками плеера. Цинично жуя неизвестно что, она ругается матом с хозяйкой десятилетней овчарки, выковыривая из-под каблуков спрессованный собачий навоз под хихиканье обкуренных школьников. В двух шагах, за отполированными руками и картами столом идёт политбаталия любителей самогона, философствующих о жизненном пути вождей от Кобы до Путина...

Шикарно озолоченная мадам в наутюженных брюках и ярко-лимонной кофте, пряча глаза под чёрными очками, на новорусском жаргоне напоминает молодежи о её не просяхающих ухажёрах, описавших и заплевавших подъезд. Ещё одна мама в джинсах и кожаном пиджаке, обритая

как тинейджер, смолит сигарету за сигаретой, в процессе слежки за годовалым отпрыском, увлечшимся частым падением в грязь. Смешавшись в хаосе звуков, из окон стонут, завывают и кричат «фабрикантши-мусепусеньки», пытаюсь превзойти «Эминем» и позднюю «Металлику» посредством хамства владельцев магнитофонов. Рычат и скрипят авто по выбоинам двора, расхлёстывая лужи по тротуарам и ногам прохожих. Назревает скандал у первого подъезда – прибыл «госуазик» иногороднего газетчика-агрария, перекрыв въезд во двор. Вдрабадан пьянящий сочинитель не хочет идти домой и уступать иномаркам, и под причитание старух и увещевания не раз опозоренного водителя формулирует теорию размножения водоплавающей индюшки в опустевших трубах нефтепровода. Вышедшая жена-театралка умело закончила бенефис измождённого графомана, не видящего, что в стране кто-то хворает и тает. Не читал, видно, Ивана Бунина, не говоря о Некрасове и других.

Радуют новостройки – пугает, что вселились чужие. Прекрасно изобилье промышленных и продовольственных товаров – страшна недоступность цен. Жизнь при мобильности становится норной и неприятной.

У соседа-рыбака угнали машину днём свои же соседи. Прошло два года. Разбитую тачку нашли, был суд и прочее. Присяжные и приставы говорят потерпевшему: «А что нам делать? У нас сто дел и во всех – ни копейки!» И в это же время мерзавец, не работая, ходит на свободе и каждый день кушает водку, тогда как дед почернел от проблем долгов.

Общественный транспорт – клондайк остросюжетного романа; ходы с нефтью и недвижимостью отдают душком аферизма и зависанием клапанов двигателей; территории скупаются кланом бывших парт-бонз...

По брусчатке центра бредут в лёгком хмелю ветераны журналистского и писательского труда, эмоционально

размахивая руками и пустыми портфелями, носимыми для профприличия. Они ищут место под памятник.

«Здравствуйте – До свидания!» Объединение чистоты помыслов и здраво-положительных сил во благо добра сделали невозможным из-за «гениальной мозговитости и словесности» каждого как бы гражданина, аппетитно шинкующего свою ведомственную, ничем не отработанную пенсию или зарплату. Скажи им о дружбе народов – окажешься дураком. За стипендию губернатора кого хошь предадут...

Фотограф, отвернувшись от дневных проституток, нищеты и настырного шика, лезет на высокую крышу под защиту инвестиций, чтобы снимать возрождение куполов. Потом он поедет в командировки за госсчёт, нащёлкивать величие заповедников и памятных мест, объедет околицей преступления прошлого и настоящего, повсеместное унижение крестьянства и рабочего люда. Состояние библиотек фотообъектив не волнует!

Художник-пейзажист, состыковавшись с праздничным композитором и псевдоиздателем, не имеющим печатного станка, делают прекрасную работу, в которой нет истинности ратного, трудового, уголовного и аморального пути современников и соотечественников. Тарабарщина, становясь многоцветною, и даже изысканною, процветает, приучая детей к тому, что «ВСЁ У НАС ХОРОШО!» Ложь нанизывается на ложь круглосуточно и многие уже не рады унижительному прозябанию на Земле...

Редакторы, крича о независимости СМИ, оболгали общество пунктами секрет-уставов печати и ТВ с радио. Спектакль благополучия является ширмой классового неравенства народов, уставших метаться между жезлами реформаторов душ, сознания и карманов. Напомню, что цензоры и вдохновители сотен «творений» «правильно ориентирован-

ных» щелкунчиков, стихоплётов и пр. истязателей пергамента и папируса, ответят за свои злодеяния перед Богом. Всевышний не простит, что тысячи выстрадавших, правдивых работ, книг, симфоний, картин, фото и репортажей из глубинки и центра России сбросили в утиль как дополнение к расширению погостов...

Весна оголила донельзя порочную грязь общества, неспособного растопить лёд дьяволиады, заморозивший человеческое доверие, мораль и любовь взаимоотношений, благородство повседневно и сострадание.

Как бы книжки лежат на прилавках, отзеркаливая глянцем бег безучастной к нравоучениям и чтиву толпы.

Властуха улыбается!!!

Солнце светит не всем...

Апрель 2004 г., г. Орёл – Нарышкино – Шахово – Ливны – Мценск – Орёл – Брянск, «По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).

ЛЕОНИД САБАНЕЕВ

Средь рыболовных корифеев,
Жизнь зная щук и судаков,
Стоит великий Сабанеев,
Познавший их ещё с мальков.

Л.П. Сабанеев
(1844-1898)

И, удивляясь кругозору,
Что каждый школьник должен чтить,
Как мог он фауну и флору
Доступно людям изложить?

В природное единство веря,
Определив повсюду срок,
Он следопытом вышел к зверю,
Не как матёрый стрелок.

Ловите рыбу, в лес пожалте,
Не убивайте молодняк...
Заступник наш – навечно в Ялте,
Природолюбия – маяк.

Е.Е. Волков (1844-1920). «Болото осенью»
Орловская картинная галерея

ОХОТНИКУ

Удачная стрельба – неповторима
На вешней тяге и по декабрю.
Но, если ты всегда стреляешь мимо,
Не огорчайся – ты встречал ЗАРЮ!

«Февральская тишина»
Этюд Виктора Рассохина

БОЦМАНЮГА

Лагерная быль

**Работа Н.И. Гетмана
«В ожидании расстрела»**

**Автор картины - Р.Г. Горелов - художник,
сам прошедший ужасы заключения**

БОЦМАНЮГА

Лагерная быль

Тяжёлая масса серых скомканных облаков медленно ползла к розовеющему горизонту. Необычно тёплый апрель, рано обнажив землю, оставался беззвучным – летучие певчие весны были ещё в пути. По ухабам подсыхающего придорожья кое-где проклюнулись первые головки одуванчиков, шагнувшие навстречу свежести из тисков пыльного плена. Поалевшие к закату берёзы отволгли корнями, радуясь новому году жизни. Взъерошившись почками, они, наверное, думали, кому из достойных дарить свой древесный сок. Просветлялась чернота далей...

По залитому разливом лугу едет в брызгах бывалый ход, громяхая пустыми продуктовыми термосами. Кругом впокат – ни души, лишь отрок удит мелочёвку в бучиле, считая рыбью жарёнку взрослым делом. Слегка туманятся ракиты, молчаливо прислушиваясь к перекату.

Немолодой тёмно-коричневый мускулистый владимирский тяжеловоз понуро влачёт судьбу, изучив окрестности с жеребятства. В потёртой фуфайке крепкий издали мужик правит одной рукой, левой придерживая карабин. Аккуратно форсировав заезженную брусчатку брода у разрушенной мельницы, человек и лошадь двигались в сторону обезглавленной церкви и попали под остервене-

лое нападение своры местных собак. Тоскливое и почерневшее от невзгод лицо возницы осветилось яростью революционного пролетария.

– А ну, цыц, щенки оголтелые! Осуждённых соседей не признаёте? Токмо мосольжку с хрящом вам дай, – привычно забурчал ездок,огревая ивовым прутом самого наглющего кобеля. – У меня, племя ваше нервозное, ужин зоны на срыве стоит. Припоздал с Боцманюгой отовариться, по распутице ось погнул! Жизнь неладная, подрасстрельная...

Почуяв близость колхозной столовой, возле которой всегда был стожок свежего сена, вспотевший Боцман прибавил шаг, предвкушая сладость ночлега. Он ходил или бегал рысцей этим маршрутом редко. Обычно копытил землюшку до товарной станции и обратно – числился главной машиной хозроты ИТК. Грузили его трепетно жалеючи – больше лошадок на двадцать вёрст не было...

Солнце, тускнея, ушло в пространство западного полушария, чтобы освещать и отогревать Новый Свет. Легко морозило в ночь. Деревня, финаля извечные вечерние хлопоты, укладывалась в беспокойную дрёму, не в силах превозмочь усталость неизвестности завтрашнего дня. Гоготало, хрюкало, мяукало и мычало подворье, лаская подъезжающих напевами вечности. После схода облачности зарождалась грустно-бледнолицая луна, оттеняя плетни и межи насильственно раскулаченных переселенцев. Собачий табор поутих, жалея глотки и прыть до следующих пеших и проезжих, разучившихся улыбаться, радоваться инстинктам, престольным праздникам и гармонии...

В глинобитной столовке под сопревшей соломой вместо крыши горело слабым огоньком керосинки маленькое

окошко, в котором то и дело мелькали озабоченные тени. Похрустывая копытами на угольном шлаке и ошмётках лесозаготовок, Боцман, скрипя оглоблями и выработанными рассохшимися ободами, уверенно протопал во двор, несмотря на крутой и скользкий подъём.

Переутомившиеся стряпухи наотрез отказались понимать мужика — «Мы есть колхоз, а не зона!» Развернулся мытарь к председателю – три двора от столовой. Тот не спал. Готовил бумаги на получение запчастей для МТС, внимательно изучал бухгалтерию.

Размокая сон стопками своей, молча выслушал гостя. Под честное слово с распиской на двое суток – помог, поверил, подписал.

Прижали Боцманюгу к земле горячим горохом без мяса, мукой, да бочкой задохнувшейся селёдки. Укрепили стратегическую поклажу бечёвкой. «Интендант» убивался вслух из-за слабости тылов недавно переселившегося клетчатого учреждения. И война обошла стороною, если бы вернулись призванные всеобщей мобилизацией. А так – ждали, в ком ожидание теплилось. Здесь сухих пайков отродясь не видали...

Обратное подобие дороги шло краем Туманного леса, дурно известного гиблым местом окрестных сказаний ещё при Романовых.

На рассвете ободранный, кровоточащий ногами Боцман с изорванной дремучестью мордой, грязный на левый бок, в колючках и репьях, исполнил долг, выйдя с провизией к недавно построенным баракам. Его хозяин исчез вместе с карабином и дорожной документацией.

Решили лагерем на рванувших в бега полицаев, «пропавших без вести» на прошлой неделе...

Старый Боцман, отойдя на кормах, что-то видел и знал, но молчал.

На заре летят обратно обычные белые высотные облака. Зашебетали прилетевшие птицы. Пошла рыбёшка на нерест, забываясь по ходу в сети, верши и кубари. На всех подворьях – рождения...

Отныне лошаdkою правят по очереди двое. Один из них – с ППШ*.

Апрель 2004 г., г. Орёл – командировки по местам заключения сограждан в Центральном регионе России, «По ухабам Отечества» («Путевые заметки»)

* Пистолет – пулемёт Шпагина (1941 г.)

ТАНГО ЛИСТОПАДА

Зарисовка с натуры

ТАНГО ЛИСТОПАДА

Зарисовка с природы

Каждую неделю, проходя по вековой аллее, принарядившейся к сентябрю, я не раз сталкивался с таинственным незнакомцем, одиноко скупающим на скамейке. Суровый старик, высохший от невзгод и пережитого, выглядел на все сто. В модных, слегка затемнённых сверху очках конца 50-х, он приходил строго один или с небольшой коротконогой домашней собачкой неизвестной мне породы.

Мимолётно и безучастно проскакивал я стороной, спеша избавиться от дачных хлопот, чтобы успеть выйти с живцом на Оку. Рыба тот год шла слабо – то ли я прогадал период жора, то ли он ещё толком не начинался....

Стояли прекрасные погожие дни, редкие в своём убранстве и постоянстве. Радовали взор безграничная лазурь неба и чистота объёмных белейших облаков, медленно плывущих от горизонта к горизонту. Солнце ещё боролось с прохладой, пригревая в зените, как в августе. Дули умеренные, нехолодные ветры, срывающие с крон остывающих в ночи деревьев калейдоскопные в цветах коллекции листья. С недавних пор их перестали собирать взрослые и дети, и тогда казались юными принцессами древние старушечки, озаряющие парк любовно выведенными астрами, георгинами, поздними розами и бархатцами. Листья кружилась над молодостью и старостью тоскливо-грустным прощанием очередного периода всероссийского геноцида. Каждый лист, падающий в свете лучей светила или летевший в

пахнувшей дождём тени, мог представиться умной и впечатлительной голове чьей-то оборванной жизнью...

В ту субботу, таща на спине собственноручно выращенную независимость в виде кабачков и картошки, мне было не до лицемерия красот и отвлечённой философии мирозерцания. Всё ж таки, годок Второй Мировой – подморился. Сижу, жалею про себя праведную частицу общества, не продавшуюся дьяволу. Что ни прохожий – старше или ровесник, с рюкзаком или с тележкой. Подумать только: «Бедолаги влачат быт одни, при сытой мускулистости молодых! Не жизнь изменилась, а люди стали зверее, причём посещая храмы. Аномальная катастрофа сознания, нравственности, морали, долга перед Отчиной и родителями...»

Листва близрастущих клёнов вальсировала в падении и тащилась, завихряясь, по листовному ковру при порывах ветра, будто желавшего познакомиться ближе со всем, присутствующим в парке. В обыкновенных раздумьях, на перекуре и не заметил, как подошёл незнакомец-дед.

– От горы отдыхаете? – без здравствия, просто спросил он. – У вас, видно, неподалёку дача. Или снимаете? Дочки-внучки, сынки-внуки – знаете, какие пошли! Ни кашлянуть, ни пукнуть – мобильные рыночные нервозники. Чуть что намёком попроси – «некогда, аллергия». Вот мы – вы-то ещё малость застали, чем-то единым жили. Помните?

В прищуренных выцветших глазах старика сверкнула звездой скупая слеза, мгновенно отразившая историю Родины... Разговорились. Не человек – роман! Много через что и кого прошёл один и с семьёй – с ходу не опишешь. Удивил несказанно, узнав меня по «Дормашу» и творчеству. Покорил анализом моих публикаций и книг. Думающий и скрупулёзный читатель, которому я годился в старшие и ранние сыновья, собирал не марки и гербарии, а работы, несущие справедливость, доброту, честность, равнодушие, природолюбие. Сам – история, он был её ходячей, говорящей и интереснейшей энциклопедией...

– Не знаю, Витенька, кто надоумил вас на путь жёсткой и постоянной конфронтации с властью. Социально-гражданский срез бытия и то, извините, боронование, что вы проводите в поле истории Родины и Планеты, ставят вас в сложное положение в высших эшелонах. Вы глубоко заблуждаетесь, если предполагаете, что, отдав себя, как писатель, массам, оные обоготворят и с лихвой поймут ваши труды. Публика – продажная девка; всё принимает, переваривает, понимает, но остаётся Гренландией, даже если вы, горячо и полностью сгорая, погрузились в неё. Я и раньше, видя вас с баулами и удочками, сразу узнал. Сидел, как сейчас, и думал: «Разве должен такой человек мытариться на выдох, когда пройдохи изученного им Мира с рождения до смерти не знавали надобности в крошке хлеба?!» Внучка Жаннка училась с вашим Сергеем – говорила, отцу помогает. Значит, так воспитали. А другие – как ни воспитывали, сплошняком по судьбе конфуз... Суп не умеют готовить, а шоколад – дай!

Вы думаете, я сгущаю краски? Ничуть! Люмпенизация и сексотство, сдобренные аннулированием национальной идеи и отсутствием ключевых внешнеполитических и внутренних приоритетов, дисгармонируют население, развивая вирус паразитирующих животных в облике человека. Статус-кво, модус вивенди, де-факто, де-юре, страхование, монетизация и много чего ещё – стратегическая пудра на болячках деградирующей страны. Эта тема системно подымалась и исследовалась и до вас – считаю, не мне преподавать хронологию и библиографию всемирной литературы!

Я замороженно слушал «Хоттабыча», не в силах его прервать и направить разговор в иное русло. Воображение рисовало старца волхвом, магом, мессией, парапсихологом, ниспосланным мне свыше. Короткую паузу, в которую я приподнял с колен оранжево-лимонный лист орешины, нарушил он сам, словно прочитав мои мысли.

– Человек-творец всегда стремится к идеалу, может пытаться идеализировать совершенно неживые и вымышленные субстанции. Погружение в историю цивилизации, её виденье, как и параллельных миров, вынуждает трудящегося художника изыскивать новые формы глобального, а не фиктивного мышлевыражения. Прошедшие сквозь рентген познания и святость откровения неминуемо расплачиваются за контакт собственным здоровьем. Они – как батарейка или генератор, не работают без «плюса» и «минуса», причём, на их колоссальную ауру-энергию слетаются вампиры и коршуны Князя Тьмы...

Парапсихологическое обоснование некоторых, пройденных вами аспектов интеллектуального труда существовали до нашей эры. Вы молчите! А я знаю, что ни одна из сотен ваших работ не вышла в Мир так легко, как порхают в глянце ваши ровесники – бородатые бездари, «деткишки» и «махаоны», позабывшие, где произрос главный корень России.

Ныне – корневище и состав отравляются, обвиваются, обкрадываются. Росток – не идёт вверх! Он скрыт от солнца, жаждет влаги, а тот, кто связан с его ущемлением, владеет и пользуется панацеей от всех бед, оставляя других на пороге между жизнью и смертью.

Молчите, молчите... Я давно хотел пообщаться с вами вволю, да Бог не дал. Чудо Вселенной – человеческий мозг, заужен казуистическими догмами, демагогическим шантажом, изворотливостью «избранных», классовым неравенством, природоресурсным переделом сфер влияния, разжиганием религиозной и межрасовой ненависти. Никакая позитивность президентов нам – и не только нам – никогда не поможет!

В своём недавнем выступлении в «Вашем мнении» Жени Шварца, вы упомянули, что готовите к печати фундаментальную книгу о Второй Мировой войне. Судя по моим архивам и вами сказанному, вижу, что жизнь прожили не «на холостом ходу», как точно заметили в «Последнем рейсе».

Работоспособность, как форма высших начал существования творца и художника, иногда способна заносить в тупиковые лабиринты и мега-звёздные скрижали. Вы достаточно прямолинейны и самокритичны. Однако, работая на общество, учитывайте, что оно живёт с корыстью в большинстве своём на себя.

Требуйте, Виктор! Требуйте от призванных отвечать на требования! Требуйте и бейте в дверь по завету Иисуса Христа, не забывая о пути Будды, Аллаха и Магомета. Ибо даже сверхвеличие и богатство зла безоговорочно и жестоко караются местью добра, которое, вы, к счастью, олицетворяете на Орловщине. Суть зла – в его действии сразу, а добра – в границах какого-то не нами определённого времени. Оно как бы даёт фору любому живущему, чтобы исправиться, что-то переосмыслить, наконец, исправить, казалось бы, неисправляемое...

...Пять сильно пьяненьких и матерящихся девчат с оголёнными пупками на урезанных в талии джинсах, демонстративно виляя бёдрами, исхихикались, поравнявшись с лавочкой, непонятно для чего привлекая наше внимание. Старик побелел, как гейша под макияжем, но не счёл нужным просить будущих мам сократить вульгарно-провокационное сквернословие. Он нехотя приподнялся и, положив мне руку на плечо, попрощался, сославшись, что устал.

Я посидел один совсем немного, а двинувшись к дому, вскоре нагнал его у железнодорожного переезда на выходе из парка. Трость аристократа. Ширпотребные, но ухоженные блескучие туфли с белоснежными носками, виднеющимися на перепадах коймы брюк при ходьбе. Велюровый бардовый костюм. Широкополая фетровая шляпа выпуска прошлого столетия. Ярко-белая рубашка с вылетом дорогих запонок из рукавов пиджака, на лацкане которого запомнился значок – белый голубь с лавровой веточкой в клюве. Очень стильный заграничный галстук цвета какао. Прямая и уверенная осанка при степенно-размеренном шаге. Что-

то было, было в нём магнетическое, порой воодушевлённо-родственное, порой – усложнённо-непонимаемое. Феномен впечатления был таким мощным, что казалось, идёт главный и лучший друг моей семьи во всей жизни – от детства до седины...

– Ага! Поспешаете к ужину... Забыл кое-что сказать. Бог весть, встретимся ли ещё! Дарю тему для песенного репертуара – «Танго листопада». Автора идеи не называйте. Побольше черновиков для чеканки рифмы – песне вне политики не должны помешать!

* * *

...Песни не получились – пусть бренчит и голосит картавая попса. Коснувшись истории романса, эстрадной песни, джаза, шансона и бардовых изысканий, создал циклы «Музыка души» и «В ритмах прошлого». На биографических основах и исторических фактах в них показаны судьбы: А. Вяльцевой, Ю. Морфесси, К. Сокольского, А. Вергинского, П. Лещенко, В. Козина, Л. Руслановой, М. Бернеса, Л. Утёсова, А. Цфасмана, О. Строка, А. Баяновой и К. Шульженко. Было куда сложнее отобразить жизнь Дж. Гершвина, Л. Армстронга, Д. Эллингтона, Г. Миллера, М. Дитрих и Э. Пресли. Из ближних – проходят Б. Окуджава, В. Высоцкий, И. Тальков, В. Цой, М. Круг, Р. Паулс, Ю. Саульский, Т. Снежина, Джо Дассен, К. Готт, В. Чистяков. Не забыты: Э. Пиаф, М. Монро, Л. Орлова, Э. Мей...

Кружится память в танго листопада нового года. Я передаю его цвета, слова, звуки идущим за мной, чтобы помнили названных и таких как «Хоттабыч». Ибо жизнь человеческая, её цели, предназначение и смысл, никогда не упрячутся в лампу Алладина, не репрессируются застенками и уж точно всегда не побоятся происков от лукаваго...

Октябрь 2004 г., Орёл – ПКиО «Ботаника».

В ЦАРСТВЕ ТУМАНОВ

Быль

Карповское подворье – «Дворик рыбака»

В ЦАРСТВЕ ТУМАНОВ

Быль

Глухие малолюдные места, имеющиеся даже в центре России, нередко способны преподнести невероятные сюрпризы, в чём я убеждался, когда ходил на охоту или за грибами.

Однажды, хорошенько помучив себя в поиске зайцев, я, к глубокому своему изумлению, набрёл на небольшой лесной прудишко, спрятавшийся в вековой чаще мохнатых елей. Своим размером и видом он напоминал бомбовую воронку диаметром примерно пятьдесят на пятьдесят метров, и питался естественным водосбором за счёт дождей, снегов и слабых ключей.

Охотничьи тропы обходили его стороной из-за дремучих кустарников, захвативших пространство вокруг леса непроходимой плотной стеною. Не раз проходя раньше в этих местах, я наблюдал небольшие стаи диких уток, быстро исчезающих за макушками деревьев. Теперь стала ясна цель их перелёта – они садились на ночёвку, а возможно, и выводили потомство в ходе благоприятных сезонов.

В день знакомства удача обошла меня боком – дав замысловатый круг, утки не сели на воду. Ещё не теряя надежды, я сидел в холодном росистом тумане, весь в репьях и в «собачках», любуясь малиновым проблеском заката между деревьями. И вдруг – всплеск... второй, третий! Быстро

стемнело, а тяжёлые плюханья повторялись, в прибрежном камыше то и дело слышалось чваканье...

Вся ночь – уже дома – была потрачена на отлаживание снастей. Не вызывало сомнений, что в затерянном водоёмчике, практически – луже, каким-то образом прижился и расплодился карась.

Полный оптимизма, я вышел затемно и подошёл к «джунглям» до рассвета. Мини-ножовкой и топориком неспеша прочистил небольшой коридор в зарослях, подготовил рогульки под удочки. Погода во всём благоволит моим хлопотам – сбежав в атмосферу, растворился туман. В чистом безоблачном небе скоро вспыхнул красноватый шар-солнце, отовсюду «заговорили» на своих языках разные пичуги.

Стараясь меньше шуметь, делаю аккуратные забросы на кромку чистой глади с растительностью. Массивные гусиные перья при трёх дробинках замерли в ожидании клёва, завораживающе красуясь на тишайшей воде, не познавшей ветров. На крючках с утончёнными поводками – средний навозник и тесто с конопляным жмышком...

Недвижимость продолжалась совсем недолго. Буквально через пять минут поплавок удочки, установленной на глубину с червём, пару раз дёрнувшись, плавно пошёл в сторону, классически погружаясь наискосок. Подсечка! И крупный четырёхсотграммовый карась, попавшийся на аппетите, нарушил своими выкрутасами тихую идиллию утра...

Солнце взошло ещё выше, осветив плотного золотого красавца уже начинающими греть лучами, прорвавшимися сквозь «забор» леса. Он недовольно ворочался в моих ладонях, кося радужным глазом. Круглый, почти колобок, он был ледяным от вод, в которых родился, и пока опускался в садок, выражал несмирение чваканьем. Потом – совершенно одинаковый золотой карась граммов по 400-500 клевал

весь день почти непрерывно, особенно после подкормки перловкой.

Мигом пролетел незабываемый по своей редкости, счастливый рыбацкий день. Свернув снасти, я взялся за садок и ахнул – в нём было не меньше пуда!

Родня и знакомые, с удовольствием отведавшие лесного карасика, ещё не раз посылали меня в царство туманов, на тот прудишко, что я окрестил Сосновым.

Недавно побывал там опять, однако холода прижимают – клёв был вялым, честнее – его почти не было. Зато принёс с собой сотню серебряных малышей-собратьев и выпустил их в ставок.

Плодитесь, сосновые! Туманы вас спрячут...

Октябрь 2004 г., г. Орёл – Карново

Николай Константинович Старшинов (1924-1998) поэт-фронтовик, фольклорист, редактор альманаха «Поэзия», рыбак... Лауреат Госпремии им. М. Горького за книгу стихов «Река любви».

Поэт неоднократно бывал на Орловщине, помогал молодым литераторам. В 2006 году в серии ЖЗЛ в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга Сергея Щербакова «Старшинов», включившего мои стихи, посвящённые мастеру слова.

*Этюды
Виктора Рассохина*

УЛОВ

Одни заброс, потом другой
В рассветной тишине.
И вдруг – удилище дугой,
И щука на блесне.

Мгновенно сделала рывок,
Но прыть не удалась.
Взлетает в ужасе малёк,
На солнце серебрясь.

Не захлестни мне снасть, лоза,
Не подведи, подсак.
Её зелёные глаза
Горели, как маяк.

В НОВОРОССИЙСКЕ

Мы с сыном за рыбалкой наблюдали
И рыбаков нам просто было жаль:
Они т о л п о й на пристани стояли,
Лес удочек бросая на кефаль.

ВДАЛИ ОТ РЫБАКОВ

*(Небольшой опыт ужения в малых реках
и в их притоках)*

ВДАЛИ ОТ РЫБАКОВ

(Небольшой опыт ужения в малых реках и их притоках)

Кто из нас не помнит славную пору детства, когда ва-тага ребятишек-дошколят и сбежавших с уроков – целыми днями шастала вдоль ручьёв в поисках пескарей, голец, вьюнов, окуньков и плотвичек?!

У каждого – свои родители, воды, дом, воспоминания... Но и по прошествии многих лет, при миграции и эмиграции населения, взрослые дети России скучают по родным местам много болезненнее, чем другие нации...

Я вырос на Оке, текущей через основанный Грозным Орёл. Знаю клёвые места от перекатов до омутов, излюбленные и фарватерные стоянки рыбы, зимовальные ямы. И сейчас, по мере возможностей и времени, люблю выбирать-ся в устья впадающих в неё рек – Кромы, Ицки, Цона, Рыб-ницы, Орлика, Оптухи, Лисицы и Зуши. Местами рыбёшка ещё осталась. Бывает она и в черте города. Однако при со-кращении заводских производств поток мусора не ослабева-ет – плывёт и гниёт по законам пробраконьерского рынка...

Несмотря на положительные, а кое-где антинародные реформы, рыбаков не стало меньше. Наоборот, армия люб-бителей ужения непомерно разрослась, стала мощнее тех-нически и грамотней в самом процессе. Как и всюду по стране, многие забросили удочки, приобретя «китайские подарочки» в виде сетей, кое-кто, живя одним днём, хам-

ствует с зарубежными и самодельными электроудочками. Перевоспитать таких горе-«рыбаков», позабывших родное захолустье и само понятие «РОДИНА», практически невозможно – если только исправительными работами...

Малых, по-своему живописных, скудных и богатых рек на Орловщине – хоть отбавляй. Среди них – Легоща, Мезенка, Оптушанка, Малая Орлица, Ракитня, Тросна, Лешенка, Тишинка, Белый Немёд, Турейка, Свапа, Неживка, Речица, Несса, Рясник, Нерусса. Который век несут свои воды такие же скрытные и труднопроходимые – Лесная Ливенка, Верхняя Неручь, Любовша, Гоголь, Пшевка, Филинка, Колпна, Скворка, Труды, Сучья, Колпенка, Липовец, Кунач, Фошня, Раковка и Должанка. Многие повидали на своём веку, но хранят свои тайны – Нетрубейж, Синьковец, Алешня, Паниковец, верховья Сосны и Тима, Чернь и Ядринка, Неполодь и Маховица, а также Машок, Орс, Цкань, Рыданка, Нугрь, Вытебеть, Лубна, Навля, Мох, Глинка, Водоча и Локна. И у каждой малой реки – свой, ещё более малый приток, и, конечно же, не один! Есть именитые и безымянные, не всегда мелководные и безрыбные... По большой воде, после весенних спадов и её прочищения в малые реки и ручьи устремляются массы половозрелых особей всех видов и подвидов пресноводных рыб. В этих местах (причём, чем глуше и непроходимей, тем лучше!) мне доводилось радовать себя и семью крупными голавлями, рыбцом и язём, лещами и ельцами, матёрыми окунями и щуками, судаком и крупным ершом. А уж про плотву, подустов, голянов и пескарей-салухов и говорить нечего – на них научился рыбачить и ценить Природу и мой сын Сергей...

Основные условия удачи – знание окрестностей, подъездов и подходов, их проверка опытом, годами, разными снастями и насадками, умение дружить с местными жителями, способными озвучить крохи больших тайн Малой Родины.

Хитрый голавль, увесистые подъязки, крупные плотва, подуст, сибиль, укляя и рыбец хорошо идут на снасть, которую я назвал «русский нахлыст». Леса (не более 15–20 м) натирается гусиным жиром, поплавка и грузила нет. Насадка – любая живность, как привозная, так и местная: червь, мотыль, опарыш, ручейник, короед, личинки жуков и репейной моли, мухи, кузнечик, овод, крупные муравьиные яйца, пиявки, гусеницы и бабочки...

При подходе к местам ловли важно постараться как можно меньше шуметь. Счастье наблюдать из-за кустов лозняка или из-за ствола ракиты, как появляется бурунчик у насадки, как идёт, или рывком огружается леса, сигнализируя о поклёвке. Тут – не зевай, и спеши вываживать – любая рыба редко бывает непуглива. При ловле лучше маскироваться, могут выручить – неброская по цвету одежда, болотники и само удилище, которое должно быть лёгким, прочным и чувствительным.

Другая форма – лёгкая, также бегучая снасть с достаточным запасом лесы, небольшим, но грузоподъёмным поплавком и тонким (до 0,18 мм) поводком. Ближе к крючку – яркая бисеринка, свободно двигающаяся по поводку. Катушка по выбору и предпочтениям каждого, замечу лишь, что в малых водах удобнее «Невская». Насадки любые, в т. ч. растительные: пшеница, перловка, тесто, хлеб, мелкие кукуруза и горох (по одному на крючок), манная болтушка. Не стоит брезговать рационом рыб по сезону, ибо ряска, тина, мини-малёк, кусочек мяса перловицы и даже жук-плавунец могут принести блестящие результаты.

Третий вариант – полудонка. При наличии крупной рыбы снасть должна быть прочной, поскольку при больших переходах подсачек, как игла в походе, обременяет. Насадки – те же, но лучше ловить в затонах.

На тихих глубоководных реках и ручьях, а также в бочагах у плотин, с мостков, кладок и в прибрежных ямах выру-

чит короткая бескатушечная снасть с мормышкой и хорошо заметным боковым кивком. В реках с глинистым, песчаным и галечно-каменистым дном полезно ловить в забродку, попытаться найти большие береговые замоины под корневища деревьев. Случалось, только в этих замоинах, доходивших до двух метров, мне удавалось выудить редкие экземпляры мирных и хищных рыб. Последние активничают до глубокой осени, по ходу холодов сплавляясь на зимовку.

Трудно припомнить, когда я возвращался домой без улова с малых рек и впадающих в них ручьёв. В дни затяжных оттепелей зимою, в наиболее полноводных, глубоких и спокойных из них, при знании мест, мне доводилось переживать счастливые и увлекательные моменты, вдали от рыбаков, наедине с Природой...

Естественные понятия, с которыми всегда стоит считаться – ранняя весна и поздняя осень – паузы, когда рыба готовится к ходу на нерест и, адаптируясь к холоду, ищет зимовальные ямы.

Истоки крупных водоразделов России пока остаются девственным Эльдorado, нашим богатейшим и непродаваемым Клондайком, вотчиной пресноводного и ихтиологического величия страны. Бережное, любяще-патриотичное отношение к окружающей среде обязан проповедовать каждый, осознающий её разумным звеном, а не потребителем-пользователем.

Тогда, и только тогда теоретическая формула клёва преобразуется в миг удачи, в те дни, которые впишутся золотыми страницами в природоведческую энциклопедию нашей многострадальной Отчизны...

Ноябрь 2004 г., г. Орёл – командировки и рыбалки по Орловской области, «По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).

ПЛУВУЩАЯ ДАЧА

ПЛЫВУЩАЯ ДАЧА

Лида стояла на мосту. Толпы любопытных перебежали от одного парапета к другому. Восклицаниям, сожалеющим возгласам не было конца. И только она стояла молча, до глубины души радуясь этому разыгравшемуся половодью, залившему низменные места городка. Скажи она сейчас толпе о своей радости, придавленные, скованные одной мыслью люди оживились бы и с животной яростью сбросили бы её в реку, в серо-сизую темень стеклянной воды, сжиравшей всё на своём пути.

Но она молчала и своим внешним видом ничем не отличалась от возбуждённой, ахающей массы, на которую иногда находила минута спокойствия.

Буланая лошадь, запряжённая в сани, как вкопанная, боком к зрителю стояла на грязно-жёлтом куске бывшей дороги. Лыдина плыла посередине, сопровождаемая дробной шугой.

Сотни взглядов устремились на животное. Жертва была очевидна, и спасти её не представлялось возможности.

– Сани утянут! – кто-то сострадательно выдохнул. Но люди были уже привлечены чем-то другим, каким-то другим, каким-то весело-насмешливым криком:

– Дачи плывут! Дачи!

Одну из них Лида заметила раньше всех, ещё до лошади. Голубая, с высоким зауженным верхом с двумя зияющими окнами. Она молниеносно напомнила ей светлую августовскую ночь, когда прохлада уже ощутима...

– Зайдём! – предложил он ей. – Коньяк согреет!

– Если бы коньяк? – Туда, в недалёкую память, бросила она эти слова и представила себя трясущейся от рыданий, в сорочке, съехавшей с одного плеча, представила себя на жёстком багрового цвета диване.

– Разве ты собиралась замуж? Не знал... Прости... Я думал, что пошалим и будем друзьями.

– Куда мне теперь? Куда?

– Надо было дать мне пощёчину. Сама виновата.

– Зверь... Зверюга! – захлёбываясь слезами, выкрикнула она.

– А мне женитьба – щёлк... и нету. Я – себя не люблю, где нам вдвоём ужиться. Моё дело угостить, отдохнуть на даче, расстаться по-человечески, чтобы при случае опять стукнуться рюмками.

– И много подруг у тебя было?

– Ты – десятая. Остальных не считаю...

– Мерзавец! – вырвалось у неё, и она с неистребимой яростью вцепилась напряжёнными, негнушимися пальцами в лицо и волосы обидчика...

Что было дальше, она не помнила. И будничность, и праздничность её настораживали, обращали мысли в себя, не давали им взлёта, просветления их до полувоздушной радужной мечты. А как тяжело было смотреть прямо в глаза родным, близким, подругам, утаивать это чувство от них, отчётливо понимая, что им, видимо, уже известны последствия. А когда всё случилось, в январе ли в августе – это для них безразлично. Важно было то, что женщину – в девичестве спрятать почти не возможно...

– Плывёт! Вот её полузатопленные двери. Боже! Сколько туда вошло! Сколько слёз прожгло тот жуткий диван, сколько проклятий сорвалось с губ? Сколько надежд похоронили эти стены, расписанные позолотой внутри и выкрашенные

в небесный ангельский цвет снаружи, ради прихоти развесёлого ценителя девичьих тел...

А, может быть, всё идёт так, как рассуждал он: «все красотки – ему подружки. И где их теперь новая пристань?!»

До слуха её долетели слова: – Вчерашние – до бревна растащены. Узорным дачкам у берега не стоять...

– Кому горе, а кому разбой! – возразил мужчина с бритым розовым лицом.

– Нешто вам горе... – последовал ответ.

В эту минуту, тем людям, которые на реке промышляли, и которым по всем статьям закона надо бы садиться на скамью подсудимых, Лида мысленно посылала благодарность за то, что голубая дача не проскользнёт через их ловкие руки, и явственно видела себя вместе с ними в качающейся лодке с тяжёлым, но цепким багром.

Апрель 2005 г., с. Салтыки – д. Кузнецы

МОРСКОМУ БАТАЛИСТУ – 200 ЛЕТ 1817–2017

Ивану Константиновичу Айвазовскому

И Азия в волненье, и Европа,
Уставшие от озверелых битв.
Спаси нас, Бог, от нового потопа,
К Тебе миллиарды просьб и свет молитв!

При катаклизмах матери-природы,
Остались вехи рабского труда...
Пытали кровью прежние народы,
Сегодняшних – не поглотит вода!

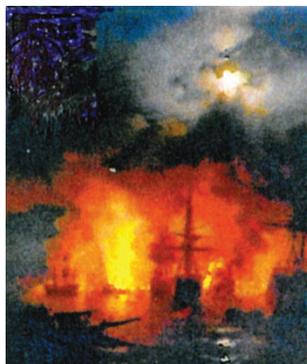

*И.К. Айвазовский
(1817-1900)*

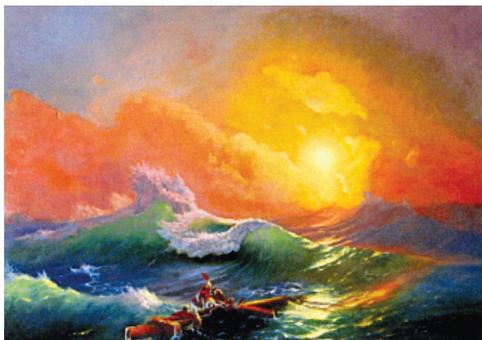
*Работа А.В. Тыранова
(1808-1859). 1841*

«Всемирный потоп». 1864

*«Чесменский бой»
25-26 июня 1770 г. (1848)*

«Девятый вал». 1850

«Кораблекрушение». 1876

ПЕРЕКАТ ДЕТСТВА

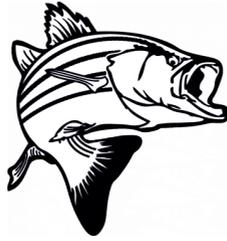

**К.Н. Успенская - Колодрина
«Не взяли на рыбалку»**

**Н.П. Богданов-Бельский
«Рыбалка детей с мостков»**

ПЕРЕКАТ ДЕТСТВА

...**А**прель 1946 года. Хроника памяти возвращает меня к своему семилетию, вызывая невольную улыбку и грусть пожилого человека. Шесть десятилетий, свыше шестидесяти зим, вёсен, лет и столько же красавиц-осеней. Бог или Космос наградили человека счастьем воспоминаний, да только счастье и радость тех лет подменялись общенациональным трагизмом, болью потерь и неизмеримым кровопролитием...

Вижу маму, первую тетрадь, альбом для рисования, чернильницу и «химические» карандаши. Вижу отца, умевшего создавать «объедальные» дни буквально из ничего. Хочу, но не могу вспомнить вкус ленд-лизовского бекона, как и не припомню приезда знаменитостей театра, кино и эстрады. Вспоминаю игрушки – деревянный паровоз и Невяляшку, красную полуторку и самодельные лыжи, «гулливерские» коньки и любимую стройную удочку из бамбука – подарок на День рождения.

С ней, пешком и с друзьями двора на великах, я обходил и объездил Оку и Орлик в Подорловье. И в Северо-Задонске, и на Донбассе, в гостях у родни, «палочка-выручалочка» тоже была со мною...

Что ловилось? Срединно-русская мелочёвка: пескари, ерши, плотвицы, окуни, ельцы, голавли. Хищников я ловить не умел, хотя встречал матёрых старожиллов-удильщиков, тащивших жутких судаков и щук на импровизированном кукане из свежего ивняка...

Непостижимым образом сложилось так, что больше любился мне Орлик с его журчащими перекатами в верхнем течении вне черты города. Тогда кто ловил? Ребятя – ровесники и постарше. Взрослые были круглый год сверхзаняты – Орёл после оккупации поднимали. Бились за хлеб насущный и будущее детей, да так, что было не до нравочений и воспитаний!

Помню, принёс пару голавлей, окуня и с десяток пескариков, а отец усталый с работы пришёл. Говорит: – Чисть и жарь сам! – а я и не умею. Вот тогда и выручали меня – мама, тётки или сестра. Как сейчас, слышу их похвальбу за уху и жарёнку...

...Изменилась жизнь, пройдя мели, русло, омуты, перебаты, валуны, ил, гальку и песок времени. Изменились – госстрой, люди, понятия, измерения, цель жизни и смысл существования. Видоизменилась природа, поскуднев в масштабах своих обитателей. Перевоплотились политики, словно «кружки» при поклёвке-перевёртке. Хужеют раставявшие писатели. Исчезают пророки, поэты, гении народолюбия, бескомпромиссной правды и фундаментальной критики. Всероссийская журналистика – фельетон размером с Царь-Колокол. Упорхнули Музы, ускакал Пегас.

Деградирует Планета, под давлением жесточайшего прогресса...

Не изменилась память. В её необозримом пространстве – журчат родниками истории перебаты эпох, величье, героика и преступления Большой и Малой Родины. В ней – Памяти Человеческой – наработка и опыт ушедших и живущих поколений, завещающих оставаться Человеком при любых изменениях жизни. Здесь грош цена тому, кто оглаголит Русь цитатами классиков, ничего не сделав для Неё с т р о г о л и ч н о...

*Январь 2006 г., Орёл – Старый Оскол,
«По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).*

**ВСЁ ОКАЗАЛОСЬ
И СЛОЖНЕЕ,
И ПРОЩЕ**

ВСЁ ОКАЗАЛОСЬ И СЛОЖНЕЕ, И ПРОЩЕ

НЕ ЗНАЮ, ЗАМЕТИЛИ ли это читатели нашей газеты, но в последнее время, буквально, в последние две недели творческие силы редакции существенно пополнились новыми и, главное, талантливыми авторами. Регулярно, даже не дожидаясь ответа из редакции, присылает нам свои материалы Владимир Телельков из Барнаула, причём, его мысли и советы по улучшению газеты не менее интересны, чем замечательные очерки о рыбалке на Оби, которую он знает не понаслышке. В тот же день, когда пришло первое письмо от Телелькова, в редакцию позвонил Дмитрий Горбов из подмосковной Балашихи, и я по первым же его фразам сразу почувствовал, что это человек, по духу очень близкий нашей газете. Два замечательных очерка, которые он затем прислал, полностью это подтвердили. В те же дни целые подборки рыболовных материалов мы получили от Александра Токарева из Йошкар-Олы, от писателя, журналиста и рыболова Николая Красильникова из Москвы, получили очень эмоциональный рассказ от писателя, поэта и историка из Орла Виктора Рассохина. Наконец, целую серию очень разноплановых, мастерски выполненных фотографий по рыболовной тематике прислал нам Роберт Таховиев из Казани. Все это свалилось на наши затуманенные непрерывными редакторскими трудами головы разом, буквально в один

день. И у нас возникло ощущение, что в жизни нашей газеты наступает какой-то но закончился, и начинается что-то принципиально новое.

А раз «этап», значит, надо подводить итоги. Чем я, собственно, и занимаюсь. И делаю я это совсем не из «служебного долга» – из Ваших писем, из телефонных звонков в редакцию у нас постепенно сложился определённый образ, портрет нашего Читателя, и с этим Читателем просто хочется поговорить. Ведь для нас, для редакции наша газета – это, прежде всего, разговор с читателями. Просто мы пользуемся при этом словами и талантом наших авторов. Но иногда хочется позволить себе поговорить и напрямую, без посредников, как бы хороши они ни были.

С самого начала мы ясно понимали, что общее направление работы редакции, как, очевидно, и сама судьба издания зависят от ответа на главный вопрос: кому предназначена эта газета? Понятно что рыболовам. Но рыболовы ведь разные. Есть «профи» и есть «чайники», есть рыболовы городские и сельские, наконец, богатые и бедные. Кого выбрать в качестве основной аудитории? Не сразу, но вопрос этот мы для себя решили, и решение оказалось на удивление простым – «Рыбак рыбака» для тех, кто ЛЮБИТ рыбалку. И не важно, «профи» он или «чайник», богатый или бедный. И преуспевающий бизнесмен из Москвы, который печётся не столько об улове, сколько об утончённости и общей гармонии своей дорогой снасти, и какой-нибудь сельский дедок, которого как раз улов-то больше всего и заботит, а ловит он на бамбуковую трёхколенку, и все снасти помещаются у него в жестянке из-под леденцов довоенного выпуска – их, таких, казалось бы, разных, живущих как будто на разных планетах, их объединяет только одно – любовь к этому занятию, к ужению рыбы. Поэтому наша газета не о рыбалке. Наша газета – о любви. О любви к рыбалке.

Больше полугода прошло с выхода в свет первого (точнее, «нулевого») номера газеты. Всё это время мы как могли старались следовать этому нашему принципу. Насколько нам это удалось? Насколько, вообще, правильным было такое направление газеты?

Раз в неделю, по четвергам мы забираем из нашего почтового ящика накопившуюся за неделю почту. И для нас уже давно четверг – это маленький редакционный праздник. Потому что по Вашим письмам мы видим, что движемся в правильном направлении, что Вы нас понимаете и понимаете, о чём наша газета.

Мы очень старались всё это время. Получилось или нет, судить, конечно, Вам, нашим читателям. Но мы – старались.

*С уважением
Алексей ЦЕССАРСКИЙ
Главный редактор газеты «Рыбак рыбака»
(Москва)*

*Щукарь с р. Сороть –
А.А. Иванов*

Виктор Рассохин

После снегопада

Любимая река

*И.И. Шишкин (1832-1898)
Зимний лес*

В ПРИРОДЕ ИСТИНУ ИЩИ

И.И. Левитан (1860-1900). «Март»

А.К. Саврасов (1830-1897). «Радуга»

Серебряная радость

Зима. Болеть не обязательно.
 Был очень мудрый медсовет.
 Весну нам встретить так желательно –
 Она на год дарует свет.

Пусть огороды силы вытянут,
 Не все привьются деревца,
 Но человек, познавший истину,
 Вам скажет: – ТРУД – через сердца!

Да и весной болеть не надобно,
 Вплоть до зимы, а там – не смей.
 Порой чихнуть, конечно, надо бы,
 Но солнцем лучше овладеть!

Оно рифмуется с морозами,
 И яркий свет даёт луне.
 Чем чаще мыслим мы вопросами –
 Тем легче дышится в стране.

ЛЕСНИК

Живёт – за Полесье в ответе,
 К нему с колыбели привык.
 И все его боги на свете –
 Изба, тишина и родник.

Судьба не жалеет ударов,
 Порой не по правилам бьёт,
 То дымом гудящих пожаров,
 То порохом тайных охот.

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ ЦИКЛА «ТРОПАМИ РОДИНЫ»

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ ЦИКЛА «ТРОПАМИ РОДИНЫ»

ПЕРЕД ПЕРВОЛЁДЬЕМ

У закраин крутой излучи –
Льдинок острые косяки.
Отстреляли хвостами щуки,
Серебристые судаки.

И над речкою оголённой
Ветер – взбалмошный озорник...
Не случайно в воде зелёной
Утонул журавлиный крик.

ПО ДЕКАБРЮ

Мороз вцепился в водоёмы,
Ранимы земли без снегов.
А рыбаки – народ бессонный,
Впотьмах – уже у берегов.

Кто с топором, кто с ледобуром,
А кто пешнёй измерит лёд...
И в царстве инея деревня
Дымком печей зовёт родню.

Мормышки в ход и блесны тоже –
Под Новый Год кратка заря!
И оглянуться не успели –
Под вечер – каждому уха...

ГЛУХОЗИМЬЕ

Метель мела поверх недели,
Вертя барханами снегов.
И хутора, и все деревни
Покрыв сугробами для снов.

Дорог не стало... Конный, пеший –
Как не скакал и не ходил.
И только месяц, вновь рождённый,
Слегка безмолвье осветил.

На дальнем озере, в Копёнках,
Пурга застала рыбаков.
И я бывал на том кострище,
На тракторах тащил улов...

МАРТОВСКИЙ ЛЁД

Робко к озеру лесному
Вышли первые лучи.
Рыбаки по водоёму
Разлетелись, как грачи.

И не грустно соснам хмурым,
Бор услышать норовит,
Как под шнеком ледобура
Лёд искрящийся шуршит.

Мигом сердце затрепещет,
Дрожь почувствуешь в руке,
Как сверкнёт луной подлещик
На мормышечном крючке!

ПОРА КАПЕЛИ

Неожиданно и быстро
Теплота встопила ширь
Среднерусского пространства,
День намного удлинив.

Ручейки, как в годы деда,
Точат землю по пути,
И проталины, и лужи –
Влагой снежною полны.

Не везде кристальны воды,
Муть весны крушит зиму,
Как и раньше, ребятишки
Копошатся на ручью!

Рад бы выйти порыбачить,
Но опасность не даёт.
Вот песчаные карьеры –
К ним ещё найдёшь подход...

ЛЕДОХОД

Подъём высок по меткам мерок,
Зеваки бродят вдоль Оки...
И невдомёк мобильным детям,
Сколь мощен у неё исток.

Кавказа детям не в новинку
Смотреть в бурун лавин...
Приезжим девочкам равнинным
Весной не до стихов...

Сезон бесклёвья и безрыбья
Не так уж, омрачён!
Уже плывут, спеша в верховья,
Большие косяки.

Б Е З Ы М Я Н Н А Я

Лопочет своё, воробью по колено,
Ракиты её не пускают из плена.
Но в эти затоны, под ивовый шелест,
Пудовые щуки заходят на нерест.

В С Т Р Е Ч А Д Н Я

Перед зарёй река тиха,
Темнее под лозинами.
Бесшумно ходят голавли,
На стрежне за плотиною.

Разбита в брызги тишина
Хлопучим всплеском жереха.
И долго мечется луна
От берега до берега.

Б Е С К Л Ё В Ъ Е

Насадка из теста,
Мотыль и пшеница.
Отличное место –
И рыбка резвится!

Проникнешься мыслью
На чудном рассвете:
Как ей ненавистны
И бредни, и сети.

Сачковая милость,
Кружки, перемёты
И прочая хитрость
Подводной охоты.

Круги у изгиба
В излюбленном месте...
Что делать? И рыба
Бывает в протесте!

ПУТИНА!

Байды мчат на двух моторах,
Водомёт – как баксомёт.
Рыбаки ли, браконьеры –
Рыбнадзор не разберёт!

На мели раскинут крючья
На белугу, осетра...
И стерлядка не проскочит,
Коль в Москве заказана!

Быть ей сваренной в шампанском,
Быть расстрелам за икру...
Что же ты, народ привольный,
Харакиришь Волгу всю?!

Цедят Каспий, цедят сильно,
Потрошат который год.
И никак во дни путины
СОБР собраться не может.

А я вижу в стержне русла
Старичонку-осетра...
Он кричит на издыханьи:
– Здесь быть Путину пора!!!

Пусть посмотрит глаз державный,
Пусть приложит перст-закон:
«За убийство осетровых –
Всех «ловцов» – в суровость зон!»

МАТЬ

От судьбы – не в сторонке,
Век в горниле беды:
То идут «похоронки»,
То – повестки в суды.

Сколько лет её плачу?
Зрит сквозь слёзы на мир.
Младший – просит на дачу,
Старший – спился до дыр.

Внучек – клянчит на джинсы,
Внучка – ждёт на кулон.
Словно у мастерицы
За душой – миллион.

Непослушные дети
При запросах больших...
Раньше всех не Планете –
Поседела от них.

ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО

Есть застрельщики ума,
Есть его целители.
Первым – надобна тюрьма,
А вторым – обители.

Чтоб в природный тишине
На Оке, на Жиздре ли
Помогали жить стране,
Побывавшей в выстреле.

ЗАБЫТАЯ КЛАДКА

Спускаюсь вниз за соловьиной трелью,
Чем гуще чаща – тоньше аромат.
В овраге тёмном, за невзрачной елью,
Через ручей жердиночки лежат.

Перескочу, замру от удивленья...
А после вспомню, выйдя в ярость дня,
Что кто-то в соловьиные владенья
Две белых жерди бросил до меня!

ОТКРОВЕНИЕ

Снова кличет рыбалка –
Молодеет душа.
Выходного не жалко
За поклёвку ерша.

С виду – детское дело,
А влечёт всё равно!
И читать надоело,
И футбол, и кино...

Приютишься в сторонке
У кустов лозняка:
Два удилица тонких,
Да в придачу – река.

Спросит шепотом свежесть,
Собираясь в туман,
Что ж рыбёшку я реже
Стал сажать на кукан?

Улыбнусь, как мальчишка,
Озарённой реке:
Я ведь сам, как ершишко,
На житейском крючке.

А сорвусь – так проверю
Омута и броды...
И, как в детстве, поверю
В просветлённость воды!

ТРОПИНКОЙ К ДОМУ

В последних отблесках заката,
Густой кустарник обходя,
Пасутся мирно оленята,
Травую сочною хрустя.

Дрожа ножонками кривыми,
Подпрыгнув к матери легко,
Малыш, в тугое тычась вымя,
Пьёт, задыхаясь, молоко.

А я нечаянно, неожиданно
Страхнул вечернюю росу...
И ветром унесло с поляны
Во белых пятнышках красу.

ПОСЛЕ БУРИ

Всё живое оглохло от грома,
Расплескавшего гнев на жару.
И, как после узлов бурелома,
Настороженно-тихо в бору.

В ноздри бьёт острота аромата,
Но не слышно лесных запевал.
Неужели у певчего брата
Гром и в горлышке связки порвал?!

Зашумит ли сосняк оробелый,
Заиграет ли рыба в прудах...
А пока ястреба, то и дело
Изучают безмолвие дня.

В РОДНЫХ МЕСТАХ

Мне речка детства так понятна.
Нашёл я общий с ней язык.
Кувшинок солнечные пятна,
Где тихо тикает родник.

Зато у стенки камышовой,
Где ряска с тиной сплелась,
Так громко чавкает фунтовый,
Всё презирующий карась.

Да и плотва не тянет леску,
Ни на мели, ни в глубине.
И только тень от перелеска
Темней заметна на волне.

ВОЛШЕБНИК КУИНДЖИ

Откуда этот дивный свет?
Средь облаков – луна живая!
Днепр серебрится столько лет,
Смотреть нельзя, не замирая.

И поколения прошли,
У каждого – лихое бремя.
А краски сердца – как цвели,
Так и цветут, светя сквозь время.

НА ВОЛГЕ

Смолкли нежные речи
Говорливых берёз.
Левитановский вечер
Опустился на Плёс.

В лёгкой дымке тумана
Золотится простор.
Соловьи неустанный
Завели разговор.

Греет душу прохлада,
Луч сверкнул на крестах.
И мне счастья не надо
В заповедных местах.

Ж О Р

Оранжевая полоса заката
Искрится в чистых струях переката.
И поплавок, проплывший до конца,
Идёт ко дну от жадности ельца.

И Ю Л Ь

В лесу – зарезвились дети,
Он полон визга и крика.
Как солнышко на рассвете –
Первая земляника.

Под кустиком, на полянке,
На бугорке, у стёжки,
Кружки в ходу и банки,
Розовые ладошки.

Измазаны соком лица,
Хлопочет школьный народ.
И радость в глазах искрится –
Так бы вот круглый год!

З А Л Е Щ О М

В залив до сизи – недалечко,
Шаги в траве едва слышны.
Едва-едва качает речка
На стрежне жёлтый диск луны.

Сердечко бьётся учащённо,
И, огибая лозняки,
Стремишься выползков морёных
Надеть скорее на крючки.

З Н О Й

Овода посекундно жалят,
От нашествия, хоть кричи.
И отаву чуть-чуть не спалят
Обжигающие лучи.

Разомлевшие от жарыщи
Перекуривают косцы...
Жеребёнок у мамки ищет
Набухающие сосцы.

Л Ю Б И М А Я П Л А Н Е Т А

Луна – в заливе плавает лягушкой,
Луна – в саду антоновкой висит.
Луна – влюблённым светит над опушкой,
Луна – совою в темноту глядит.

Не перечислить яркости сравнений,
Родник таланта, не смолкая, бьёт...
И ни один поэт из поколений
В своих стихах её не обойдёт.

Т У Н Н Е Л Ь

Минуты три мы ехали в скале,
Померкло всё при этом странном виде.
Глаза бессильны были в полной мгле –
На миллиметр отказывались видеть.

А поезд быстро набирал разбег,
Стальные рельсы эхом отвечали.
И в памяти я видел ясно тех,
Кто приближал необжитые дали.

СТАНЦИЯ СЛЮДЯНКА

Осень слишком свежа,
Баргузин наяву,
Просвистев, без ножа
Подсекает листву.

До свиданья, Байкал –
Вольнодумец седой!
Заключённый меж скал,
Окружённый тайгой.

В КРАЮ ПОЭТА

В молчании бор сосновый,
Тиха голубая рань.
Еду к Петру Комарову
В бывшую глухомань.

Стихи его, как дыханье
Озонной морской волны,
Как радостное звучанье
Дальневосточной весны.

Был опалён войною,
Лёгких не знал дорог.
И просекой золотою
В роще Поэзии лёг.

В ПРИМОРЬЕ

Вековые кедры, словно вехи,
Подпирают купол синевы
И роняют поздние орехи
На ладони вянущей листвы.

Вглубь уходят резвые олени,
Паутину нижут на рога.
Значит скоро и тайге осенней
Одеваться в мягкие снега.

ЗАПЕВАЛА

Фронтовику, поэту, рыбаку...

Окинув гостя строгим взглядом,
Сказал мне Коля Старшинов:
– Пойдём... Ваганьковское рядом,
Порой молчанье – выше слов.

Шло солнце летнее к зениту,
И вдруг представилась глазам
Строка по чёрному граниту
С горячей просьбой к соловьям.

Заныло сердце жгучей раной.
Я понял сразу, кто певец:
Ему – Алёша, мне – Фатьянов,
Ходивший с песней на свинец.

И вся шинельная Россия,
И телогреечный наш тыл
У этой песни не впервые
Просили бодрости и сил.

Она и в праздники и в траур
На видном месте за столом...
Зачем так рано выжег травы
Гранит над русским соловьём?

Блестит в лучах надгробный камень,
Застыв огромною слезой,
И песня тужит вместе с нами,
Навек оставшись сиротой.

ЗИМОРОДОК

Удивительная птица,
Замечательный нырок.
Глянесь – в клюве серебрится
Быстро схваченный малёк.

Прямо он летит, не косо,
Чуть касается волны.
И далёко виден с плёса
Свет его голубизны.

С САМОЛЁТА

Байкал, Байкал,
Ты славой не кичись.
Что ты глубок –
Давно известно в мире.
Но вот кричит
Кошунственница-высь:
– Ты только брошка
На груди Сибири!

ДОТ

Меж сосен и елей
На сопке крутой
Он тускло белеет,
Как череп пустой.

Представил я вмиг
Камикадзе-японца
И скорбный тупик
«Восходящего солнца».

НА КУРИЛАХ

Иссеченный штормами непогоды,
Сказал рыбак, золой прикрыв огни:
– Я столько крабов выловил за годы,
Что руки стали – словно две клешни.

ИСКАЖЕНИЕ ВЕЧНОСТИ

В тиши пруда застыла осень,
Горит листва, глядясь в закат.
Деревня дров на зиму просит,
Карпы ушли в коряги спать.

Ворчат на холод старожилы,
Овечки, гуси – солнца ждут.
И пар исходит от кобылы,
Чай после дойки бабы пьют.

Хотелось, чтоб зимой и летом
Улыбка в хатах здесь была!
Но в «Новостях» прошли «декреты»
Бесперспективности села...

ВОДЫ

Вода под камень не течёт,
А обойти его стремится.
И хочет в узенький проход
Струёю хилою пробиться.

А я с другой водой знаком,
Она сначала рушит горы.
И валом бешеным потом –
Шумя, – выходит на просторы.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Глянешь утром – и нету осени,
Только дети, спугнув ворон,
К сельской школе, как зайцы к озими,
Торят тропки со всех сторон.

У КАРТИНЫ В.Д. ПОЛЕНОВА

«ЗАРОСШИЙ ПРУД»

Уединенье золотое
В зелёном царстве дремлет тут.
Но мне не хочется покоя –
Не по душе заросший пруд.

Мне часто видится быстрина
Ревущей вспененной реки,
Где нет убежищ для кувшинок,
Для камыша и осоки.

НЕМОЙ

Шкуры лисьи и волчьи,
Спец по выделке кож.
Радость слушает молча,
Горе горькое – тож.

Ловит рыбу в разливы,
Бьёт гусей в перелёт.
Он в работе – красивый,
Весь в природе живёт.

ВНЕ БИЗНЕСА

Там лунок не было сто лет –
В глубинке деревенской.
Плотиною проходит дед:
– Берёшь карпа железкой?

– Да нет, я окуня ловлю.
И здесь, пожалуй, первый...
– Цапляй! У нас не по рублю,
Хотя вокруг... по евро.

НАВОЗНИК

Красный, маленький, вертлявый,
Вот и ты в строку попал.
Там, где сети не бывали, –
Сколько раз ты выручал!

Не везде клёв одинаков,
Помни, сырость полюбя,
Сабанеев и Аксаков
Тоже славили тебя.

ЖУРАВЛИ

Летят, почти касаясь сосен,
Гляжу им вслед, как никогда:
Мою очередную осень
Они уносят навсегда.

И в жёлтом вихре листопада,
При дружной высыпке опят,
Душа взволнованная рада –
В апреле птицы прилетят!

МОНОЛОГ ХЛЕБОРОБА

– Чернозём полюбил гербициды.
Как карпёнок – болтушку-манку.
Авиацию шлют нам в помощь
Удобрители наизнанку.

Потравили проклятой химией
Перепёлку и голавля.
Не летит с привычною силою
Выручательница-пчела.

Говорили им: – Не спешите вы,
Меру знает свою земля!
Совесь с правдою мало мучили
Мир учёных и власть Кремля...

БАТОН

Есть «Подмосковный» и «Горчичный»,
С изюмом, с маком и простой.
И все мы по привычке личной
Берём к столу себе – любой.

Но вот беда и незадача,
Цена растёт, как снежный ком.
Душа кричит, а нету плача:
Глаза – пред новым ярлыком.

Ох, до чего народ двужильный!
То хлеб – горой, то – ничего.
Введите в торг батон «Стабильный»,
Но цены – снизьте на него.

ВЕЛИКОПРОДАЖНОСТЬ

Катит лес далеко за границу,
Рыбка с крабом плывут за кордон.
На том свете – преступные лица
Не раскроют дебильство времён.

А живые – с Гавайев – на нары!
В дары моря включился игрок.
Неужели уйдёт под фанфары
Богатейший Дальний Восток?

Ф И Н А Н С О В О Е М О Р Е

Его на карте мира нет.
Но есть любители купанья,
Кто формирует свой бюджет
За счёт народного страданья.

Ныряйте в нём хоть голышом,
Обвесьтесь золотом, драгоценями,
Но бить по нищему грошом –
Страшнее, чем навлечь цунами.

У К О Р Н Я П Р Е Д К О В

Солнце вверх – сошла прохлада,
Вышел к пасеке дедок.
Дух такой стоит от сада –
Пчёлы – по три на цветок.

К роднику ведёт тропинка,
Где водица холодна.
Внучки красная косынка
В тёмной зелени видна.

Сын приехал ненадолго –
Жить не может без родни.
Его бежевая «Волга»
Под берёзами в тени.

На плотине щербенистой
Бродит с удочкой внучок.
Золотой карась матёрый
Озарил его садок.

Дед и бабка очень рады –
Засветились от гостей.
Даже высшие награды
Не согреют так людей.

В ГЛУБИНКЕ

На скошенных лугах,
Увядших до весны,
Осевшие стога
Душисты и тучны.

Густеет молоко
Лоснящихся коров.
Покров недалеко,
У хат – колодцы дров.

ПУСТОШЬ

В репьях – щеглов хлопочет стайка,
Без окон дом и без стропил.
Краснеет яблоня-китайка
За тех, кто корень позабыл.

ПИСЬМО ПО ВОДЕ

Танго листопада за плотиной,
Осень под Орлом, как никогда.
– Доплывёт ли к Туле лист кленовый,
Примут весть на Волге города?

Кружатся в фарватере листочки,
Поплавок, я вижу, не нырнёт.
– Щуки, судаки, куда исчезли?
Ищите глубинность светлых вод?

Межсезонье, как круговороты,
Здесь, вдали от рельсов и дорог,
Мог удить случайно – Сабанеев,
Чехов, проезжавший в Таганрог...

Танго листопада – озаренье,
Листья то к волне, то к облакам.
– Ты неси, Ока, моё письмишко:
Улыбнись рыбалка – рыбакам!

Т А И Н С Т В О

Кембрик, блёсны, сторожочки,
И мормышек арсенал,
«Козы», «черти» и отцепы,
Глубомер, пешня, пенал.

Ножки к удочке – усилить!
Хлыстик – срочно заменить!
Подточить ножи для бура!
О катушке не забыть!

Бисер, ножницы, наждачка,
Разболтался чемодан.
На флажках – «устала» леска,
Надо кольца на кукан.

– Сын, не помнишь,
Где багорик?
– Вместе с щукой утопил...
– Завтра едем мы в «Охотник»,
А то лёд с тобой проспим!

П Р И Г Л А Ш А Ю !

Осенний лес богат дарами.
Зайди, почувствуешь без слов,
Как пахнет мёдом и грибами,
Настоем вянущих плодов.

Стоит целебная прохлада,
Душа от бодрости поёт.
И санатория не надо
Тому, кто день здесь проведёт.

З А С Е Н Т Я Б Р И Л О

Вот и клёны с утра прозябли.
Дачи на зиму заперты.
Свежий ветер свистит, как зяблик,
У рябиновой красноты.

На желтеющем окском пляже
Гомон августовский умолк....
Белоснежную пенной пряжей
Волны выровняли песок.

Осветив полукруг излуки,
Солнце скрылось за край Земли.
И оставили чьи-то руки
Лодку старую на мели.

Гуси в сумерках прокричали,
И за тучей пропала нить...
Я природу люблю в печали,
Только сам не люблю грустить.

ГРЯДУТ ХОЛОДА

Озёра тоскуют по уткам,
Душа не лежит к ноябрю.
Им просто становится жутко,
Едва лишь проводят зарю.

Знобит от звёздного света
И мучает рябь по утрам...
А утки в Атлантике где-то,
Как будто их Родина там.

МОЛЧУН

Харитоныч не держит скотину,
Кубаришки ему по нутру.
Как бобёр, подрезает лозину –
И на местный базар поутру.

У него караси и плотвица,
Не в сезон, а почти круглый год.
Он и раков привозит в столицу –
Их столица охотно берёт.

Пострадал он в момент перегиба,
Был в те годы остёр на язык.
Не случайно, что нем он, как рыба,
За протест угодил на рудник.

Вроде с властью по-своему квиты,
Но сельчане порой намекнут:
– В нём такие слова-динамиты,
Что китайскую стену сметут.

БАБКА

Не знает слово «экология»,
Живёт на хуторе одна.
Спроси, она – как антология –
Всё было в ней – колхоз, война.

И немец рыбу бил гранатами
Что речка извергу? Чужой!
Теперь загажена фанатами,
Водой ценилась ключевой.

За сетью – сеть, затоны илисты.
Кто полюбил легчайший труд?
Одно твердит: – Они – антихристы!
Живое травят, где живут.

НА ОХОТЕ

Уже влилась в ракиты позолота,
Торит русак тропинки к зеленым.
И окрик уток с дальнего болота
Охотников волнует по утрам.

Промашка – пусть! Я слабо бью по цели.
Себя ругаю мысленно и ...вот –
Закрякали в испуге, засвистели
Пернатые хозяева болот.

И не беда, что нет в ягдташе дичи!
Устав, сажусь у сломанной ольхи,
Чтоб записать в блокнот второй добычей
Наполненные радостью стихи.

ПО ЧЕРНОТРОПУ

Юрию Михайловичу Выходову

Как бы искрит стерня сухая
Под быстрым натиском собак.
Боками пашню освещая,
С межи срывается русак.

Седой, двенадцатифунтовый,
Он сразу взял наискосок.
Ему б теперь в полуверстовый,
Осиной пахнувший лесок.

Слепому страху зверь послушен,
Какая в беге быстрота!
И страх вытягивает уши
Почти до самого хвоста.

Я вслед пронзительной атаке
Беру навскидку дробовик,
Но возвращаются собаки,
Устало высунув язык...

Петляет заяц по чащобе,
Моё ружьё зачехлено.
Пройти клыки и осыпь дробы
Ещё не каждому дано.

Живи и радуйся, матёрый,
И в лунь, и в темь топчи снега:
Твои – озимые просторы,
Твои – окрестные стога!

Б Е З Д О Ж Д Я

Мрачны лесистые просторы,
И даже их взяла тоска:
Растут повсюду мухоморы –
Ни одного боровика.

Р А З Р Ы Л И П Л О Т И Н У . . .

«Ловцы» не пили – жрали водку
И «кока-колу», и вино!
Здесь был карась со сковородку,
Теперь – почти сухое дно.

Торчат бутылки в сером иле,
Пруд стал воронкой бомбовой.
А дома скажут: – Мы ловили!
И будут грабить пруд другой.

Я С Т Р Е Б

Я выстрелил. Тяжёлый, словно камень,
Он на стерню ершистую упал.
И даже мёртвый острыми когтями
Растерзанного голубя держал.

И вот теперь, когда вхожу в музеи
Москвы, Владивостока ли, Орла,
Я вижу, как загадочно сереют
В застывшей хищной позе чучела.

Мне кажется, что он всё так же хваток,
Что он для птиц – извечная гроза.
Даже такой, когда набит он ватой
И у него стеклянные глаза.

З Я Б К О

Так рано изморозь легла,
Трава в игольчатой насечке.
Туман последнего тепла
Подзаволок пруды и речки.
Ещё синее синева,
Ещё отчётливее звуки.
Лениво плещется плотва,
В куге не слышно всплеска щуки.
Волна к волне идёт волна,
Досадно уткам одиноким.
И узкий месяц, как блесна,
Висит над омутом глубоким.

Л И С А

Эх, поспешил! Испортил дело.
Осыпал дробью косогор.
Лиса,
 как вихрь огня, влетела
И озарила тёмный бор.

Теперь ищи в зелёных ёлках –
Здесь чёрта легче повстречать...
Как будто ведала плутовка,
Чьи плечи
Будет украшать.

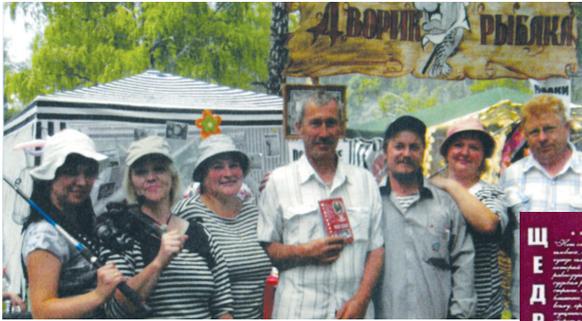
П Р И М Е Т А

Заметил издавна народ,
Запечатлел в стихе и песне:
Берёзу – молния не бьёт,
Страдает в грозы – чернолесье.

НА ПРАЗДНИКЕ «БЕРЁЗКИ»

Вверху – гармонь, внизу – река.
От солнца светятся молодки.
Зовут нас в «Домик рыбака»
Не на уху – на стопку водки.

Отличны с рыбой пироги,
Ну, как поступишь здесь иначе?
Слова им были дорогí
За кулинарные удачи.

Книга «Щедринарий» – подарок за мастерство.

Премудрых пескарей показал великий сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин.

Книга посвящена его юбилею и проблемам современности...

В ЧАСЫ ОТДЫХА

*Владимиру Ивановичу Стебакову
и Николаю Михайловичу Ушакову*

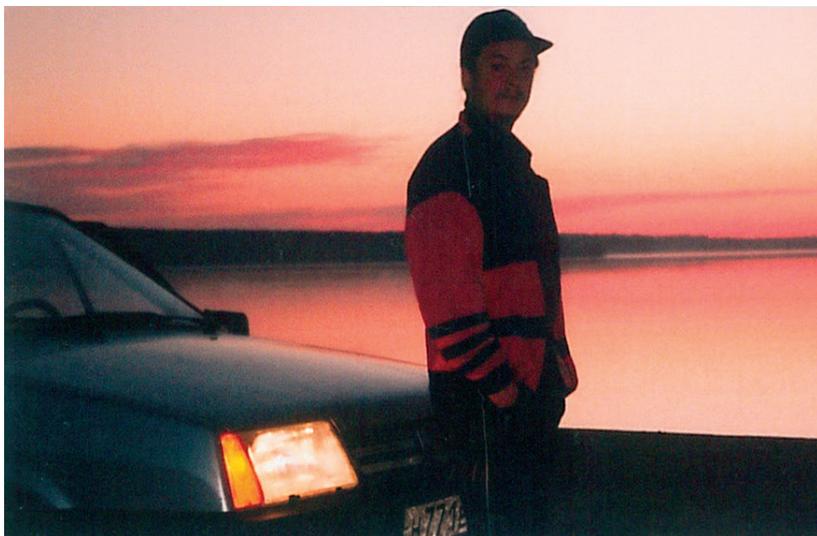
Известна им суровость бытия,
Немало на полях пришлось погнуться.
Верны земле надёжные друзья.
При свете солнца – как не улыбнуться?!

РАССОХИН СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

РАССВЕТ ЗОВЁТ!

(Проза, публицистика, материалы конференции в честь 20-летия заповедника «Орловское Полесье», стихи по проблемам экологии, спортивно-любительского рыболовства и браконьерства на прудах, озёрах, реках Орловской области и ЦФО РФ)

ОВЕЧЕНКА

Быль

ОВЕЧЕНКА

Быль

Многонациональный наш народ мудр, независимо от перипетий и, мягко говоря, «казусов», олицетворяющих его доблесть и унижения, сопутствующие ходу времени.

С величайшим трудом добираясь до деревеньки, выведенной в заголовок, я не сразу додумался, что он характеризует самобытность селения, поставлявшего овец государству...

Заброшенная до антинародного вандализма реформ, она насчитывала не более 20–30 дворов, и раскинулась на взгорье затопленного водой оврага, доходившего до посёлка Лозниковец. Магазины здесь, отродясь, не было. Клуб, почта, правление располагались в 15-ти километрах на центральной усадьбе Щебенистый Тупик. Подъезд к деревушке осуществлялся веками на лошадях, позже – на тракторах и вездеходах. В дождливые годы они так неописуемо коверкали и уродовали грунтовку, что было страшно по ней идти – некоторые «колеюшки» доходили до глубины сверх колена. Справа, и слева от просёлка, изрытого, вдобавок, миллиардами овечьих и коровьих (как и лошадиных) копыт, находились два обширных поля, постоянно вспахиваемых под зиму. Ходить и ездить по мёрзлым отвалам плуга было нереально, но, если смельчак со стороны осиливал пытку

ног, то его поджидало ещё одно препятствие. За полем, тянувшимся на три километра, бежал по дну балки Запутанная изворотноливо-шумный, глубокий безымянный ручей. Не зная местонахождения кладок, путник был обречён искать переправу – единственный в округе деревянный мост...

Все живущие в этом природном схроне с малолетства горбачили на тысячную государственную отару, получая взамен трудогалочку, а позднее – одну овцу в год по празднику на собственный выбор. Баллонный газ и свет пришли в глухомань последними в районе, и крестьяне, перейдя из красиво-кудрявых в лысых, беззубых и сгорбившихся, уповали, который век, на собственноручно выращенную животину, овощи с огорода да на рыбку из двухкилометрового Овеченского пруда.

Водоём был узок, но глубок у плотины – до пяти метров. За двадцать с лишним лет в нём расплодились окуни, плотва, уклея, карась двух видов, карп, толстолобик. Редко, больше в сети весной, попадалась крупная щука, запущенная, как говорили, местным поваром.

Очень долгое время богатейший пруд, с которого всем дворам хватало прокормиться, оставался в полном неведении для заезжих рыболовов из-за затяжного, тьмутараканьего, грунтового подъезда к нему. Расстояние от асфальта до первых дворов измерялось минимум десятью километрами. На самом подъезде, когда до водоёма оставалось около восьмисот метров, нужно было преодолеть изрытые тракторами балки, тяжёлый подъём под 30°, и в конце – шатковатый бревенчатый мост. Для совдеповских машин, кроме «Козла» и «Нивы» галопирование в российском «Кэмел Трофи» было невозможным, и те, кто рискнул сюда сунуться по лету и стуже, запомнили Овеченку по оторванным глушителям, погнутым рычагам подвески, помятым поддонам двигателя и его защите. Да и ульяновские и тольяттинские «джипы»

частенько здесь садились на мосты, редко – кувыркались, стояли брошенными в грязи неделями, а то и с месяц. Так гордая, неподдающаяся «обкатке» Овеченка прославилась на округу сродни пословице «Прибыл – не значит убыл»...

Мы обычно парковались у местного фермера, большого труженика, вовремя ушедшего из колхоза, руководство которого умертвило доходное овцеводство. Ему-то, начальству проспиртованному, ветеранам КПСС, к чему, что крестьянство без рублёвой доли оставили? Кинули хозяйство, иносказательно обвинив в горе народном «фашистскую демократию». Часть из наворованных средств, а также финансы от заниженных торгов «партийцы» подкинули на строительство районного рынка, двух магазинов с персоналом из своих семей, открыли заготбагенство «Кормилец–колосок». Крутанулись, значит, в законе, и что больно – продолжали унижать крестьянство, облапошивая его представителей на приёме продукции. Жизнь прожил, но чтобы люди были не рады урожаю – никогда, нигде, ни от кого не слышал. Тут бы и Гоголь впросак бы попал: «Причём здесь дураки и дороги???»

...От фермера до пруда рукой подать – пятьсот метров и на плотине. Он единственный имел крепкую технику: К-700, два ДТ-75, «Беларусь», «Ниву» и ГАЗ-66. Постоянно следил за дорогой, для чего «секретными» путями где-то выкупил таёжно-армейский гусеничный болотоход Горьковского автозавода. Сам навесил на него скребок, превратив тягач в грейдер – мало ли кто из своих к родне надумает, и так-то в город, то в райцентр воевать с чинушами надобно.

Из пяти рыбалок, независимо от погоды, Овеченка ни разу не подводила нас с клёвом. Запомнился навсегда февральский морозный день, когда с рассвета на узкую жёлтую блесну вдоль бровки ямы у плотины брал крупнящий окунь от 400 граммов до килограмма... Были сходы, досад-

ные обрывы. Как-то в марте на четырёх метрах проклюнули крупные караси и карпёнок в дни долгой оттепели. Перед каждой встречей с Овеченкой душа всегда трепетала в предвкушении чего-то необычного, непредсказуемого и сказочного. Трепетала оттого, что в наших краях ещё сохранились столь непорочные, великолепные места, способные озолотить круговорот суетного быта...

* * *

Прошло три года. В близлежащее крупное село, известное по связям с РСДРП, проложили бетонную дорогу. Возродили хозяйство, командировали руководство за границу «обменяться опытом» с лидерами тамошних аграрно-животноводческих производств. Людям подарили автобус, но дорога ни на метр не приблизила жителей Овеченки к цивилизованному укладу жизни. Газ обошёл деревню стороной, автолавка сюда не приезжала. Покинул Родину фермер, подведённый под банкротство пенсионерами, захватившими власть на расколе страны.

По рассказам, заезжал сюда столичный гость – крепкий фирмач по мясу Мойша Рабинович. Пожил с неделю, общался с человеком, и смылся – работать-то некому. Подъезд адский, овчарники разграбленные на подворье, восстанавливать хлопотно и дорого. Детки местные давно сбежали от матерей и отцов, не желая идти по пути великомучения ежедневья годами. Избранные наезжают к родным по престольным праздникам за мясом, медком, овощами и рыбой. А чаще, что очень прискорбно, они едут в свои хатины по вызову сельчан – из-за потери исстрадавшихся при коммунизме предков...

Многие из этой деревушки и соседнего хутора Лозняковец дошли до верхов власти, промышленности, армии, флота, медицины и журналистики. Писателей, музыкантов и певцов,

спортсменов и президентов, «поставленных на пользу общества» не было, а вот урок после развала державы вышло круто. Мало кто вернулся от малолетки до вышки...

Вчера я побывал в умирающей деревушке, экс-кормилице округи и государства. Решился проехать годами непаханными полями до снегопадов, причаститься к перволёдью. Полдня с соседом и давним другом Олегом мы искали стоянки, но получили в ответ полное безмолвие, словно мормышки, блёсны и мотыль опускались в огромную ванну. Насторожило отсутствие лунок-прорубей. В это время – закон: кто-нибудь из местных обязательно выходил порыбачить.

Скрипя сердце, засветло, стали сворачиваться на прудик в Мудрецово. Пока паковались, на лёд осторожно вышел местный. До него было с полкилометра, но, судя по направлению его движения к нам, мы решили подождать и расспросить его о судьбе пруда, уровень которого упал метра на четыре.

Подошедшему мужичку было под пятьдесят, а выглядел он на все восемьдесят. Небритый, почерневший, в лёгком пальто хрущёвских времён, он с удовольствием принял у меня остаток пачки «Явы», обнажив, видно, обмороженные, скрюченные руки. Бросилось в глаза отсутствие на них ногтей, шрамы на лице и яркие, я бы сказал, редко яркие голубые глаза. Ходок, назвавшийся Москвой, хрипло откашлялся после первой затяжки, поплевал под валенок, посетовал на судьбину, перемешав воедино царей, вождей и энкавэдистов. Очевидно, его что-то годами давило, а сейчас при виде внимательно слушающих посторонних рвалось из него наружу. Возможно, он ждал этой минуты, мечтая хотя бы раз вызвать к себе сострадание человека другой, не местной среды.

– Москвою меня зовут за побег из столицы, – громко сморкнувшись, начал он. – Работал механиком в гаражах Моссовета. «ЗиСы, Волги, Чайки, Форды и Паккарды» – сами знаете, обслужить, не баранку крутить. Влюбился я тогда, молодой

баран, в сочную, знойную москвичку, вылитая Рита Хейуорт. Та-то актриса Голливуда, а моя – театральный критик. В газеты дни и ночи строчила, мать её так...

И, если б рога мне с кем наставила, может и простил бы её. А то ж, змеюка, числилась во внештатных агентэссах КГБ. Обслуживала, сучка, иностранцев по отелям, точняк после театральных ухаживаний. Друг один, Лаврушку с Самим катал, спасибо, шепнул, что живу с гадиной. Ну, мне терять нечего! Я её, в уматину пьяный, взял и монтировкой пристукнул... Потом – пятнадцать лет с товарищами и господами пайку делил...

Мы молчали, не смея его прервать – у Москвы, думай как хочешь, откровения редки. С ходу закурив вторую сигарету, собеседник продолжил, будто прочитав наши мысли.

– Рыбы здесь – год как капут, ату рыбёшка, пропала. Карась в вентерь не прячется, плотину размыло. По паводку не углядим, – сливай масло, сорвёт и малька не станет...

Сдали нашу Овеченку варварам на поругание. Как пить дать, сгубили. Больше десяти кило карпа прошлый год взял. А у него нутро икряное в августе – сажа.

Нам-то что: мы и с рыбой дошли здесь зимами, как мухи. А вы – дуйте домой, совет вам. Кумекайте, как языком не по делу болтать, про богатые угодыя сволочам рассказывать и подъезды тварям указывать.

Прощевайте!

Кивнув и не подав руки, Москва засеменял к своей берлоге, но ветер успел донести до нас его последнюю бормоташую фразу:

«Сдали, гады, Родину. Сдали до Сталина, в бытность свойских баранов, лошадей и овец»...

*Декабрь 2002 г., г. Орёл – Потерянный район,
«Путевые заметки».*

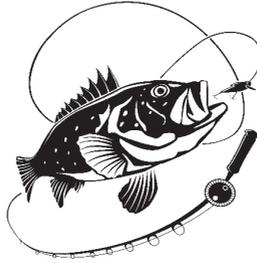

ГОРЬКАЯ ОБИДА

Быль

ГОРЬКАЯ ОБИДА

Быль

*Ищем виновных в ошибках своих,
Жаждем идти впереди!
Но не выходит никак превзойти
Хамов на этом пути...*

«Всё у нас через «б ы л о», 1989 г.

Карп, карпий, золотой поросёнок, карпушенька – каких только эпитетов не удосужился речной и прудовый красавец и богатырь!!! Нет рыбы более хитрой, привередливой и сильной, чем король наших водоёмов родом из Китая. Профессиональный карпятник-рыболов нынче настолько редок, как и фоторепродукция известной картины авторства Василия Григорьевича Перова. Многолетний опыт поимки наиболее матёрых особей говорит о том, что Карповое Эльдorado обуславливается старостью, захламлённостью и удалённым благополучием водоёмов, до которых не добираются браконьеры, слабовольные немощные любители и рыбоохрана...

Карп растёт быстро в естественных условиях при богатой кормовой базе, обширном зеркале рек, озёр, прудов, пойм и их удалённости. Он не брезгует животным и растительным кормом по сезону, успешно прикармливается и приручается злаковыми, там, где бедна ихтиофауна. Рыба извечно тепло-

любива, поэтому пик клёва приходится на преднерестовый и послеикромётный периоды – май–июль–август. С первым похолоданием воды карп отходит от берегов на зимовальные ямы, а за неимением их – зарывается в иловый грунт. В зимний сезон попадает большей частью случайно. Однако, в дни затяжных оттепелей и с началом хода весенних ручьёв, рыбакам, посещающим карповые водоёмы, следует задуматься о крепкости леси и крючков...

Человек давно заметил быстрый прирост и вкусовые достоинства карпа и сазана: их успешно разводят в рыбхозах и рыбопитомниках от Испании до Ангары. Имеется богатый опыт воспроизводства как головных представителей вида, так и подвидов (например, на юге России часто попадаются особи, полученные от смешения икры карпа с икрой золотого или серебряного карася). Не все хозяйки знают, что рыба из категории пресноводных имеет промысловое значение, что есть сёла и деревни, выживающие благодаря не только подворью, но и карповодству. Несёт она радость и огорчение любителям, столкнувшимся с нею внезапно...

Сейчас, спустя годы, часто вспоминаю карпиное улово, где расплодилось его так много, что и в недавние, более порядочные по природопониманию времена не стоило называть имени зеркала даже друзьям, ибо родня друзей подчищала рыбку совместно с друзьями друзей довольно оперативно. Пруд – очень маленький, умеренно глубокий, питался множеством родников. Заросший старыми раkitами и кустарником, совершенно невидимый с подхода, он располагался в стороне от населённых пунктов, а овражистая местность вокруг обеспечивала его понятием «неподъездный». Подъёмы были здесь столь круты, что и на подкованной лошадке после ливня не всегда выпрешь, и будешь сидеть в яме до тех пор, пока не поможет Солнце...

В течение нескольких лет, видя икромет карпа, его игры и кормёжку на зорях, днём и ночью, я не мог подобрать насадку, способную спровоцировать рыбу на частый и уверенный поклёв. Карп прижился здесь крепко и вырос, выражаясь по Леониду Павловичу Сабанееву, от фунта – до пуда. Не случалось такого, чтобы он намертво не клевал, однако попадался крайне редко – не больше пяти-шести разновесных штук вперемежку с белым и красным карасём.

Местные поговаривали, что пруд барский, что кушали из него дворяне, красные и немцы, рассказывали как оккупанты «ловили» гранатами. Я и сам нашёл как-то на берегу смятую временем гильзу от рейховского карабина и скелет «рыбки» под 20 кг. Давно это было!

Однажды, в нестерпимо жаркую раннюю весну без дождей, счастье улыбнулось мне неожиданным, стремительным клёвом на горох, но его, как назло, оказалось ничтожно мало. Удалось выдернуть с помощью терпения и подсачека с десятков карпушек от 800 граммов до 3 килограммов. Приехал на следующий день специально – что ни заброс, как в ванну. Ни на червя, ни на хлеб, перловку, геркулесовые шары, ни на горох и кукурузу карп не брал, как будто бы вымер...

Позже – урезали людям поездки на всех видах общественного транспорта как за честные, так и за ворованные деньги. Рыбацкая память влекла меня к нетронутой идиллии захламлённого коряжником водоёма, до которого местный и приезжий ленился таскать сети, кубари, а тем более верховые снасти и закидушки. Полностью оснащённый на рыбалку с ночёвкой, я подошёл к устью впадающего в пруд ручья примерно через два года и обмер от непонимания произошедшего...

Прямо передо мною зияла чёрная чаша голого обезвоженного ила, утыканного «штaketником» из разновозраст-

ных коряг. Потрескавшееся дно богатейшего пруда разрезал, едва смачивая частичку бывшего русла, уменьшившийся в напоре родничок со струёю в воробьиный скок.

На высохших кромках зеркала, осев паутиной и комками, воняла умершая водная растительность и протухшая рыба мелочь, попадались наикрупнейшая карпиная чешуя, мотки оборванных лесок и ржавые банки прошлых времён. Ближе к центру водоёма сверхъестественным образом «рос» бамбук – кем-то упущенное в былом из-за карпа удилище. По дну, местами, едва проклюнулись свежие камыши, осока, рдест и другие болотные растения, навсегда захватывающие в плен трясины...

Одиноко и коротко крякнул коростель. Замолкли, словно поголовно сдохли, предвестницы дождя – лягушки. Он – неприятный морозящий дождик, сопровождал меня по всей длине восьми километров, которые я, промокнув, уныло отшагивал, чуть не плача на пути к станции.

Совершенно случайно в поездке один знакомый рыбачок передал мне интересную газетку с заметкой о «Рыбном Указе» нового барина. Экс-партиец и главидеолог области, вникая в положение народных дел от бани до панихиды, предпринял попытку воскресить невозможное...

*Июль 2003 г., Орёл – Мармыжи,
«По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).*

НА «ДВОРЯНКЕ»

Маленькое наблюдение

НА ДВОРЯНКЕ

Маленькое наблюдение

Литературный конкурс «Лебединая песня», объявленный прошлой зимой, собрал под своей эгидой разнопишущих авторов в начале мая.

Прибывшие на орликовские высоты были в основном пенсионерами, среди которых затесалось немало молодёжи, ищущей в жизни её безболезненно-поэтической красочности.

При внимательном разборе творчества данного содружества расхристанным бородачом из Москвы и юной чернявой кобылицей из МГУ, выяснилось предназначение провинциальной литературы. Широко представленный при социализме старец, позабывший в каком году последний раз печатал строку, отметил заикленность произведений на природо-ведении, себялюбстве, эротизме любви и на частом рифмовании слова «Россия» в сочетании с понятием «Бог».

Сопоставление творений вкупе с новинками фиктивного издательства, лихо печатавшего детские пассажи на чужом типографском станке, вызвало оживлённую дискуссию, приправленную счастьем публикации в только что презентированном колборнике. В шуме бахвальств и споров, среди гама цитат, под дымок сигарет, запашок шашлыков и цоканье бокалов, каждый был рад выносу своей гениальности из пыльного стола, квартиры, дачи или избы. Все забыли, что издали книжицу на свои кровные сбережения, как и

о том, как пыжились ночами в ожидании вдохновения для прославления заповедников...

Лесть, сюсюканье, жеманство, пантомимная хитрость, раннее и устаревшее кокетство лились быстрее внешних вод, комкая неуловимые мгновения в складень потусторонних чувств. Вокруг столичных гостей возник нездоровый ажиотаж, в целях сближения через автографы и презенты для дальнейшего рецензирования и редакции выдутых из пальца проектов. В круговороте легкохмельной эйфории, в фаворе витийства утопических высокогонорарных идей, в ауре бестолковой афористичности и версификационного виршебаловства сквозила великосветская эрудированность потомков крестьянства, пролетариата, выходцев из семей партноменклатуры и правоохранительных органов.

Красноречиво озвучивая высшие сферы миропонимания, связь времён, знание языков и историю литпроцесса вплоть до амурных шалостей своих кумиров, эстафетки письменных дел потеряли корневую суть жизни в России – её уроженцы испокон шли вперёд через горе...

Опробирование пера сквозь призму наследственных воспоминаний и КПД собственного интеллекта малюющих индивидуумов бесчувственно обошло пейзажами – войны, смуты, лихолетья, трагедии и унижения, страдания, тяжесть доли и режущую боль народов как при Романовых, так и в СССР-РФ. В их бумажных потугах, работающих на тщеславии, а то и шутовстве («вдруг примут в Союз писателей на стипендию?!») пропали: Гражданская война и раскулачивание, вандализм над религиями, заложники эмиграции, «враги народа», общенациональные трения и повстанчество, глумление над истинной интеллигенцией. У бессердечных авторов не осталось места для анализа предательства соотечественников, оккупации, для показа быта крестьян, вахты рабочих, не найдёшь партизан, разведок,

освоения Заполярья и историю техники. Перетрудившиеся выпускники вузов и академий позабыли о ГУЛАГе, подъёме страны из руин и пепла после Великой Отечественной. Для них неинтересны или закрыты темы целины, градостроительства, космонавтики, неперспективны по у. е. всесоюзные пути-судьбы близкой и далёкой родни...

Лиза Калитина – о, чудо! Полина Виардо – полубогиня в Европе! Анна Керн – ах, Вселенская Муза! Бахтины и убивец горских народов Ермолов – вот это да! Мария Артемьева – планетарное благородство, а про Конрада – ни слова...

Замечу, что была ещё Спиридонова, был Яков Алкснис, жили и работали во славу Отечества – Булгаковы, Поликарповы, Амфитеатровы, Гнеушевы, Писаревы!!!

МНОГО ЧЕГО БЫЛО! И что же? Взоры и помыслы как бы литературных чирикальщиков обращены в чересчур заезженные бархатные скрижали. Кинув в века деревенский корень, у них не хватает мужества сделать фоторепортаж о настоящей, а не буклетной Орловщине! Даже в фокусе будущего их работы лубочны и слабы. Несмотря на знание ЭВМ, мозг человеческий может не быть одарённым или талантливym, если в художнике не будет развито чувство чуткости к восприятию чужой боли...

...Утром старуха в штопанной-перештопанной одежке времён Брежнева убирала место пикника литературного праздника добрых два часа. Я третье утро сидел на берегу Орлика с двумя удилищами, безнадежно вглядываясь в нешелохнувшиеся с рассвета поплавки. Проходя мимо, бабка поразила фразой:

– Кушать любят, мусорят. Ходят за получкою столько лет, а улицу имени губернатора Салтыкова через «О» пишут. Гнать надо шутничков под искусство. По-культурному заставить работать...

Апрель 2004 г., Орёл – Дворянское гнездо, «По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).

БЕЗ ЦЕНЗУРЫ

Есть звери в Полесье,
а лавки писателей нету.
Коттедж дорогой,
что сон ужаснётся в рублях.
Но всё же на Троицу –
утречком кланятся лету,
Летят земляки –
В «Мерседесах», «Рено», «Жигулях».
Хмелеет сосняк
от дурмана шашлычного дыма,
От плясок «крестьянских»
рябит в помутневших глазах.
Взглянул бы Тургенев,
проехал бы в Спасское мимо
И слуг госкультуры
за «празднество» б высек в строках.
Приехали люди,
что с пляшущих взыщешь?
Они, может, камень
снимают с уставшей души.
Пусть многих волнует
магический запах кострища,
Но книги писателей рождались и в этой глуши...

НЕПЛАКУЧАЯ ИВА

Быль

НЕПЛАКУЧАЯ ИВА

Быль

Никто из живущих не знал и не догадывался, как и откуда на берегу старинного барского пруда произросла красавица-ива. Вымахав во внеохватный диаметр, своею жизнью она постоянно выручала местных крестьян и заезжих гостей, дополняя полустепной ландшафт лелеющим взор пейзажем.

Она была нужна рыбакам тенью и побегами для плетения кубарей, спасала от слабого дождя, создавала уют бивуака одиноким путникам, беглым каторжанам и оружейным «пасечникам» недалёкого тракта вседержавного значения. По её замысловатому, необычайно разветвлённому стволу обожали лазать дети, ибо высота над окружающей окрестностью воодушевляла и пугала их одновременно, напоминая судьбу взорванной церкви и колокольни. Да и взрослые, в купальный сезон, привязав к ветвям вожжи, с удовольствием и радостью плюхались в глубины у плотины, раскачавшись над нею, как в юности...

Взметнувшаяся в былом крона, тянувшаяся к теплу солнца на стадии роста, теперь грустно склонилась сиротою к воде, на сильных ветрах обмывая в ней свежие кончики стеблей. Ранней и жаркой весною иву облюбовывал майский жук. Зорями и закатами с высоты плотинной насыпи, усеянной природным бутовым камнем, при соблюдении

осторожности можно было видеть и слышать огромных карпов, с вознёю и хлопом подбиравших насекомых в дни активности перед икромётом. Рыбы хватало на всех; здесь никто не лукавил и не тянул быт браконьерским промыслом, потому что впитал: вредить самому себе – не по-человечьи по смыслу существования...

Вечерами, когда утихали ветры и убаюкивалась волна, к полосе осоки, растущей береговой кромкой у подножия ивы, выходили с глубин радужные лини, серебряные и почти фунтовые золотые караси с красноватым отливом из-за обеспеченной кормом зрелости. Иногда выпадали жорные дни, и тогда – они с аппетитом хватали грамотно подобранные насадки при хорошо подготовленной сбалансированной снасти. Осенью в истоке пруда ежегодно отдыхали на перелёте дикие лебеди, утки, гуси, уморившиеся в своём извечном подвиге преодолеть горизонт. В ближайшем заливе, на воде или на берегу, в одном и том же месте хранилась общая, прекрасно просмолённая плоскодонка с вёслами, без всяких цепей и замков. Любой желающей мог взять её покататься с друзьями или порыбачить, с условием, что вернёт на место в целостности и сохранности.

Когда-то здесь ежедневно будоражила души и ноги гармонь. В овраге за плотиною, по обе стороны кристального ручья паслись коровы, бычки, овцы и лошади, не познавшие ножей и котелков ради идеологий и революций. Здесь влюблялись, выпивали и дрались, клялись в верности, балагурили и правдолюбствовали, случалось – предавали.

Могучее старое дерево, затерянное в глуши всесезонного постоянства пространства, покрывавшего своею чашей людскую судьбинушку во всех её ипостасях, стало одухотворённым предметом, живым существом с особым, еле осязаемым магнетизмом. Под ним высыпались, бузили, лечились, передавали сказания, мифы и легенды прошлого,

анализировали настоящее и мечтали о будущем. Тут бывали коневоды в ночном, играл свадьбу основатель-барин, по слухам, из-за поломки ступицы колеса гостевали посланник императора и неизвестный поэт. Его ломали на рыбацкие рогульки, а отжившие ветви сушняка незамедлительно отправлялись в костёр, жар которого обогревал и готовил шашлыки, дичь, уху, полевые супы и каши для дворянства и пролетариата. Никто не додумался располагать кострище у корневища, от того, что понимал: когда-нибудь в этих местах будут резвиться, ухажориться и не злобно хулиганить и его дети, внуки и правнуки...

Ива превратилась в свидетеля разговоров о войне, смутах и беззакониях власти, как своей, так и закордонной. Она могла сокрыть собою непорочное зачатие мальчика или девочки, а если бы смогла говорить, открыла бы миру вандализм гражданской бойни, интервенции, коллективизации, ужас Великой Отечественной, эвакуации, плена, тайны ограблений и распятия христианства, воспоминания репрессированных...

На пороге нового тысячелетия, вдоволь напившуюся сентябрьскими ливнями, её расколола надвое мощнейшая молния. Часть ивушки упала в мелеющий заросший пруд и вскоре затонула. Другая – год-другой словно взывала остовом к небесам и власти, допустившим всеохватное умертвление деревень, сёл и хуторков.

Осмысливая ляпсус времён, я сидел у печи одинокого и безмедального ветерана, слушая, как шипя, отдают последнее добро поленья не всплакнувшей на своём веку ивы, с думою о том, почему же с её уходом пропала рыба...

*Июнь 2004 г., г. Орёл – Бывшая Деревня,
«По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).*

НОВОПОСЕЛЕНЬЕ

Ах, высокие эти заборы,
Возле белых ухоженных дач!
К вам направлены взгляды и взоры,
Вас не видит лишь тот, кто незряч.

Вас обходят тропинкою новой,
Здесь овчарок холёных не счесть.
Как иголки на ветке сосновой,
Так на них поднимается шерсть.

Грибники не живут без улыбки,
Мигом шутку подбросят в уют:
– Исправляем годами ошибки,
А заборы – Отечество жмут!

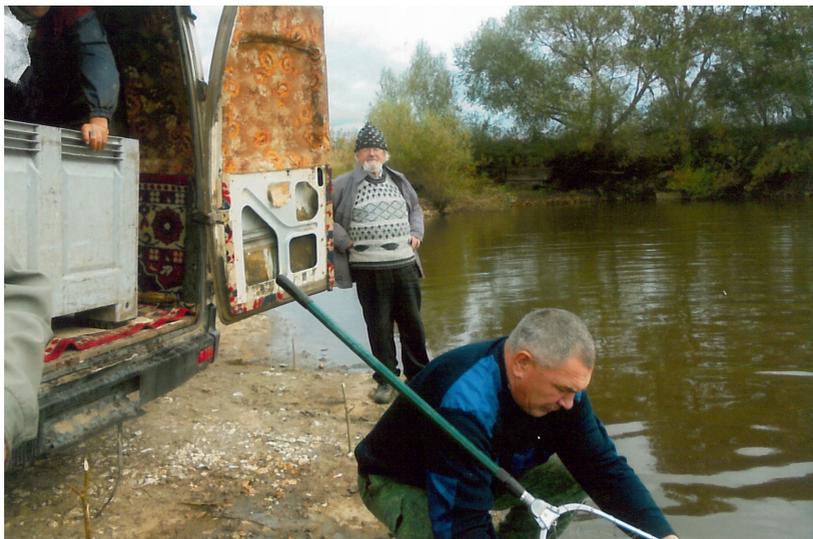
«ЕРШИНКА»

Как нам в круговороте дней
Понять себя, врагов, друзей???
Чтоб через Совесть и Природу
Острее чувствовать Свободу!

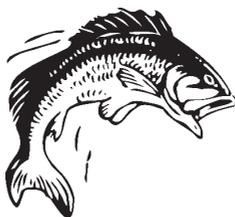

В ТЕЧЕНИИ ЖИЗНИ

Быль

В ТЕЧЕНИИ ЖИЗНИ

Быль

Сто, а может и больше раз, я проезжал мимо этого пруда в километре, не зная и не догадываясь о его существовании. На том же расстоянии ниже протекала глубокая небольшая река, в которой, больше весной, ловилась приличная щука на живца. К осени она скатывалась вниз по течению на зимовальные ямы более обширного и полноводного низовья, и тоже жадно брала пескарей и карасиков. Попадались, но редко – крупный окунь до полкило и средний (до килограмма) судак.

В одну из поездок клёва не было вовсе, если не считать одной щучьей хватки, принёсшей мне досадный сход и зажёванно-смятого пескаря. Огорчился – на то она и рыбалка! Никогда не знаешь точно, где и как повезёт. Недаром родилась поговорка: «Рыба клюёт вчера и завтра – там, где нас нет»...

Сматываюсь и иду к машине. Навстречу, из яблоневого бывшего колхозного сада, спускаются с горы деревенские ребятишки. Они идут по тропке к старому, теперь пешему деревянному мосту, чтобы попасть в Заречье. У двоих из них – простецкие орешины с толстой жилкой и по связке разных по весу карасей и карпят. Любопытствую: «Как, где, на что?» Ребята охотно рассказывают, объясняя ближний подъезд к пруду, и на что ловится. Черви у меня есть. Хлеб-

ный мякиш – отщипну от пайка. Так я узнал об этом безымянном и, как оказалось, великолепном прудишке в стороне от дорог, деревни и горе-рыбаков...

Немного поблудив по петляющей грунтовке со множеством развилок, приехал и удачно вышел на чью-то постоянно посещаемую сижу. Карась проявил себя с первого заброса, правда сошёл, у берега, уткнувшись в стену подводных зарослей. Дальше – больше: неожиданный обрыв поводка 0,18 убедил меня перейти на другую снасть с основной леской 0,3 миллиметра. Оборвал, вероятно, карп или крупный карась. Пацаны предупреждали: «Мало, но есть!»

Они, очевидно, не удержались и вскоре пришли опять, расположившись рядом со мною. С ними стало веселей, но тесновато и слишком шумно. Собрав «телескоп», поинтересовался у них историей пруда – она явилась весьма увлекательной...

Овраг глубиною до пяти метров запрудили в год основания колхоза за десять лет до войны, чисто для хозяйственных нужд: искупаться, постираться, отдохнуть, напоить деревенское стадо. О рыбе и речи не было. Однако тракторист Фёдор Гаврюшкин, по своей инициативе завёз пару сотен карпят из какого-то курского рыбхоза, ближнего к Заречью. Он же со своими сыновьями иногда ходил с бреднем по речке. Его ребята, сами или по наказу, притащили с неё карасей, оказавшихся в этих местах из-за срыва пруда в верховье, а заодно и окуней, плотву, раков, пескарей и гольцов. Приток воды шёл без ручьев, а по сезону, благодаря таянью снегов, дождям и сильным ключам и сейчас бьющим ближе к середине...

Ежегодно Фёдор Гаврюшкин находил время укреплять понемногу плотину глиной – камня поблизости отродясь не бывало. Посадил ракиты по всему пруду – почти все прижились и вымахали так, что пруд был не виден ни на подходе,

ни на подъезде. Прижилась и вся рыба, кроме леща. Он не выдержал морозной и крепкой зимы и весь задохнулся...

– Жив ли дедушка Федя? – спросил я у ватаги, таскающей салухов-пескарей и гольцов одного за другим. Откликнулся самый старший:

– Да что вы, дядя! Давно уже нет. Вон, в ста метрах за бугром, лежит на кладбище вместе с сыновьями и бабушкой Таней...

Уезжая, сходил поклониться земляку. Холмик и крест – в бурьяне.

– Великое спасибо тебе за всё, Фёдор Иванович Гаврюшкин! – сказал я ему, рассыпая пичугам пшёнку, взятую для прикормки рыб...

– Жалко, нет фотографии... Тут у меня леденцы и «Прима» остались. Не обессудь, добрый труженик. Спасибо, что думал о будущем! И стар и млад на твой пруд хаживают. Прощай...

Сентябрь 2004 г.,

*г. Орёл – Тросна – Кромской район – Орёл,
«По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).*

ОТЦОВСКИЙ ЗАВЕТ

– Вырос ты, сынок, на Гимне,
На стерлядке с колбасой.
Лучше плугом помоги мне,
Флаг Отчизны – батя твой.

И не спорь в кругу гадливых,
Так не любящих царей...
В мире есть ещё солдаты,
Что не подняты с полей!

МИХАИЛУ ПРИШВИНУ

Я думаю о Ваших дневниках,
Тяжёлая досталась им судьбина.
Полвека – мысли жили в тайниках,
Сокрытые от зоркого Грузина.

Как страшно зреть – двойную жизнь в стране,
Когда в мерзлоты – адская дорога,
Где радио вещает на волне,
Что пахарь и рабочий выше Бога...

РОДНОЙ - ЧУЖОЙ

Хуторская быль

РОДНОЙ - ЧУЖОЙ

Хуторская быль

Узкая на весенний разлив низина, питаемая круглый год ледяными ключами, из-за которых в реке не приживался карась, кратко отбагровев, попала под восхождение луны. Её студёно-фосфорические блики гуляли по чёрной поверхности речушки, переходя, в зависимости от ракурса наблюдателя, в прибрежные лужи от копытец гоняемого здесь маломерного стада. Тревожным криком и шелестом крыльев напомнила о себе долговзая цапля, веерком подкрыльевых сквозняков шустро скрылась в сумеречном перелёте стая диких массивных уток.

В безветрии зябко тянуло на первый мороз, и его дыхание уже развернулось по логу, стремясь утвердить последние стебли отходящих трав и растений. Придворные собаки, почуяв безрадостно-полуголодную зиму, берегли мускулы и голоса, изредка-натужевато перебрёхиваясь с такой же псарней противоположного берега, сокрытого в облаке холодного росистого тумана.

С высокого глинистого бугра, падая в месиво созданного «Кировцем» бездорожья, крича матерные частушки, спускается блудный сын девяностолетней бабки Татьяны. Кирюхе под пятьдесят, он привычно галдит-бобылит, зная, что в Хитрецах без него не выживут, ибо на хуторе один он – м у ж и к.

Чертыхаясь на чём свет стоит на затопленную ливнями яму, в которую он, по склизлости, окунулся сверх брюха, баламут рвал глотку в диком репертуаре, соответствующем прожитым годам. Жизнь его сложилась запоем не потому что был Кирка зол или генно-алкоголичен. Отца убили вслед мясному обороту на базаре. Старший брат – как служил в Кронштадте, так траля Балтику, на mine и подорвался. Сестра Ангелина руки на себя наложила – гадёныш фашистский сильничал не девку – жену капитана НКВД...

Остался Кирюха крайним с передовой дояркой-вдовушкой, с матушкой Татьяной Михайловной. Первое время скакал вперёд – чай жеребчик. Как обморозился, тут и гоп-компания: «Одной мало – три и десять возьмём!» Кирьян по натуре-то добрый, не злобливый. А запил – всё; какова погань усадьбы (тут не до престольных), такова единица в ней...

В какой уж из тысяч раз мытарился он к дому три километра. Мать не ожидала его – время перециферблатилось ближе к утру.

Он поднял гам и вой, обивая противособачьим хлыстом фасад и задворки, прося пустить переночевать, ибо холод был его страхом, мукой ступни и обильными нервными соплями. Шаромыжничая вдоль штакетника, Кирюха неистово барабанил по всему, что звучит, горланя в надрыв про «союз нерушимый», хреновый оплот...

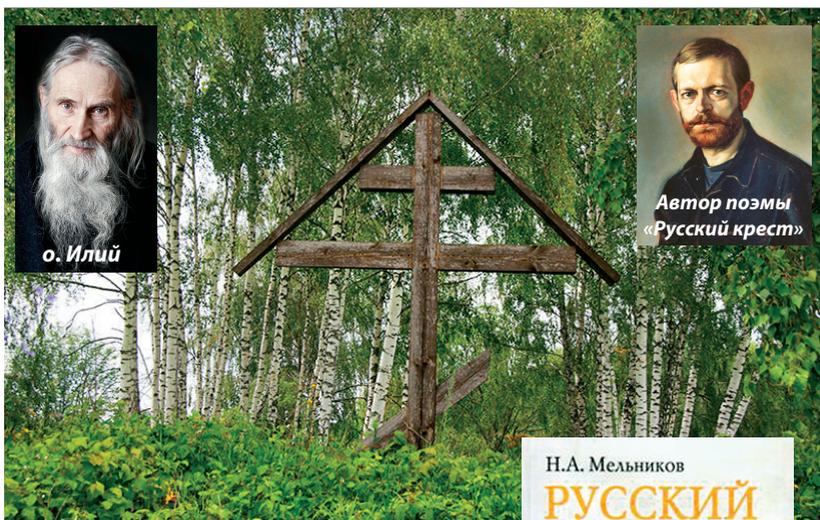
Михайловна крепко спала по крестьянскому возрасту, ведь дожила-то она до своих заслуженных лет только благодаря круглогодичной согбенности трудодня. Долго поднималась, соображая, кто есть в ночи на хуторе, укутывалась в бывалую шаль и любимую истёршуюся телогрейку.

– Кирьян, ты что удумал? Матери хлопот задаёшь! Аль сызнова, грешник, упился?! – ворчала она, с трудом влезая в заиндивевшие галоши.

– Открывай, порешу! Не жилец я, и терять среди хлама вашего мне, вашу мать... нечего! Отвори засов, не май месяц!

...В который раз мать принимала нерадивого сына – взрослого мужика и заматеревшего лодыря, чтобы спустя какие-то дни отмучиться в этом мире чужих-родных, живущих так-сяк между луною и солнцем...

*Сентябрь 2004 г., г. Орёл – Козельский район
Калужской области, «По ухабам Отечества»
(«Путевые заметки»).*

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ

Сундук с железными углами,
В седой фольге иконостас,
И внучками, и дочерями –
Всё разобралось в скорбный час.

Переделили ложки, чашки,
В шкатулке – древние гроши.
Церковным книжкам под обложки
Совали острые ножи.

Шукали деньги, как малину,
И алчность так была остра,
Что даже старую перину
Распотрошили до пера.

В родном доме столь пуха вилось,
Он снегопад напоминал.
А мать за них всю жизнь молилась,
Чтоб дьявол их не искушал...

ПО ЗАЗИМКУ

ПО ЗАЗИМКУ

Вот и пришла трепетная для рыбаков пора – ожидание перволёдя, времени, когда излюбленные и проверенные места способны необычайно порадовать своих первых посетителей.

На днях, ничего не зная о массовом падении метеоритов, рискнул я порыбачить с живцом на близлежащих с Орлом водоёмах. Прошедшая ночь была морозной, но чистое небо по ходу ловли малявок подъёмником, обнадеживало верой в удачу...

Не так уж и много щучьих угодий вокруг областного центра: Куликовка, Домнино, Андриабуж, Карпово, Мезенка, омута по Орлику и Оке. Кое-где встречается хищница (больше по ямам и руслам) во всех реках Окско-Волжского водораздела, в запрудах на ручьях, ранее свободно несущих воды к Днепру, Дону и Каспию. Какая в них водилась щука, нынче можно выразить разве что стихами:

*Лопочет своё, воробью по колено.
Ракиты ручей не пускают из плена.
Но в эти излучки под ивовый шелест
Пудовые щуки заходят на нерест...*

И всё ж таки местами подробневшая королева пресноводья неплохо прижилась в силу многовековой приспособляемости к худшим условиям выживания. Плодится себе

потихоньку в непроходимых крепях прудов, в удалённых отрезках малых рек и верховьях их притоков. Мечется, бедная, стараясь уплыть от сетевиков и электроудочников, следуя инстинкту сохранения потомства...

Итак, обеспечив себя дюжиной пескариков, тремя карасями и десятком верховок, прибываю на Куликовку. Первый сюрприз – вода сброшена на полтора метра. Хорошо ещё, что пруд с двумя длинными рукавами с рождения был глубоким – полноводная вертикаль доходила до четырёх метров. Ловля облегчена, поскольку нет коряг, однако по большой воде мешают подводные, довольно высокие травы у берега. Сможешь её перекинуть и чётко, без зацепов, провести мелкую блесну в окнах – жарёнка или уха обеспечены!

У меня в арсенале два жёстких советских «телескопа» с безынерционными «Дельфинами». Чёрные поплавки с ярко-красным наконечником – от местных умельцев, огружены пол-«оливкой». Крючки одинарные – № 6, 7, с длинным цевьём. Поводки не ставлю принципиально, ибо с ними повсеместно клюёт много хуже. Лучше привязывать крючок с запасом лесы (10–15 см), чтобы затем обмотать её вдвое. Редко когда щуки перекусывали утолщённую жилку 0,35...

За ночь застыли лужи. У кромки берега, метра на три вперёд – первый ледок, припорошённый вторым в этом ноябре снегом. Седая трава только весной вернёт себе полноценные соки и цвет. Неслышно птиц. Не видно всплесков – студёная вода и заморозки ведут своё извечное дело, не спрашиваясь ни с кем. На противоположном берегу стремительно мечется белая ласка или горностайчик. И что он там ищет?

Десять забросов слева у плотины – как в ванну. Столько же при передислокации к центру и глубине – та же упорно немая картина. Пригревавшее солнце заволокло

низкими, застопорившимися тучами. Внезапно низом поднялся цепкий северный ветер, тут же поднявший волну прямо на меня.

В правом углу плотины, у водосброса, замечаю россыпь мальков. Раз за разом она повторяется и я спешно перехожу туда. Заброс, приводнение, и... нет поплавка! Леска рывком устремилась наискось к руслу. Чисто машинально секу – первый карандаш с полкило, как награда за терпение, осторожно пущен в садок...

Потом началось щучье сумасшествие: видимо, волна сгоняла сюда малька. При дожде с мокрым снегом надёргал я на своих живцов четырнадцать совершенно одинаковых щук, вплоть до окончания насадки.

Метеоритов в пути по ночной дороге увидеть не довелось. Зато предзимнее заливное из свежих щурят – смею заверить, редко подают в ресторанах!

А утром шёл ежегодно красивый снег, сменившийся к ночи дождём и грязью месива асфальтовых и грунтовых дорог...

Где же ты, долгожданное перволёдье???

Ноябрь 2004 г., г. Орёл – д. Куликовка

ЛЖЕРЫБАКИ И ЛЖЕРЫБАЧКИ

Хвалят осетра и жереха,
После «Путинки» – сеть.
Рыба ходит под берегом:
В нерест – надо успеть.

Водразбойники ушлые,
На два уха – звонки.
Током, вольтом прощупают
Весь фарватер реки.

На «блатных» понадеются,
Перехвачен исток.
Мать-Природа не делится –
Рвёт и трал, и мешок.

Пусть сановники «тощие»,
Запивая икру,
С водоёмами мощными
Не вступают в игру!

СЕКРЕТНОЕ ОЗЕРО

СЕКРЕТНОЕ ОЗЕРО

Водоём вошёл в жизнь людей лет двадцать, а то и тридцать назад, когда обильной на воду весной затопило брошенные песчаные разработки. Вошли в этот бездонный карьер все виды пресноводных рыб, за исключением стерляди и налима...

По странному стечению обстоятельств и благодаря своей удалённости от хороших дорог и электричек, озеро оказалось неуважаемым рыбаками. Глубины до 20 метров, «скачущая» береговая линия, обрывистые берега отменно скрывали рыбу и водоём от посторонних глаз, одновременно отпугивая сложностью ловли любителей мелких вод по льду и открытой воде...

Я попал сюда чисто случайно – пешком. Удил на реке плотвицу и клинков с ладошку, а когда переходил на противоположной берег, повстречался с местным, возвращавшимся из города. Он и подсказал, как пройти к озеру, и что в нём водится...

Удивило полное – до тоскливости – отсутствие растительности на берегу и в заливах: песок, кругом песок, бело-пепельный песок...

Бросаю поплавочную на навозника – в трёх метрах от берега глубина под... пять метров! Перехожу левее – ещё глубже... Сворачиваю снасть, и ради интереса перехожу на спиннинг, предварительно утяжелив «трофимовскую» фабричной «оливкой».

Рыбёшка в озере есть, и неплохая – видел крупных уклеек, горбик подлещика и хлёсткий всплеск ближе к центру – похоже на голавля или язя...

Хищник – окунь, щука, судак, жерех – пока не активничал. Меняю блесну через двести метров «полоскания». «Атом» изумительно играет в прозрачной воде, даже при падении и слабейшей проводке. Медленно, шаг за шагом, заброс за забросом, продвигаюсь к небольшому заливику, через который, видимо, и хлынула сюда давняя вешняя вода.

Молчание упорно продолжается – ни гона, ни сопровождения, ни перестука, зато без зацепов...

Необычно крупное солнце склонилось к закату, играя бликами по воде точно передо мной. И без того слабый юго-западный ветерок стих, за подветренными обрывами образовывался вечерний штиль. По центру озера заметил дюжину совершенно спокойных диких кряковых уток, покачивавшихся на слабой волне. Где-то в розово-фиолетовой вышине беспокоил округу устаревший винтовой самолёт, но искать его – где он? – как не хотелось...

Красота, безлюдье, элементы первозданности и первооткрывательства грели душу и взор. Не верилось, что где-то люди убивают друг друга, делят земли и границы, погибают в автокатастрофах, от землетрясений и цунами. Ужасно не хотелось завтра заново погружаться в суету сует, ходить на информационном и рублёвом «поводке», да и просто работать...

Я шёл навстречу закату, как бы догоняя его, и даже в насмешку пару раз кинул «в солнце» блесной. Хищник по-прежнему осторожничал, всячески игнорируя вмешательство в его свободную глубоководную жизнь.

Заменяя блесну в последний раз в преддверии сумерек, я совершенно не представлял, что выручит узенькая сербристо-чёрная самоделка, проваливавшаяся вне уловов в пенале несколько лет. На третьем или четвёртом забросе

последовал удар на падении колебалки, ориентировочно вполводы. Пять забросов в то же место, и типично бульдожья хватка судака заставила трепетать мою снасть и сердце...

Вываживаю – красавец, килограмма на полтора, норовисто «жмётся» ко дну, но на финале сдаётся, сверкнув фосфорическим глазом...

Ещё два заброса – и его побратим оперативно пущен в садок. Клёв на расстоянии 15–20 метров продолжался до самой темноты. В процессе уженья в последующие приезды я понял секретность озера – на полпути приманки при забросе на 30–35 метров находился порог, вокруг которого были свалы, превышающие три метра...

Судак охотился на подводной мели, не выходя в прибрежную акваторию. С тех пор в течение многолетних встреч с обитателями Секретного озера, я не уставал поражаться привязанности хищных рыб именно к этому, сокрытому толщей воды порогу. Жерлицы и кружки «срабатывали» больше всего здесь, а если в какие-то дни разных сезонов поклёвок не было, то в этом же месте всегда брал на блесну и силияву такой окунь, которого вряд ли кто ловил в нашей не ахти рыбной области...

Февраль 2005 г., г. Орёл – Озеро Икс

ПРОСНИСЬ, ИВАН!

Живут в стране такие люди,
Как на земле обетованной:
Им всё подносится на блюде –
От банка до любви экранной.

Включите радио, в пример,
С утра – аптеко-чушь городят!
Нет в их акцентах буквы «Р»,
Как будто нет её в Природе.

Очнись, Иван, водяру брось,
Ведь за спиной твоей – ПОБЕДА!
И, как бы тяжко не жилось,
Исправь диктанты логопеда.

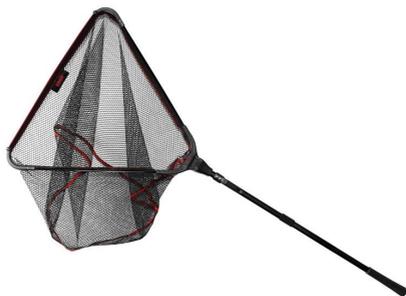

СУДЬБА КОРМИЛЬЦА

Быль

СУДЬБА КОРМИЛЬЦА

Быль

Бывший бригадир совхоза «Большевик» Максим Житиков не дотянул до своего 85-летия всего-то три дня. Остановилось сердце земледельца, гремевшего трудом на всю округу...

Отовсюду – со всей страны – съехалась многочисленная разновозрастная родня, проводить Максима Григорьевича в последний путь в этом мире. Почти два километра несли труженика на руках в берёзовую рощу. И не умолкали на устах прибывших воспоминания о славном и тяжёлом, о добром и подлом, о товариществе и предательстве, воспоминания народа о самом себе. Они – устные вехи истории – озвучивались на девять и сорок дней, ночью и днём, до них и после них, а письменные ложились в скупые строки писем и телеграмм...

...Едва он сделал первые шаги, попали Житиковы под раскулачивание с высылкой и конфискацией. Перебивались кое-чем от природы, с хлеба на квас, да и то не вволю. Там, на зауральских поселениях, мать со старшей сестрой покинули мир из-за тифа. Дед запил – горькая его и сгубила. Отца с верёвки снимали, убивался по супруге летом и зимою – без разницы. Потом образумился. На тракториста выучился, пристрастился к походам с ружьишком по свободным дням. Схоронил односельчанина-друга, в одном эскадроне ещё при

Его Величестве воевали. Пуля обошла, а лесиною задавило по первым декабрьским морозам. Проводили – помянули, а Григория след простыл. Пошёл домой напрямки через речку ночью. Долго не рассказывали дядьки Максимкины, что старший Житиков с кладки сорвался. Ему скоро «Фордзона» получать надо было. Не сложилось. Отправили его, пацана, с оказией обратно, к родной тётке на малую родину...

Рос Максимушка не по годам сметливым, не хулиганистым и не злобным. В кого и по чьим стопам пошёл – сам не знал. Любил лапту, собак, кошек и лошадей, особенно – порыбачить. Бывало, на удочку – ни хрена, в кубари – тоже, а он – часами шастает до озноба руками, под корнями деревьев в замоинах. Попадались голавли и подъязки с крупной плотвою, а однажды налима скользущего с фунт ухватил. На огородах тёткам помогал, за грибами-ягодами сходить – никогда не отказывался. Помаленьку сам читать научился и по пальцам считать. Повзрослел – стали ему доверять овец, коров, телят и лошадей попасти, кобылку посмирней запрячь, бурёнку подоить.

Не успел Максим первый свой сенокос по-взрослому отмахать, свалилось горюшко адское – в о й н а. В аккурат к красным ноябрьским немчура заняла большинство райцентров, сёл и деревень области.

Мотопехота и конные – те и до хуторов дошли. Лошади – «Гут!», свиньи – «Гут!». Только и слышишь: «Матка, мильх, яйки, руссиш ферштеен, шнелль-шнелль!». Всё отобрали, гады, через этот чёртов «ГУТ». Где страхом и силою, где по доносам «врагов коммунизма». Вымучили, сукины дети, почти что каждую семью...

Максимкину хату – ту и вовсе одну из первых сожгли, «за дружбу с пролетариями-евреями». Кто такие евреи, пацан не знал. Зато посреди ночи увёл последнюю живность селян к линии фронта.

Страху натерпелся – не опишешь. Раз остановил патруль на мотоциклах, близ развилки у леса, перед бродом. Старший немец, вертлявый, словно выдержанный навозник, немного русский знал. Пристал крепче репья: «Кинд! Гут скатина, чия? Партизанен унд камисар?! Гавари, кинд, – не унимался офицер, щупая отворот кобуры.

– Староста наш приказал к господину бургомистру в райцентр. Там, наверно, их всех убьют. Мужиков в селе нет, лицаев и комендатуры тоже. Вот мне и поручили, как старшему, сопровождать.

– Самий старий кинд? Далжно аусвайс ауф гут скатина! Так чия? Найн хазяин – кушать Вермахт. Ферштеен?!

Через годы Максим Григорьевич рассказывал детям и внукам, как спас его красноезвездный самолёт. Неожиданно вынырнув из-за леса, он сбросил бомбу и пошёл на второй заход, вынудив немцев сматываться. Коровы и лошади, тем временем, испугавшись рёва самолёта и взрыва бомбы, быстро перешли брод и вошли в посадку на другом берегу. Максим отлежался в прибрежном тростнике, но немцы больше не вернулись. На следующее утро вышел к своим. Наши подарили ему плащ-палатку, сапёрную лопатку и пилотку. Позже, по фотографиям, Максим Григорьевич опознал самолёт – то был легендарный штурмовик «Ил-2»...

Кончилась война, а у юноши пустой подвал – вот и всё богатство. Тётку угнали в Рейх – она уже не вернётся. Поплакал на авошнике втихаря, решил самураев бить. Пытался обмануть военкомат, чтобы уйти добровольцем – не удалось. Перевернул он своей сапёрной огород под зиму, перенёс брошенную немцами «буржуйку» в ещё крепкий сарай, заготовил дровишек и рыбы.

Рыба спасла его по всем направлениям. Он ел её сам и менял на молоко, масло и скудный хлеб, на «тошнотики» и даже на гвозди. Бабы жалели сироту, кой-чего собрали

из одежки вдовы солдатские. Так и перекапывали зиму с ранней весной – он помогал сельчанам, они – ему: где улыбкой и добрым словом, где нужной вещью и совместным трудом.

С Всеобщей Победой не пришло освобождения от мук. Сверх половины мужиков не вернулось из Великой Сечи за свою и чужую землю. Не вернулась призывная молодёжь. Лишь двоим угнанным девочкам удалось выжить в концлагере, да и то одна из них вскоре удавилась. Максим уехал в город. Работал грузчиком на железнодорожном вокзале, а после смены посещал вечернюю школу для рабочих. Увлёкся историей и техникой, и здесь же – в вечерней школе – повстречался со своею суженой, тоже сироткой, Машей, потерявшей семью при бомбардировке эшелона в ходе эвакуации...

Достоинство отслужив сигнальщиком на Балтике, Максим вернулся в родные края, узнав, что восстанавливается колхоз и строится дорога. Прошёл путь конюха, кладовщика, механизатора-водителя, заместителя агронома и бригадира. Трёх сыновей подарила ему Мария. Все пошли по отцовской линии – служить кормилице-земле. За высокие показатели в урожаях, надоях и привесах не раз премировался бригадир и его соратники. Выдавались путёвки на Кавказ и в Крым...

Как понесло страну бездумно перестраиваться, так Григорич стал сердечком хворать, а после путча в Москве вообще слёг. Эмоционально-взрывной темпераментом, человек сложной судьбы, он не принимал ни коммунистов, ни демократию, ибо понимал систему любой власти – доить разум и силы людские любой ценой. Он помнил горе раскулачивания. Сам в слезах пилил свой сад, сокращал животину на подворье и посеы на усадьбе. Человек без высшего образования мог утрясти прямой простецкой мудростью чиновника и академика, профессионала-агрария и зарубежного гостя

от промышленности. Он лично писал письма двум президентам о недопустимости купли-продажи земли, разработал проект жизнедеятельности села, чтобы молодёжь не бежала в город и не чтילה заграничное выше отечественного.

Видя, что словесами и документами не пробить стены экс-партийных «буржуев», Максим Григорьевич основал фермерское хозяйство вместе с сыновьями. Очистил и запрудил старый пруд. Завёл карпов, уток, кроликов, гусей и пчёл – на себя с семьёй и на продажу. Выкупили старый «ГАЗон» и «Беларусь». Привели в порядок плуг, борону, сеялку, бочку из-под кваса под рыбу. Держали лошадь и, памятуя отца и деда, охотничьих собак. Планировали прикупить подержанный «УАЗик», но с обесцениванием рубля всё рухнуло в пропасть...

Немым укором смотрит почивший Герой Труда Максим Житиков на чужие вспаханные и прокультивированные дали, перешедшие на 25 лет немцам с правом продолжения договора об аренде. В окружении ушедших от разных житейских причин односельчан, среди ягод и грибов, под покровом молодых и стареющих берёз, круговоротят сознание дух и мощь наших предков, разрубающих пространство вопросом: «КАК ВЫ МОГЛИ, КАК?!»

*Июль 2005 г., г. Орёл – п. Тросна – г. Киев – г. Харьков,
«По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).*

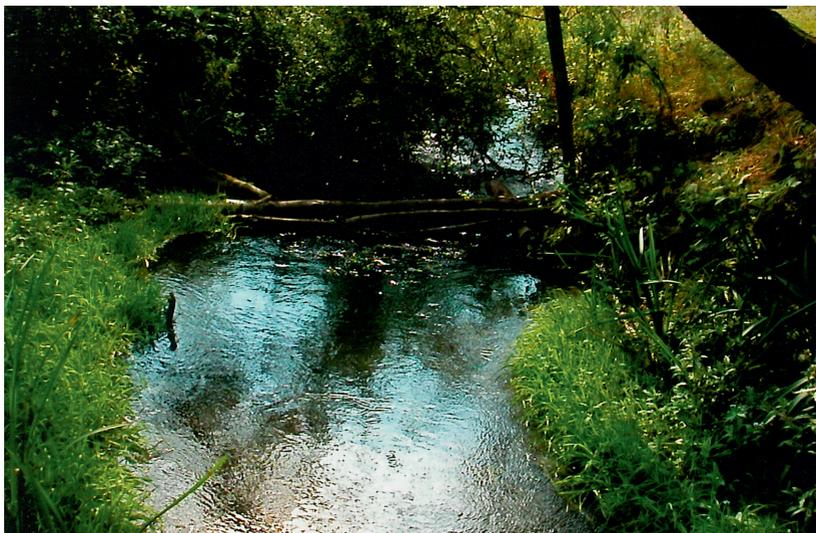
ДЕДУШКА

– Родня? Родня, увы, чужая,
Её примял комфорт и шик.
Она на праздник приезжает,
Чтоб здесь принять за воротник.

Скажу вам правду, я не брежу,
Надеюсь, все меня поймут:
Как поросёнка я зарежу,
Поспеют гуси – тут как тут.

Везут ко мне сынков и дочек,
На иномарках «барчуки».
Лопаты, тямки не заточат,
Не принесут ведро воды.

Просил угля, пилу и вентерь,
На колорадского яды...
А получил хамло под старость,
Родни, писатели, родни.

В ДВУХ ШАГАХ ОТ ФАЗЕНДЫ

У тружеников Комаровых

*Благодарим Сергея Викторовича Зарубина
и Валентину Николаевну Шевлякову
за дороги в Троицком поселении*

В ДВУХ ШАГАХ ОТ ФАЗЕНДЫ

Поздним вечером, заготовив навозников, я пораньше лёг спать, чтобы с утра двинуть на исследование небольшой речушки, впадающей в приток Оки – Оптуху.

Будильник почему-то не сработал. Предвкушая сурпризы предстоящего похода в отрывках сна, я наслаждался звенящей тишиной дачи, ворочаясь с бока на бок. Окончательно разбудила меня соседская кошка Дурёнка, постоянно оперирующая мышей на моём чердаке. Наверно, в темноте она увлеклась погоней и повалила банки, хранящиеся на потолке. Хорошо, хоть не разбила...

Зарождающееся утро обдало волной свежей прохлады, обволокло разум и обоняние сонмом неопишуемых ароматов цветущих растений и трав. Глядя с высоты порога на вековые ракиты, ещё спящие в шали плотно-мучнистого тумана, слыша, как старичок-сосед отбивает спозаранку косу, я пребывал в состоянии какой-то глубокой умиротворённости и спокойствия, в состоянии человека, способного осознать счастье самого себя, наконец-то вырвавшегося из цинично-загазованного города...

Наскоро перекусив, я бодро зашагал навстречу не такой уж и мелкой речке – местами она классически водоворотила в омутах до полутора метров. Здесь, в непролазных крепях лозняка, хмеля, репейника, колючек и конского щавеля, среди «хаток» и «ямок» от здоровущих бобров, по памяти и опыту моему, водились и даже зимо-

вали капитальные голавли, клинки, плотва. Изредка попадались – подуст, язь, подлещик, крупный окунь и разная щука. Про пескарей, гольцов, вьюнов и говорить нечего – чтобы наловить на жарёнку, достаточно было погонять червяка в проводку чуть меньше полчаса на шумном и красивом перекате...

В любое время года вода в притоке была воистину ледяной, ибо Легоща полностью существовала благодаря внушительным и многочисленным родникам каменистого верховья. Никогда, ни в какой год и месяц, я не уходил отсюда без уловов – разница была лишь в качестве да в количестве.

Но сегодня, после недельного цикла дождей и при просветлённой воде, клёва не было вообще, и я, в частой смене мест и в ещё более частых забросах пытался разгадать столь неожиданный для меня парадокс.

Проводка не работала, полудонка – тоже. Все попытки словить кого-нибудь вполводы потерпели полное фиаско – за два часа не было ни одного всплеска, чего не бывало раньше. Незаметно я зашёл довольно далеко, и тут смекнул, что на любой водоём с одной насадкой не ходят...

Раньше, на песчаной мели в двух шагах от дачи, я видел колонию ручейников, прочно обживших свои «домишки». Тогда, занятый огородом, как-то поленился набрать их и проэкспериментировать. Теперь – возвращаюсь...

Став в болотниках ниже по течению, быстро набрал с полсотни личинок. Перевязываю крючок поменьше. Бросаю тут же, под кустик, и... хап! Нет поплавок! Чисто машинально, неуклюже секу – что-то ворохнулось у дна. Заходил ходуном «телескоп», а через секунду мой поплавок, пущенный, словно пращой, угодил аккурат мне в лоб. Досадный сход...

Сажая нового ручейника, заметно волнуясь и чертыхаясь про себя. Насадка-то нежная, ну и поклёвок столько часов не видел! Кидаю, метр проплыва – хлоп! Королевская плотва на четыреста граммов, явно нехотя, звучно плюхнулась в прибрежный камыш и остервенело «поплыла» в нём. Быстро её в пакет. Снова насаживаю и посылаю снасть ниже – поплавок, без дёрганий и погружения, пошёл поперёк течения, как при зацепе. Подсекаю с размахом – подлещик, не меньше, чем с полкило...

В общем, обловился я в то утро как в сказке, будто в детство с головой окунулся. Давно, уже не задаром, говорил же мне дед:

– Серёж! Не ходи на реку только с червями. Пробуй на всё!

Июль 2005 г., г. Орёл – Залегощенский район Орловской области, «По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).

ВЕКОВАЯ КОЛЕЯ

В узлах истрёпанная упряжь,
Ходок – заморен и истёрт.
Хмельной мужик обычным утром
Кнутом лошадку рьяно бьёт.

Полегче бы по косогорам:
Так можно сметить раной лоб...
Но, развёрщённому мотором,
Рысь тихоходна, дай галоп!

В сивушной ругани нахала
Острее пахнет конский пот.
Ну, а запалит, буркнет: – Пала!
И Кремль попутно упрекнёт.

А колея-то зарастает,
Всё реже видим мы коней.
На мотосанях браконьеры
Буравят дёрн родных полей.

РЫНОК ВОД

Новелла

РЫНОК ВОД

Новелла

Километровый, довольно широкий и глубокий рукав водохранилища был облюбован рыбой и рыбаками с момента его появления на местном ландшафте. Молодые сосны и берёзки, предприимчиво посаженные оставшимися неизвестными, но добрыми людьми, со временем подросли и хорошо укрывали от зноя, слабого дождя и сильных ветров с разных направлений. Рыба водилась здесь всякая, что и в запруженной речке – щука, карп, лещ, плотва, окунь, карась, ёрш, уклея, елец. Не было разве что толстолобика, белого амура, пеляди, судака, стерляди, массового пескаря и гольца. Правда, расплодился и укрепился в размерах радужный увалень-линь, но он был настолько хитёр и привередлив к прикормке, насадкам и погоде, что мало кому (за исключением местных) удавалось его ловить в плотном количестве постоянно...

Щука являлась в этих краях первостатейной и уважаемой, ибо была значительно массовой и попадалась даже новичкам, вывезенным на рыбалку профессионалами кружковой ловли и спиннинга. Она с весны разбредалась по всему многокилометровому водоёму в поиске нерестилищ. Отметав икру раньше других рыб, щука затаивалась в ямах и старицах верховья, в непролазных и удалённых притоках, либо плавилась к плотине, попутно подчищая любую живность. Дважды

местные рассказывали мне увлекательную, видимо, одну и ту же легенду, когда один из «крокодилов» атаковал утиное семейство на его переправе между берегами. Кто-то говорил, что в ней больше пуда, другие – и того больше. Трое или пятеро утят пали жертвами пиратствующей хищницы, известной своим скоростным и коварным вероломством...

На стыке рукава с основными водами водохранилища дно резко переходило в предельно закоряженное русло бывшей реки. Глубины местами доходили до 5–6 метров, скрывавших затопленные деревья, кустарник и топляк, принесённый мощью весеннего половодья. Лично я оставил в этих крепях около трёх десятков блёсен, пару воблёров и виброхвостов за все годы. Но постоянные уловы, хватки, сходы и обрывы успокаивали огорчения и «топили» расходы не только мои. Щуки было очень много. Она нарушала все формулы, стереотипы и секреты подводной охоты: брала в жару и ливень, днём и в сумерках, на подъёме и спаде воды, брала будучи до отвала сытой и набитой мальками. Никто не хамил. Не считал нужным промышлять браконьерничая, а если кто и раскидывал сети, то с большой ячеей, в надежде исключительно на крупняк. Люди, что ли, были другие?! Лови да лови, а сумеешь взять или нет – это, так сказать, охота пуще неволи...

Всякое случалось в рукаве. Бывало, шли «шнурки» и «карандаши» не больше 200 граммов, которых просто приходилось отпускать с верою в будущее. Иногда – рвало шпули и фрикционы, уставшие от нагрузок лески и пропускные «тюльпаны». Как-то раз трёхкилограммовая «штучка» в бешеном порыве к свободе переломила верхнее колено моего бывалого спиннинга. Спасибо, проходил мимо местный карпятник с подводкой – вытащили...

Было дело, купался по ноябрю из-за некоторых «бандур» – как-то привык спиннинговать без подсачека. Вода всегда стояла на высоком уровне, не хламилась камышом,

тиной, рдестом, кувшинками и ряской. Было великим счастьем вываживать крупных «зубаток» в дни «бабьего лета» – бархатного сезона....

Недавно, ближе к октябрю, с командировочной оказией проведаль рукав, предполагая поблеснить хотя бы пару часов до заката. Парадоксально, до неузнаваемости, спала вода. Там, где ширина рукава доходила до 70 метров, стало меньше 50-ти. Глубин не стало почти нигде...

Уныло прошёл к границе с водохранилищем, ещё надеясь на что-то. А там – чёрная мель и море коряг. Кинуть некуда! Подходишь ближе к воде – топь – ноги не вынешь! Ошеломлённый непониманием, с грустью сворачиваю спиннинг. По пути к машине повстречал местного паренька – мокрого, всего в иле, но жутко довольного.

– Сети что ль ставил? – спрашиваю его. – Не-ка! Железо собираю. Как взяли в аренду озеро, шлюзы приоткрыли. Вот вода и ушла. Тут возами рыбу таскали. Какой только не было! Я ходил почти неделю – надоело. Куда её, эту рыбу? Бабки и те, не дождавшись детей и внуков, пороссятам поотдавали. Вы поймали? – не понимая катастрофической иронии, наивно спросил пацан.

– Нет! Где теперь ловить можно?

– А нигде! Вода лишь под Щуковкой высокая. Удержалась, благодаря насыпи моста. Там все ловят, но не все поймают. Мне что, я уже наловил. Купите?

Он с натугой скинул по виду тяжеленный вещмешок. – Смотрите: на любой выбор! Наждачкой тиранул – пять рублей штука! Брат думает магазинчик прямо на дому для приезжих открыть, ну ларёк. Мне их девать уже некуда. Вам не нужны? Дёшево!

Я с привеликим любопытством заглянул в рюкзак не по годам «предпринимательного» ребёнка, откашливавшегося и отсмаркивающегося из-за переохлаждения.

О-о-о! Чего там только не было! Все виды отечественных и зарубежных блёсен, ржавых и новых, потускневших и отзеркаливающих закат, когда я взял их горсть и встряхнул на ладони. Тут были самоделки и дорогушие воблёры, виброхвосты, разные поплавки, некогда затонувшие зимние жерлицы и кружки для ловли по открытой воде...

Дико и неправдоподобно было смотреть на свои блёсны – любимые блёсны через долгие годы. Смяли душу воспоминания... Вот «Меппс» из Москвы, «Лужна» из Железногорска, «Протва» из Брянска, «Атом» из Орла. Подарки друзей и знакомых...

– Ну так что, берёте? Может, вам перед зимой чемодан и ледобур нужны? Дёшево! Не ржавые, просолидоленные. Сарайное хранение...

Я молча подал парню полсотни за дюжину не успевших проржаветь блёсен. Он и цены им вместе с братом не знал!

Приехав домой, привёл их в идеальный порядок, разложив по пеналам. Думал, с полночи сразу засну, но не тут то было! Какая-то пружина, неизвестная маленькая деталь сломалась в сознании и душе.

«Нет водоёма – нет его счастья и богатства. Не едут дети и внуки к родителям и к дедушкам с бабушками. Исчез колхоз. Обанкротили ООО, ТнВ, ЗАО, агрофирму и как там ещё. Больно, ребята, жить в рынке...»

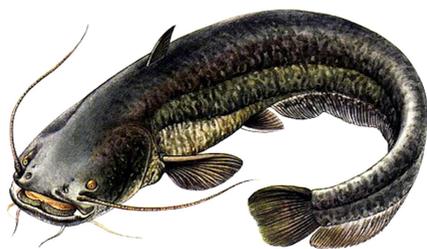
*Сентябрь 2005 г., г. Орёл – командировка по ЦФО РФ,
«По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).*

ПРЕЗИДЕНТ ГЛУШИ

ПРЕЗИДЕНТ ГЛУШИ

Стёпка родился в новом мире, без голода, репрессий и войны. В Рыбном, стоявшем на протоке Забава, между озёрами Радужное и Званое, жизнь текла размеренным чередом в традиционных заботах селян. Знали земляки и люди здешние печали и радости – всякое было и продолжало быть...

С появлением зелени на пойменных лугах, Стёпка, по малости лет, привлекался к общему делу пастухом. Отлично просматриваемые пастбища, живописно расположенные вдоль течения Забавы, позволяли ему спокойно изучать реку с удочками.

Он готовился с вечера, зная, что с утра не успеет ничего – скотина, своя и общественная, требовала ранних подъёмов и нелёгких хлопот. Месяц, как не давал парнишке покоя золотой язина, переломивший орешину и ушедший восвосяи в яму за плотиную. Ещё крепостные мостили её вручную и на лошадях щепнем, укрепляли и немцы в годы оккупации. Время и паводки с обильными дождями всё равно подмывали её, и одной из вёсен вода прорвалась левым берегом. К тому времени жизнь в деревне пошла на убыль, хотя и проложили к ней щепенистую насыпь. Чинить плотину не стали – выше был удобный и крепкий брод и Забава быстро наработала новое русло, в котором отстаивалась разная рыба, жившая в реке и покидавшая озёра в период нереста, потепления или похолодания...

Напоив коров и прогнав их бродом, Стёпка почти бегом направился к заветной ямке с едва заметным течением и кру-

говым вращением. Он специально, в предрассветных сумерках, набрал крупных выползков, а неделю назад выпросил у бабушки Кати килограмм гороха, чтобы прикормить рыбу, как учил дед. На этот раз он снарядил пару крепких орешин более толстой леской и большими крючками, которые привёз по его заказу соседский Вовка, недавно ездивший в областной военкомат. Оставалось верить в удачу и не упустить её...

Солнце, сменив цвет и начав пригревать, быстро изменяло тени от раkit и тополей, стоявших над водою. Весело и бойко шумел пережат, отражая ребристостью бега воды тысячи солнц бликами. Незаметно растворялись остатки прохладного тумана, цепко висевшего над Забавой до восхода солнца. Одиноко и всего лишь раз кукнула кукушка, и почти одновременно с нею, на мели у правого берега, возле древнего валуна оглушила тяжёлым всплеском порядочная щука, маневрирующая в охоте за мальками...

Стёпка, изредка поглядывая на мирно жующих травку коров, не двигаясь, смотрел на свои бывалые пробки-поплавки. Ещё не клевало. Лишь теребила леску беспокойная уклейка, вероятно, воспринимавшая её за нечто съедобное, да огромная, неуловимая в цветах стрекоза дважды отдыхала на одном из поплавков, раздражая Стёпку своей невозмутимой настырностью. За спиной, по броду, неспешно прогрохотал флягами и ободами рассохшихся колёс молочник дядя Илья, доставлявший молоко на близлежащую маслобойню. «Хорошо, что не заметил! – подумал Стёпка. – «Руганью и пескарёй распугает»...

Задумался отрок о чём-то, отвлёкся. Слышит звук: как-будто что-то лёгкое волокут по камням. Глянул на вторую орешину – поплавок нет, и само древко вот-вот поплывёт...

Рванулся Стёпа, как лань, подсёк, но оступися и окунулся с головой в ещё не успевшую прогреться воду. Орешина в руке, леска запуталась за ногу и, больно сжимая кожу, рывка-

ми и весом тянет его к фарватеру. Испугался пацан, кричит, барахтается... Шутка ли, один, неизвестно с кем на крючке!

Течение и рыба вынесли его к голышам переката. Упёршись ногами в дно, уже не было так страшно. Настоящий страх залёг за таким же «доисторическим» валуном, где только что была щука. Плывя по его воле, Стёпка видел этот брусковатый и чёрный ужас – это был сом не меньше десяти килограмм...

Он залёг в расщелину так плотно и недвижимо, что, казалось, примагнитился ко дну, совершенно не реагируя на слабые поддёргивания пастушонка. По счастью, его хныканье и возню услышали и увидели мы – я и молочник Илья, с оказией подвозивший меня к ферме. Выяснив накоротке, что да как, дядя накинул болотники. Осторожно приближаясь к валуну, он вычислил лежку сома и по-снайперски «загарпунил» его вилами...

Побледневший, продрогший и растерянный Стёпка отходил на берегу, стуча зубами и трясясь от посетившего его озноба. В двух шагах, вяло хватая воздух розово-белым ртом, лежал трофей ребёнка, выше его на целую голову. Он совершенно забыл про стадо, и я, видя его состояние, остался за него, попросив дядю Илью отвезти героя в Рыбное.

Жаркой и пыльной дорогой, немного отошедший мальчонка, побаиваясь молочника, всё же не удержался, спросив:

– Что же это за дура такая? Никогда не ловил!

– Э-э-э! Паря! Это не дура – президента глуши выудил. Таких в нашей Забаве по пальцам насчитать можно! На уху пригласишь ли? – мило ухмыляясь, буркнул неисправимый матерщинник...

– А как же, дядя Илья! Вместе ж словили...

*Сентябрь 2005 г. г. Орёл – р. Красивая Меча, –
р. Любовша – р. Северский Донец – г. Орёл, «По ухабам
Отечества» («Путевые заметки»).*

СОГНАЛИ С ГНЁЗД

Кричат уставшие грачи:
– У вас рвачи, воры, рвачи!
И жуток воздух, где летаем,
Что даже гнёзда покидаем.
Хоть улетай опять назад,
Кто нам устроил радиад?!

ИНВЕСТИТУТСТВО

О, Всероссийское Пространство!
Стал клоч земли уже не наш.
Уходит в прошлое крестьянство,
Примчал баскак, фирмач, торгаш.

Они похожи друг на друга,
Роднит их баксоаппетит.
Фрагментик в них живёт от плуга:
Не впрягся в пашню, а блестит.

Старайтесь, будем очень рады,
И отвечайте головой:
Хлеб не везите из Канады,
За Урожай боритесь свой!

ЧЕРВЯКИ И ГАСТРОЛЁРЫ

Новелла

ЧЕРВЯКИ И ГАСТРОЛЁРЫ

Новелла

Главный рыбацкий маршрут области, ведущий в самый богатый прудами район, проходил мимо фермы, недавно поднятой с колен заезжим агроинвестором. Помимо большого числа прудов, расположенных на землях района, любителей ужения привлекали пять рек, пересекающих магистраль. У них, в свою очередь, имелись небольшие притоки и запруды у деревень и хуторов в верховьях. В общем, было где жить, разгуляться и плодиться рыбацкому счастью в виде основных пресноводных рыб.

До и после реформ, несмотря на унижение крестьян и поголовное уничтожение КРС, свиней и овец, ферма, служила обеспечителем клёва, снабжая рыбаков замечательными навозниками. Всесезонная и аппетитная ключевая насадка на большинство не равнодушных к ней рыб водилась здесь в изобилии. По бетонным плитам, уложенным ещё в эпоху коммунизма, галопировали отечественные и зарубежные «джипы», волоклись улитками престижные иномарки, подходили пешком слишком осмотрительные и местные. Червяки нужны всем. Ведь без них не было уверенности не то что в удачной, а даже в посредственной рыбалке. Не одно поколение ребятшек прошло через этот самый навоз, по-разному смекая благородство, силу, богатство и ущербность Малой Родины. Опустим её паспортное название,

дабы не будоражить память, вызывая неадекватно-противоречивую ностальгию...

По субботам и воскресеньям, в праздничные дни, исключая зиму, безымянная ферма превращалась в место паломничества, особенно поутру. Тот, кто по жизненным обстоятельствам не встречался и не пересекался годами, мог сойтись у фермы, и тогда каждому было что вспомнить и рассказать. Отсюда перепланировались маршруты походов и поездок, стыковались добрые и горькие новости. Здесь знакомились рыбаки, заготавливался червь впрок на зиму асами подлёдного лова, имевшими свойские подвалы...

Были годы, когда навозник уходил совсем – скота не было, а знаменитое удобрение растащили по огородам, вместе с частью шифера и кирпича фермы. Временщики-председатели, приходившие сами и назначаемые, при всех талантах руководства и деградирующем воровском запое не смогли вдохнуть жизнь даже в пятидесятиголовое стадо.

Инвестор – наследник дореволюционных барин, почивших от пуль ВЧК – пришёл образованный, принёс с собою суровую дисциплину и сверхрачительную скупость. Денег не платил. Зато обязал местных «батраков» к труду, начав культивацию земель под корма и ускоренную реставрацию всех площадей животноводческого комплекса. Оставил областного приказчика на контроле объекта, чтобы поспеть к зиме, а сам укатил яхтсменствовать между Австралией и Гавайями.

Закупил управляющий сто коров хорошей в привесе английской породы и двести ливенских хрюшек. На отдалённом филиале фермы скомпоновал вновь и обустроил овчарню на 300–400 овец, которые на момент покупки ягнятами уже числились в шашлыках и заготовконторе по шерсти в договорах с московскими ресторанами и прядельными производствами. Инвестор дал слово: будут

работа и оборот – будет прибыль; будет прибыль – всякий получит по труду по высшему разряду; будет малая прибыль – каждая семья может располагать кормами на подворье, пользоваться новой техникой и получать оплату труда продукцией общей наработки коллектива. Основные надежды работодатель возлагал на привлечение местной и приезжей молодёжи. Правда, та привлекала себя к труду весьма неохотно...

Затарактела, застучала, закипела, засмеялась и забрехала ранее полусонная, испитая, трудоёмкая и сложная крестьянская жизнь. Вернулись в новые кучи навоза личинки майских и навозных жуков, черви и прочая живность органического перегноя. Трое братьев-фермеров, поддержанных инвестором технически и материально, взяли в аренду брошенные и разграбленные браконьерством пруды и запрудили два новых в заросших и опасно разросшихся балках.

Весною пришла обильная вода. Возведённые плотины не подкачали – всю зиму карьерный бульдозер чистил дорогу для «Камазов», подвозивших для их укрепления добротный природный щебень. Глядь, к концу сезона, по поздней осени, карповый малёк, на горохе и кукурузе весь до фунта подтянулся! В городе появилась своя постоянная продуктовая лавка, торгующая исключительно своим продуктом по терпимым ценам ниже привозного аналогичного товара...

Во всех сферах человеческой жизни нужны средства. Более важны труженики, их судьба, плодородие земли, пастбищ и вод. Нужны – бережное отношение к Природе и технике, человеческое, а не антинародное регулирование цен на сырьё, удобрения, запчасти и ГСМ. Но и при рачительном, думающем и богатом Хозяине на Земле случаются непредвиденные ляпсусы рынка, заставляющие писате-

ля брать перо для показа того, что все видя, предпочитают умалчивать...

Однажды, в разгар карасинового клёва, мы заехали за навозником, планируя порыбачить с ночёвкой. Обошли и обкопали все места, где раньше червяк попадался до пятидесяти штук с одного копка. Навоза было навалом, а его извечный житель почему-то куда-то исчез. Пошли к старым навалам – там всё перевёрнуто, как и везде. Еле-еле наскребли десятка два, не переставая удивляться загадочному явлению, обанкротившему наши планы...

Прижимало время, напоминая быстрым заходом солнца о скоротечности вечера. Укладываем лопату и банку в багажник. Моем руки. Тут голос из-за спины, со стороны зарослей полыни:

– Ну, как успехи? Нарыли?

Пожилой и небритый скотник в бывалой фуфайке с прожжёнными дырами, разя самогонным перегаром, улыбался неизвестно чему...

– Пропали черви! – жалуемся ему. А он, знаете, так от души смеётся: – Конечно, нетути! Учера круглые сутки ковырялись с привозными мотыгами. Посля – в пруду отмывались, но не ловили. Я, как отстроились, сторожу. Рыбаков етих с горизонта, чай чаво, узнаю. А щас думаю, едрёна их, воры. Потом пригляделси, придвинулся ближе. Копают червей, ан не рыбаки. Одеты парадно, молодые. Залётные чужаки – я их по номерам вычислил, хоть и забрызганные. Машины – за жисть не заработаешь. Колесо – с твоего пацана! Ежели только грабить, или, едрёна их, убивать. Кузька, напарник мой, тот так и сказал: – «Козлы» епонские. Один по цене – два наших стада...

Говорю же – сутки ворочались в дерьме! Вот вам ничаго, едрёна их, не досталось!

* * *

– Как объяснишь? – спрашиваю отца, с грустью смотрящего на выбоины дороги.

– Не хрена объяснять. Вот, посмотри! – говорит он, подавая из бардачка элитный журнал для рыболовов.

– Ух ты! Не читал. Свеженький...

– Рекламу смотри. Ниже волжских и японских моторов. Видишь, «Живая насадка». Оптом, в любом количестве, скидочки. Мотыль, мормыш, пескарь, опарыш, навозник, червь-нереида... Ох и припухли эти дети арбатовы!

Я читал и рассматривал красочную цветную иллюстрацию к объявлению, думая: «А что, если правда, орловские черви пали рублями ненасытных гастролёров из Москвы?» Приближался перекрёсток к пруду, у деревушки Жёлтоводе.

– Разворачивай до дому, батя! Работы много...

Октябрь 2005 г., г. Орёл – командировки по Орловской области, «По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).

КТО УЖАЛИЛ ПЧЁЛ?

(В гостях у пасечника)

Он всё о пчёлах изучил
Вплоть до страниц «Войны и мира»,
Потратив очень много сил,
Под кличкой редкостной «Вампира».

Визжат в деревне стар и млад,
Привыкшие вставать по солнцу:
– Мы не пройдем в цветущий сад,
К реке и старому колодцу.

– Замучил нас ульёвый царь,
Где не ступни – везде нет хода.
Округу жалит господарь,
Топя свой ум в бидонах мёда.

– Ну а когда пришла к нам хворь,
Когда РАЙПО сгорело,
Магнат считал наш каждый рубль,
В февральское ветрело!

ПРОШЛИ МИМО

Быль

ПРОШЛИ МИМО

Быль

В старинной деревушке Высотной из былых 130 дворов осталось семь жилых, несмотря на то, что приграничное между областями поселение окаймила дорога, сокращающая путь в райцентр на пятьдесят километров.

На всю округу прославилась Высотная после строительства и зарыбления водохранилища. Прошли годы. Расплодились в нём – щука, судак, белый амур и толстолобик, плотва, линь и карась, сазан, лещ, густера, окунь, изредка ловились язь и налим. Потянулись к водоёму стар и млад, любители ужения и браконьеры, местные кутилы и пловцы, а родившиеся здесь бесповоротно бежали в город...

Из пожизненных рыбаков с вековым корнем остался тут лишь дед Василий, прошедший Гоби и Хинган, пристрастившийся к рыболовству ещё в годы, когда вдоль Высотной несла свои воды небольшая речушка. Жены не стало в ходе «реформ». Дети разбежались кто куда. Осталась у деда одна отрада вне огорода – рыбалка круглый год.

Иногда останавливались у него заезжие рыбаки, ночевали в период активизации клёва. Для деда то были «цивилизованные дни». Радио и телевизора у него не было. Дочь и сын бывали раз в году, а автолавка, приезжающая раз в неделю, не стремилась выступать в роли рупора новостей...

В один из январей, прибыл, ещё не по занесённой дорожке, целый «ПАЗик» с рыбаками. Василий уже удил на озере с зорьки – переключивал крупный синец и подлещик. Собирался он приближаться к дому и заодно проверить окуней в прибрежном тростнике. Глянул на берег и ахнул: цело стадо «подлётников» спешно выходило к озеру, брэнча ледобурами и чемоданами. Слышались смех и мат под озвучивание баек...

Повременил дедок топтать к берегу. Рыбку он давно сложил в бывалый вещмешок, и теперь сматывал снасти, чтобы вложить их в него же. Поснимал с крючков навозников, замёл чешуйки, багровые пятна и сами лунки, тем самым показывая идущим, что отловился.

Подходят... – Ну что, дед, толк-то есть? Э, далеко ты со своей «ложкой» набуришь! А раньше шевеленье было? – одолевал старика самый расторопный рыбак – юноша призывного возраста.

– Было-то было, а нынче сплыло! Вон, под тем берегом, идти с полкилометра, учерась плотва шла по полкило, подъязки и дельные окуни. Видите сосны? Там, под ними, обрыв. Не ленитесь, крутите...

Молодой утянул за собой больше половины прибывших. Лишь самые пожилые, опять же, по наставлению деда, облюбовали место на пол-пути к заветному обрыву.

Быстро закончился сказочный на погоду день в преодолении расстояний и бурении полуметрового льда. Дед Василий ушёл с зеркала пополудни – по своим старым, но не сильно замёрзшим лункам у берега, он наловил на блесну ведро великолепных горбачей, оставшись не замеченным, благодаря неприметной одежонке и буйной растительности.

Стреляя сигареты у отбывающих, он не зло посмеивался над ними, повторяя одно и то же: «Что было вче-

ра, не бывает сегодня и завтра. Вы, ребята, мимо рыбы прошли!»

Утром, дед Василий, радуясь погожему рассвету и отсутствию конкурентов, не спеша дошёл по натопанной стёжке до обрыва. Сыпанул по скату жареных и перекрученных через мясорубку семечек с комбикормом, и к вечеру взял три десятка королевской плотвы...

Январь 2006 г., Орёл – Курская область – Орёл

ПЁС

Вот и постарел любимый Шарик,
К конуре подполз и лёг у дров.
А, бывало, звонким своим лаем
Он встречал и добрых, и воров.

Деревушки все вокруг известны,
Все ходы пробёг наискосок.
Над дворами – жалкое скуленье,
Неохота псу в иной мирок.

Не скули, подслепший бедолага,
Прежней прыти годы не дадут.
Твой хозяин финна бил и немца,
А родные – строчки не пришлют...

ПОСЛЕ ИКРОМЁТА

При виде её мы почти онемели,
Стояли вблизи, не дыша.
Метровая щука по мели
Выпутывалась из камыша.

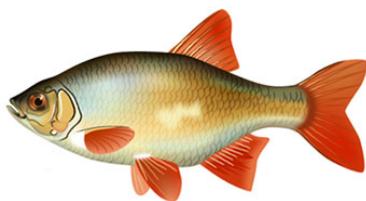
Повернётся на бок, то на брюхо,
То «поленом» лежит у коряг.
Хорошо, что с остями вдоль луга
Не видать деревенских бродяг.

НА ПОДЪЁМЕ ВОДЫ

НА ПОДЪЁМЕ ВОДЫ

Четырнадцатичасовой июльский дождь поднял коряжистую мелководную речушку, словно апрельский паводок. Поскольку отъезд в город и приусадебные работы полностью исключались, я, запасшись навозником, решил пройтись по известным только мне бочагам.

Влажное прохладное утро видоизменялось в цветах и звуках, по мере подъёма солнца к зениту. С пригнувшихся утяжелённых ветвей ив и раquit время от времени падали крупные капли дождевой воды. Лозняк и камыш склонились к кромке воды, будто желая добавить к ней частицу своей накопленной влаги. Отовсюду подавали голос вчера молчавшие пичуги. Несильный южный ветерок приятно дул в лицо, «причёсывая» шевелюру. Верилось в удачу, ибо река – фактически ручеёк – впадала в пруд, изобиловавший всякою рыбой.

На первом же забросе, в омуте, ставшем полутораметровым по глубине, благодаря ливню, – поклёвка! Поплавок, медленно, не погружаясь, поплыл против течения и нырнул ближе к фарватеру. Не мешкая, подсекаю – и приятная тяжесть, от которой уже отвыкла рука, упруго отозвалась в кисти и предплечье, взволновав взор и сердце. Подлещик, не меньше полкило, сверкнул у поверхности жёлто-серебристым боком. Нашумев и набрызгавшись у прибрежной осоки, он упорно не подчинялся моим движениям, но через минуту нехотя лёг на бок и оказался на берегу...

Потом ловились крупная плотва и окунёк побольше ладони. Однако, к моему изумлению и радости, по всей речке чаще всего уверенно хватал червя красавец-подлещик от двухсот до шестисот граммов. Кто бы мог подумать, что благодатный дождь подарит неуловимое количество счастливых минут и будет напоминать о себе свежей и вяленой рыбой, радуя родню и друзей?

Самое удивительное – подлещик перестал клевать буквально через два дня, скатившись обратно в пруд по мере спада воды, но то, что он есть, живёт и плодится, окрыляло меня всегда при последующих вылазках на рыбалку...

Июль 2006 г., г. Орёл – Оптуха – Легоща – Орёл

ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ

*(Из неопубликованного дневника
неизвестного десятиклассника)*

1945 - 2015

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

ГОД РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТВОРЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА

С ОРЛОВСКИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ,
АВТОРАМИ 32 КНИГ,
ЧЛЕНАМИ СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
**ВИКТОРОМ И СЕРГЕЕМ
РАССОХИНЫМИ**

Тематика вечера:

- ★ Вторая Мировая война в лицах, фактах, документах и мемуарах
- ★ Значение военно-патриотического воспитания и литературы в сплочении общества России
- ★ Поэзия Героизма по заповедям поэтов-фронтовиков (чтение стихов воинов и авторов)
- ★ Показ 16-минутного фильма об авиаконструкторе-земляке Н.Н. Поликарпове
- ★ Ответы авторов на вопросы читателей, вручение разножанровых книг с автографами

**ПРИГЛАШАЮТСЯ ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ.
ВХОД СВОБОДНЫЙ.**

Начало в ____ ч. ____ мин.

Контактный телефон: _____

Рабочая афиша авторов книг – «Шапка Мономаха», «Последняя дуэль», «Небесные снайперы», «Тихие Гавайи?», «ТОК», «Мы Вас любим, фронтовики!», «Победившие смерть», «Сердце над облаками», «Память крепче брони», «Штурмующий небо», «Золотая кувшинка», «Небопроходцы», «Наш Лермонтов», «Меч возмездия», «Горе и Слава Второй Мировой», «Лишний гражданин», «Щедринарий», «Магические ритмы»

ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ

(Из неопубликованного дневника неизвестного
десятиклассника*)

...15 августа 1945 г. Вчера, когда варили уху в Поречье, прибежал Серёга (Ферапонта-кузнеца сын). За дюжину раков он предложил нам с Димкой три крашенных поплавок из гусиного пера, два крупных крючка, и с десяток гильз от крупнокалиберного пулемёта обменял на шурёнка под полкило. Мы, зная, что Серый отличный рыбак, у которого не то что крючка, снега не выпросишь, – поинтересовались, зачем ему рыба и раки. Ведь Серёга известен на всю округу своими заготовками таранки, сушёных грибов и ягод. С начала войны он жил с бабкой. Отца призвали кашеварить на походную кухню (опять же при лошадях). Мамка его – тётка Ефросинья – погибла при бомбёжке колонны беженцев где-то под Киевом. После Сталинграда он получил пару «треугольников» от бати. Тот писал, что был контужен и ранен, но сейчас жив и здоров. Спрашивал, как мать, как с едой и скотиной. Не знал он ничего...

Потом – ни слуху, ни духу. Тут недавно (я раньше писал) Победу все вместе праздновали. А Серёге бумажка под дых в конце мая:

* Орфография и пунктуация внесены автором публикации. – Р. С. В.

«Уважаемая Пелагея Ильинична! (бабка Серёжкина).

Ваш сын, Ферапонт Иванович Строев, уроженец с. Первомайская, ныне старший повар энного артполка, пропал без вести в апреле 1945 г. в предместье Кёнигсберга. Учитывая боевой опыт и храбрость Вашего сына, награждённого медалью «За отвагу!» и орденом Славы, есть основания полагать, что Ф. И. жив, временно находится в плену или в полевом госпитале.

Не теряйте надежды, война идёт к концу!

*С уважением, политрук N-артполка,
майор артиллерии Ваништейн
4 мая 1945 г., Берлин».*

Ну, значит, он и надеялся. Папаня он у всех ведь один! Это мы здесь сироты эвакуированные, ни леса, ни речки толком не знаем.

* * *

16 августа 1945 г. Оказывается, к Серёге гости приехали: ветераны артполка, где служил отец. Они возвращались из Германии. Вот и решили навестить родню своего «кормильца», как они его в шутку прозвали. Мы тоже ходили послушать бойцов. В нашу глухую станичку они редко заходят. Первомайской её назвали после революции, а так была Староказачья. Теперь деды и бабки. Молодых побили кайзеровцы. Остальные погибли, как рассказывали, кто на Сиваше, кто в походе с Тухачевским. Другие пропали в ущельях и песках после схваток с басмачами. Бабка Пелагея сказывала, что двух её родных братьев зарубили махновцы, а самый младший (был ординарцем) бежал в Китай.

Вечером от души попиروвали: бекон, сардины трофейные, тушёнка говяжья (тоже американская). Однополчане Строева поведали, что не знали о нападении на кухню –

слишком быстрым и мощным было наступление на Берлин. Затем – Прага, часто упоминали какой-то РОА. Прокатился слух, что Ферапонт пропал без вести...

Чуть не расплакался, вспомнив нашу квартиру на Невском проспекте, когда пили липовый чай с грушёвым вареньем на сахарине. Папа мой, инженер по вооружению, в середине 30-х исчез. Мать чернела на глазах, но всегда готовила яблочный пирог на его День Рождения. Помню, говорила что-то про Кирова. А ещё: «Вырастешь, никому не верь, что... ».

ЧТО ??? Этого я так и не понял. Мама замёрзла у проруби на Фонтанке в первый год блокады. Нас эвакуировали по «Дороге жизни» в марте, когда таял лёд. Страху натерпелись от «юнкерсов» и «мессеров», а утром одна полуторка с людьми провалилась. Я раньше писал, как шофёр Рахимгалеев 13 человек спас, чуть не до смерти обморозился...

* * *

17 августа 1945 г. Ходили на карасей и карпов в соседний хутор Стрелецкий, – я, Димка и Серёга. С утра моросило. К полудню вышло солнце, припекло здорово. Поймали на навозника с десятков карасей грамм по 200–250 и двух карпят не меньше полкило каждый. Серёга, хитрец, додумался фрицевское печенье замочить и добавить в тесто. Карпята не выдержали, за что и попали на сковородку. Гости выпивали, много говорили о войне и товарищах, о партизанах-французах и диверсантах. Назавтра решили пойти за грибами, которые появились после недавних ливней.

Долго крутили патефон. Но женщины, в основном вдовы, не танцевали. Был удивлён уменью воинов играть на немецкой губной гармошке наши народные песни. Легли очень поздно – уже светало.

* * *

18 августа 1945 г. Немцы в этих краях стояли недолго, но зла за собой оставили – не уместить в тетрадку. Говорят, начали строить узкоколейку, разрешили восстановить церковь – бывший зерносклад без колокольни. Народ здесь разный: кто-то предал Родину, присягнув «новому порядку», а кто-то, будучи старостой, как мог выручал крестьян, вступаясь за них и подпольщиков в комендатуре и перед бургомистром. Каждого чернявого, кудрявого, длинноносого, или с необычной (нерусской) фамилией клеймили, как «большевика-еврея». Тех, кто крепок (неважно, мужик или баба), гнали на работу в Германию. Отступали – сожгли, гады, несколько деревень. Даже детей не жалели. Дед Прохор, что кубари нам за рыбку и ягоды плетёт, рассказывал, как истязали комсомолку, дочь председателя колхоза «Знамя Ленина». Её повесили в центре станицы, потому что она не открыла тайны местонахождения коммунистов и отца ценой собственной жизни...

Как и собирались, с утра пошли за грибами на довоенную лесозаготовку. За войну там всё заросло (Серёга говорит, замшело), зато по пням радовали нас летние опята, растущие обширными кучками по древесному хламу. Сегодня их почему-то было маловато – и пол-лукошка не собрали. Командир взвода, капитан дядя Антон, родом из Зауралья, посмеялся над нами:

– Вы, ребята, ко мне бы в гости приехали. Опят вагон собрали бы! Подрастёте, приезжайте – адрес оставлю. Может, учиться поедете, или как? А главное – страну надо заново обустраивать, с колен поднимать, чтобы мы горевали поменьше. Я вот один остался из рода Морозовых: отец на Хасане, мать в лагере, сестра – медсестрой под Кромами. Все полегли. Сколько их, этих самых Кром от Москвы до Берлина...

Серёга предложил пойти за белыми и подберёзовиками в Малую Рощу. Перелесок был небольшой, смешанный: орешины, клён, осина, но больше красовались на взгорье старые, крупные берёзы. Давно сюда никто не ходил. Деревья росли в полкилометре от насыпи так и не оконченной узкоколейки. Дёрнул Серёгу чёрт – стремглав побежал к роще, и, дурья башка, кричит: – Боровики – кажи каски! Фюеры – снимай маски!

Шаркнул он, как заяц в галопе, через насыпь. Мы от него поотстали, а взрослые те и вовсе шагом шли. Скрылся Серый в роще. И тут – как громыхнёт! У меня аж живот к спине прикипел, горячей волной по лицу, словно углями осыпало. Столб земли метров на пятнадцать к макушкам берёз поднялся. В ушах – всё равно, что гвоздь провернули. Нас рваной дерниной закидало. Ей-Богу, тогда мне показалось, что внутри что-то оборвалось. Это я пишу ночью, рука дрожит. Плачу невмочь. Разорвало друга Серёгу миной из-за чёртовых грибов, никому даром не нужных. Мы мечтали пойти с ним на курсы артиллеристов «Выстрел». Правда, Серёга больше тяготел к авиации, подбивал меня поступить в Липецкую авиашколу...

* * *

19 августа 1945 г. На заре похоронили Сергея Ферапонтовича Строева на станичном погосте, где покоятся многие славные казаки, ровесники императора. Меня всего трясло, знобило. Мутило жуть. Хотелось куда-то убежать, забыться, заново родиться. Положили с ним его рисовальный альбом. Он любил копировать военные плакаты, секретничал, задумывая свои «КУКРЫНИКСЫ». Через неделю, выхлопотав бумаги, приехал дядя Антон и забрал нас с Димкой с собой. Экзамены там сдам. А потом – решил поступить на сапёра. Пусть он ошибается один раз, но я не хочу, чтобы такое по-

вторялось. Буду добросовестно щупать землю, а быть войне – отомщу за всех. Сегодня же бросаю вести дневник. Очень тяжело. Прощай Серёга, дружан военный! Год у нас с тобой была разница.

(ДАЛЕЕ ЗАПИСИ ПРЕРВАНЫ)

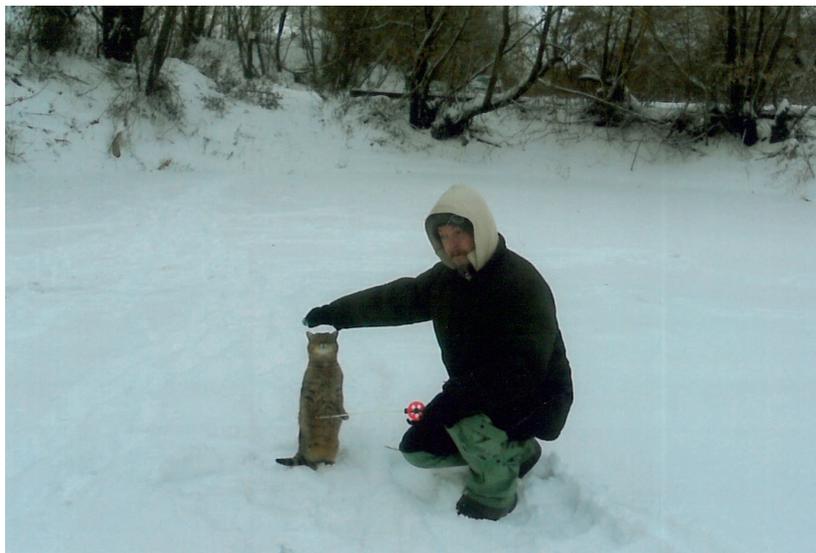
* * *

Ноябрь 1952 г. Мы с Дмитрием в Новосибирске. Возобновил дневник по единственной уважительной причине – недели две назад получили весточку из Староказачьей. Пишет наша классная Сталина Васильевна. Бабушка Пелагея умерла. В Стрелецком запрудили каскад прудов. Планируют строить дамбу для рыбхоза. Школу расширили, приехали новые поселенцы и студенты. Добровольцев-строителей хоть отбавляй. Сталина зовёт нас – свои, мол, не чужие, каждую веху знают. Но самое горько-обидное, если не сказать страшное, вернулся домой отец Серёги – кузнец и повар Великой Отечественной, немой герой СССР, Ферапонт Иванович Строев.

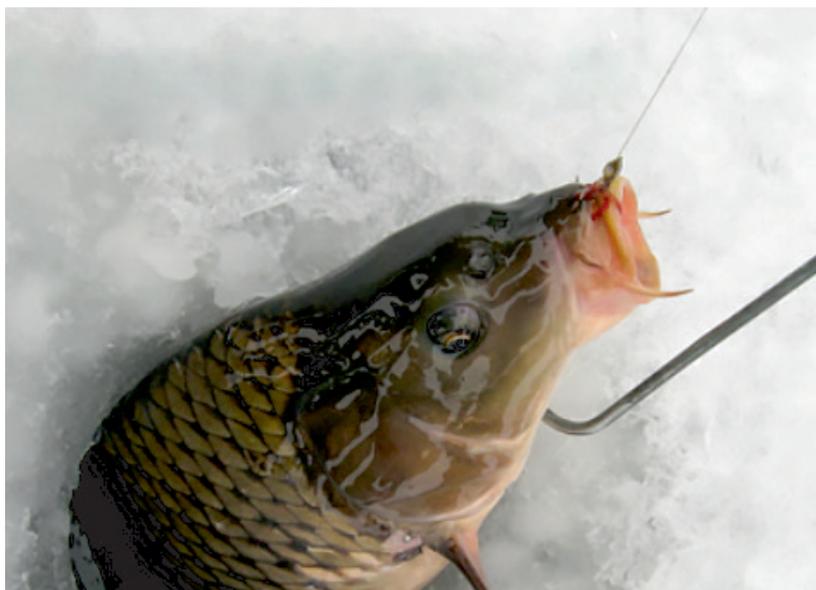
Ехать туда, в гремящую Первомайскую, нам чрезвычайно хочется, однако гложет чувство какой-то глобальной вины. Затрудняюсь описать какой именно, но всё-таки вины...

Бросаю дневник окончательно. Поеду в Ленинград. Надо узнать всё об отце. Не знаю, помогут ли люди в архивах.

*7 ноября 1952 г., Новосибирск
(Далее записи отсутствуют. – Р.С.В.).*

АПРЕЛЬ ПО ЯНВАРЮ

АПРЕЛЬ ПО ЯНВАРЮ

У любого рыболова-любителя, и даже у артели профессионалов, наверняка случались аномальные дни забываемого клёва и хода рыбы. Единичные случаи на сотни разносезонных рыбалок оставляют неизгладимый след в памяти, и если не записываются, то многократно вспоминаются устно в кругу друзей и коллег по увлечению.

В тот год лёд сковал водоёмы запоздало – лишь к середине декабря можно было спокойно выходить на рыбалку. Слабые, прямо-таки немощные морозы постояли без силы неделю. В те же дни покрыл льды и землюшку первый невесомый и пушистый снег. Перед самым Новым годом резко и неожиданно потеплело, зачастили дожди. «Морозы не предвидятся» – зазубренно вещали синоптики, не объясняя причин затяжной оттепели в аккурат к всенародным праздникам...

И без того не обильный снежный покров оседал с каждым днём, плавясь на солнце и перевоплощаясь в быстротекущие напористые ручьи. Бурля, некоторые из них разрастались в формате, неся свои грязные и чистые воды по непредсказуемым маршрутам в направлении канализации, прудов, озёр, рек. Масса безработных переквалифицировалась в рыбаков, вероятно, упрямо не желая жить по законам дикого рынка...

Не удержался – уехал на Ясенецкий пруд, что на границе Орловщины с Курской областью, в двух километрах от Свапы. Великолепное погожее утро встретило меня на Крестах при освобождении от духоты бывалого «Икаруса», обняв на-

деждой на предстоящий, хоть и короткий день. Приободрившись безветрием по прохождению километра, выхожу прямо на плотину. Вокруг – ни души! Светятся поредевшие окошки изб, жители которых на генном уровне не верят и никогда не поверят в «доброльготную» линию правительства. Слегка туманят розовеющее небо дымки немногочисленных печей, озонируя мозг запахом вечности и очага. Мысли вращаются в прошлых столетиях, хотя пущены вдаль пространств и скорбь лет живым представителем третьего тысячелетия...

Художник-рассвет быстро гонит цветами и светом однообразную пасмурную и безлунную ночь-искусительницу. Две сороки и стая ворон суеются, что-то деля на разбитой тракторах дороге. Беспокойны воробьи, в ожидании восхода солнца над скукожившимися после дождей деревьями, прихваченными лёгкой изморозью ночи. Домашний кот с белым «нагрудником» проконтролировал плотину и, распугав ворон, позавтракал мышонком. Где-то за околицей подворий глухо громыхнул выстрел, очевидно, местного охотника. Потом – второй...

Заготтали гуси, усилился лай собак, может, почудилось ржанье лошади. Перехожу по плотине до медпункта – на лёд выйти трудно, он полностью под водой. Замечаю в тридцати метрах в стороне, ближе к середине, отрезок не растаявшего снега и летний деревянный мосток, заботливо сооружённый кем-то из местных. Выхожу на лёд, сверлю пару лунок. Вылавливаю с прибрежной двухсотграммового окуня и – всё. Здесь мелко-вато. Глубина – до двух метров – ближе к сплошь затопленной плотине. Неохота хлопать и ловить в воде выше щиколотки, да и бур в сыром льду – кто дело знает, мука душевная.

А вдруг – повезёт?! По лету лавливал тут солидных карасей и карпов. С трудом бурю десять лунок. Подбрасываю в них по жмене жмыха, с верой, что «незимние» рыбы активизируются и клюнут по оттепели...

Первая поклёвка оставила меня в полнейших дураках. Наладил и поставил поплавочную удочку, а сам, ради интереса,

ловлю на мормышку метрах в десяти от неё. Слышу брэнчанье, какое-то волочащееся движение по льду. Глядь, моя снасточка ползёт в лунку. Дёрнулся, а она – буль на глазах, и нету!

Окуни так не берут... С сопением и проворностью школьника на экзаменах, достаю резервную снасть с крупной мормышкой, крепким хлыстом и 0,2-й леской. Видать, проснулся, Карпушенька, свежая водичка понравилась!

С учёной усердностью обхаживаю лунки одну за другой. Перед той, что сработала первой, после минутной игры ставлю удочку, положив мормышку на дно. Секунда, две – кивок классически медленно пополз вверх. Коротко подсекаю, и понимаю – к а р п! Багор – как всегда, «где-то», звать некого...

Успокаиваю себя толстой леской: может, утомлю чушку, тогда – рукою под жабры... Поводил маленько, посмотрел на него – «два» – не меньше! На седьмой или восьмой заход карп стал более податлив, и я рискнул завести его в лунку. Вот он! Так... Тихо-тихо... На моё удивление, «болваночка» поддастся моим трясущимся движениям – заходит на полкорпуса в лунку, и... сам, «свечой» на испуге от ледового плена, «выстреливает» из неё, окатив меня брызгами. Похвалил тут себя за замену ножей ледобура на больший размер: иначе – подвела бы лунка. Не прошёл бы трофей без помощника и багра...

Упратал его в рюкзак. На часах – половина первого. Наскоро перекусил хлеба с салцем. Попил чайку, чрезвычайно довольный своей вылазкой на «мирную» рыбу. Через час пошёл неприятный «аномальный» мелкий дождь. Однако, оставшись до сумерек, я поймал ещё одного карпа поменьше и двух серебряных карасей больше ладошки. Последней поклёвкой явился... обрыв прямо на подсечке. Как говорится, «не без этого»! В автобусе по дороге домой озарил заголовков рассказа – «Апрель по январю...»

Январь 2015 г.,

Орёл – Редогощь – Ясенки – Любаж – Орёл

ЗЕМЛЕПАШЦАМ

Случаются в жизни моменты,
В ней всё есть – паденье и взлёт.
Уходят вожди, президенты,
А пахарь Планеты – живёт.

Учитесь труду у собрата,
Кто пашет в зарю и в закат...
Пусть жизнь у него не богата,
Он духом богаче в сто крат.

Того, кто глаголит часами,
Чья «пашня» – извечная ложь.
Кто мчится с «мигалкой» полями,
Кто цены слукавил на рожь.

Пшеница растёт или свёкла,
Мы просим за Гимном пропеть:
«Кормилец страны от Природы
Волшебник – был, будет и есть!»

ЛУННОЙ НОЧЬЮ

Зарисовка с натуры

Рекордный трофей Юрия Выходова

ЛУННОЙ НОЧЬЮ

Зарисовка с натуры

Багровым поздним вечером, настроившись на карася, я был наказан водоёмом за опрометчивость: прозевал две поклёвки карпа. Под финал дня была и третья, но подсечённый могучий «поросёнок» переломил «телескоп» по моей глупости – из-за попытки вывести его не на пологом, а на обрывистом берегу. Бывал же здесь раньше. Знал, карп водится, правда, мало. И вот – такая оказия...

Августовская тёплая ночь быстро входила в свои права, очаровывая запахами и звуками. Только что открасневший закат алел узкой полоской по уставшему от жары западному горизонту. Лягушки затянули «симфонию призыва дождя». Над головой прошелестели утки, чуть позже – одинокая цапля. Берёзовая рощица, всегда радовавшая грибами, на глазах из багряной превратилась в фиолетово-сумрачную. На крутой бугор, сверкнув фарой, проскочил запоздавший хуторянин, на древнем, судя по звуку мотора, мотоциклете.

Само собой пришло желание остаться с ночёвкой – тепло, ночь коротка, насадки вволю, родник – в двух шагах. Благо, резервную удочку захватил, что советую всегда делать всем рыбакам, независимо от сезона ловли. Успел перемотать жилку покрепче, сменил поплавок на более грузоподъёмный. Привязал новый крупный крючок. Поднял глаза

на водную гладь и ахнул от красоты: огромная жёлтая полная луна расплосталась на поверхности, словно решила отмокнуть в благоприятной прохладе...

Её восхождения на небе я не мог даже предвидеть, находясь в глубоком овраге у плотины. Сколько уж ночёвок провёл у рыбацких костров и без них – никогда не встречал ничего подобного! Спутник Земли зашёл со спины, и сейчас казалось, если поплывёшь (всего-то пять метров), то обхватишь этот чудный шар руками.

Завороженный, долго всматривался в чётко видимые лунные «моря» и «кратеры», осмысливая, сколько миллионов глаз видели их с разных мест и ракурсов в ходе прошлых веков. Сколько их будет смотреть, с мыслью о прошлом и настоящем, в будущем – в мире, труде, войне???

Тяжёлый хлопок на мели близлежащего рукава пруда заставил меня вздрогнуть и вернуться к действительности. Большая волна пошла от места всплеска к берегу и в моём направлении. Могло показаться, что кто-то из местных плюхнулся в воду с разгона, но я-то знал: отсюда до хутора и деревни не меньше пяти километров...

Одеваю рюкзак и тихо ступая, передвигаюсь в рукав, предварительно укрепив сетку на подсачке. Шагаю крадучись, боясь хрустнуть веткой, или что хуже, пластиковой бутылкой, которыми ныне загажены почти все водоёмы. Луна перемещается вслед за мной и, к изумлению, я вижу несколько гуляющих карпов, вальяжно курсирующих у поверхности. Такие крупнющие, что я аж присел на траву, побоявшись спугнуть их тенью. Невыносимо захотелось курить, а нельзя: огонь от спички увидят – уйдут увальни...

Здесь совсем мелко, не больше полметра, но прибрежные и водные заросли, очевидно, привлекли проголодавшихся рыб.

Немного понаблюдав, в оцепенении из-за боязни на шуметь, потихоньку подбрасываю ближе к ним снасть с пучком навозников. Они легли на воду тихо, без всплеска, но поплавок не видно и при лунном свете. Наверно, неправильно отмерил колесо, однако заново не перебросишь – спугнёшь. Оборачиваю леску вокруг пальца, жду минут десять. Пока ничего, хотя по-прежнему вижу: карп ходит рядом. Тихонько потянул на себя – и, чёрт! – почувствовал натяжение лески, затем рывок и вес. Неуклюже подсекаю: карп, килограмма на два, озарив поверхность воды, будто вторая луна, сходит на первых метрах подмотки катушкой. Лиха беда – начало...

Запереживал я, мол, отрыбачился на сегодня. Карп, как не крути, много шума и брызг наделал. Вторая поклёвка последовала минут через двадцать. Два-три подёргивания и леска с напором пошла меж пальцев. Резко, но коротко во взмахе делаю подсечку. Ощущая серьёзную тяжесть в руке, вижу поплавок и лесу, подсвеченные луной, «разбившейся» на сотни бликов из-за движения солидного карпа. Мощь его сопротивления магнитно пригвоздила меня к одному месту – ни шага ни влево, ни вправо. Вдруг леска ослабла и в свете луны красавец неожиданно «дал свечу» рядом со мной...

Не сдавая лески, пачусь, как рак, задом, к берегу, аккуратно подматывая катушку. Упруго, на коротких рывках, карпуша кружится на мели, всей силою и весом стремясь рвануть в глубину...

Боремся с ним, кто – кого – неизвестно. Помощников нет, а подсачеком на мели, ох неудобно, не подлезешь. Не считал, сколько минут, но рыба заметно стала уставать. С третьего раза наконец-то завожу под неё подсачек. ВОТ УДАЧА!

Трёхкилограммовый, золото-бронзовый, чудесный ночной карп тяжело волтузится в подсачеке, шумя осокой.

Трофей жадно хватает ртом воздух и косит глазом. Не чувствуя, что промок от росы, сажу и «откуриваюсь», по-прежнему трепеща, гордясь и радуясь дару Природы. Разгорячённый в ночном поединке, и не заметил, что помогавшая мне луна спряталась за кромкой набежавших перед рассветом облаков.

Счастливый я не шёл, а летел домой. Живой карп, ворочаясь в рюкзаке, словно подталкивал в спину. Взошедшее солнце уже проторило тропинку лучами. Умывшись и напившись по пути в роднике, я очистил его от зарослей и под гомон пробудившихся пичуг предвкушал, как покажу карпину отцу и матери...

Август 2016 г., Орёл – бывший Моховской район

ОДИН ДЕНЬ В ПОЛЕСЬЕ

Союз дружбы и любви –
супруги Строевы

Памятный день – 80-летие
Хотынецкого района

Кормилец Орловщины
и России – академик
Б.И. Сандухадзе (справа).
Село Шатилово

В газете «Трибуна хлебороба»
чтут народную мудрость

ОДИН ДЕНЬ В ПОЛЕСЬЕ

16 июня 2016 года, в процессе поездки по Знаменскому и Хотынецкому районам, автору удалось не только побродить в посадках в поиске белых грибов и подберёзовиков, не только порыбачить в Саморядово и Студёнке, но и посчастливилось побывать в Полесье. В тот памятный день там проходила конференция, посвящённая 20-летию Национального парка – заповедной гордости Орловщины. Вот что сказал в своём объективном выступлении основатель «Орловского Полесья», бывший лидер области и Совета Федерации, наш многоуважаемый земляк Егор Семёнович Строев:

– **У**важаемые друзья! Дорогие первопроходцы, основатели Национального парка «Орловское Полесье» и сотрудники уникального заповедника!

Сегодня, по инициативе Российской Академии наук, Российской экологической Академии совместно с представителями Министерства природных ресурсов и Администрации области мы собрались, чтобы отметить итоги деятельности парка за двадцать лет со дня его основания.

В собрании участвуют:

- заместитель губернатора Орловщины;
- представитель Министерства природных ресурсов;
- заместитель руководителя Российской экологической Академии Ткаченко Николай Филиппович;

– лидеры Национальных парков и заповедников Калужской, Брянской, Смоленской областей, где ныне продолжают наше благородное дело.

Поприветствуем гостей!

Главной изюминкой Орловского парка являлась задача сохранения природных достоинств в самом южном выступе русской лесополосы и восстановление утраченного животного мира. Особенно – оленей, рысей, кабанов, глухарей, тетеревов, выхухолей и, конечно, зубра европейского. Зубр, древнейшее животное нашего края, когда-то полностью истреблённое, должен был стать «визитной карточкой», причём не в клетке, а на воле. Работая с различной документацией, мы были крайне удивлены, что даже Гитлер создал крупную группу учёных по возрождению тура – они экспериментировали с кровью и семенем зубров и буйволов. Ряд проектов в данной специфике курировал в Советской России известный волонтерист Лысенко...

Итак, по личной инициативе, без бюджетных средств и серьёзных знаний, мы собрали оставшиеся на Земле шесть генетических линий сохранившегося зубра. На научной основе возродили воспроизводство этого вида, доведя его численность до 400 голов. Отмечу – это второе стадо на Планете!

В начале 90-х, все мы, руководители области, осознавали, что живописно-неповторимый уголок Орловщины гибнет. Угасали некогда густонаселённые деревни и сёла: Старое, Радовищи, Верховье, Жудро, Алёхино, Хотимль-Кузьмёнково, Обельна, Пырятинка, Измолодь и, к сожалению, многие другие. Шла бесконтрольная массовая вырубка леса. Калуга разрабатывала тысячи гектаров корабельного леса. Погибал красивейший край с рабочими посёлками типа «Жудерский» со всей инфраструктурой, железной дорогой до Брянска, с мощным промышленным потенциалом по добыче десятков

миллионов тонн торфа. Здесь ежегодно плодоносило природное богатство – грибы, ягоды, целебные травы. Появились проблемы с мелиорацией и ихтиологией: стала мелеть и зарастать водными сорняками ключевая речушка Вытебеть, где не были диковинкой и часто ловились на удочку щука, окунь, плотва, голавль, не говоря про гольцов, выюнов и пескарей. Всё это к началу чёрных 90-х годов падало, не ошибусь в слове, в бездну...

А ведь это – моя милая, необыкновенная малая Родина! Здесь мой отец, Семён Фёдорович, отработал 18 лет председателем колхоза, формировал партизанские базы, прятал нас и односельчан в лесных чащобах в 1941 году. Мама, Анна Ивановна, умудрялась не только содержать подворье и огород, кормить и одевать нас в ходе оккупации, но и поддерживать ещё более слабые, многострадальные семьи, чем наша. Тут старший брат Владимир стал первым директором Жудерской школы. Старшая сестра Капитолина отработала почти все свои 60 лет учительницей в Хотынецких школах. Воспитала своих детей и сотни ныне известных, замечательных людей, прославившихся достижениями в Советском Союзе и сегодняшней России. Более детально об истории Хотынецкого района и биографиях семьи Строевых присутствующие могут узнать из её мемуаров «Глазами старшей сестры». Младшая сестра, Алевтина, отлично училась, вышла замуж за офицера. Много лет проработала в клубах и библиотеках войсковых частей Заполярья и Прибалтики, «Отличник по культурному шефству над Вооружёнными Силами СССР».

Я закончил Хотимль-Кузьмёнковскую среднюю школу, где в то время обучалось свыше одной тысячи мальчишек и девчат, а сейчас – единицы. Здесь я повстречал своё вдохновение, мою великую и святую женщину Нину Семёнову. Моя соратница на всех руководящих постах, с которой я

прожил душа в душу более 53 лет, подарила мне дочь Марину, активно помогала в строительстве православных храмов, советовала, как лучше и добротней обустроить Полесье...

У каждого из нас имелась масса идей, однако при всём рвении и энтузиазме немногие из них достигли воплощения в жёстких условиях современности. Пришлось искать нестандартный выход, ибо развитию сельского хозяйства сильно мешали нездоровая экономическая ситуация, пески, бурелом и болота, отсутствие мощной новейшей техники, упадок нравственности населения, его отход на заработки «по столицам». О промышленном лесоразведении нельзя было и думать: в период масштабного развала устоев державы стопорилась любая добропорядочная инициатива. Одной из глубоких ран, полученных обществом, явились разобщение родственности и слом законов народной, социально-коллективной ответственности, о чём метко поведал в своей книге ветеран Орловской журналистики, спецкор ИТАР-ТАСС Юрий Васильевич Лихопёк. Фронтовик, встречавший К. М. Симонова и Н. С. Хрущёва, чью книгу спасли от забвения писатели Виктор и Сергей Рассохины, назвал её правдиво и просто: «Земля с хозяином и без...»

В дни тяжких лишений и раздумий я принял решение позвонить премьеру Российской Федерации В. С. Черномырдину. Мы жили рядом. Заехал к нему на дачу, на Рублёвку. Разговорились. Нам было что сказать друг другу. Он предложил по чашке чая по русскому обычаю. Закусили копчёным окороком кабана – Виктор лично добыл его на охоте. К концу встречи он хотел подарить мне целый окорок. Я поблагодарил и попросил заменить дар на его согласие стать председателем Попечительского Совета «Орловского Полесья».

Моё предложение премьер принял с улыбкой. Пока подавал мне пальто, я раскрыл папку и, вынув вместе с ручкой заготовленный проект решения Правительства о создании

Национального парка, попросил его тут же подписать. Теперь понимаю, что это было сверхдерзко, но, тем не менее, Виктор Степанович, поколебавшись, поставил подпись на документе...

Так появились организации, финансы, рабочие места и нужная техника. Отсюда – окрепла вера и надежда людей, занятых благородным делом.

Выражаю большую благодарность единомышленникам, помогавшим в реализации проектов. Прежде всего – истинному другу Орловщины, глубокоуважаемому Вяхереву Рэму Ивановичу. Среди наших руководителей – благодарю Майорова Александра Николаевича, за его разумную напористость. Его умение действовать в безденежных условиях позволило объединить все ведомства и службы, заложить фундамент ряда направлений в работе, построить кафе на озере «Центральном», Дом лесника, много водоёмов. В них запустили карпа, карася, толстолобика, расплодился крупная щука и окунь. Радовало, что взрослые и дети приобщатся к любительскому рыболовству, не говоря про сбор и заготовку ягод и грибов.

Продолжил его дело Вельковский Ефим Николаевич: очищал лес, строил перепелиную и страусиную фермы, расчищал родники.

По части дорог много сделал для «Орловского Полесья» Виктор Алексеевич Лыков, проложивший кратчайший путь по непроходимым лесам и бездорожью. Многократное спасибо его коллективу!

Лебедев Алексей Николаевич – начальник Управления лесами, привёл в порядок все лесоустройства, заложил по примеру Спасского-Лутовиново, парк XXI века.

Николай Андреевич Володин, Иван Яковлевич Мосякин создавали законодательную базу, поднимали исторический пласт края, способствовали его привлекательности через

областные и федеральные СМИ. Даже Соловья-разбойника, Девять Дубов и Илюшу Муромца вспомнили, как фактор привлечения туристов, любителей отечественной истории.

Огромную работу провели научные сотрудники, краеведы, профессиональные журналисты, писатели и фотографы, все лидеры заповедника, водители, дизайнеры, ответственные земляки, стоявшие у истоков. Создали добротный и познавательный альбом «Орловское Полесье». Было выпущено много печатной продукции в типографии «Труд», за что мы сердечно признательны авторам, издателям, распространителям. Орловская телерадиокомпания выпустила несколько запоминающихся документальных фильмов. Благодаря этому о необыкновенности Полесья узнала Россия, а за нею – весь мир.

Не могу умолчать о роли спонсоров и меценатов. По нашей инициативе организовали «Клуб предпринимателей» во главе с нефтяником, бывшим заместителем министра Александром Львовичем Самусевым. Их скоординированными усилиями возвели почти все объекты Национального парка, начиная с Львовского храма, Дома лесника, кафе на озере «Центральное» и заканчивая очисткой святых источников и прудов. Последний миллион рублей спонсоры перечислили в бюджет области.

На средства соотечественников, неравнодушных к природе Родины, закупили первых зубров, 500 пятнистых оленей, сформировали вольеры и кормушки зоопарка. При его создании мечтали посоревноваться с знаменитым «Аскания-Нова». Наиболее отличившиеся земляки даже ездили туда – пообщаться, изучить опыт, взять что-то лучшее для нашего парка...

Уважаемые друзья, гости, коллеги!

Сегодня среди нас нет тех, кто ушёл в мир иной, кто сделал много добра на Хотынецкой земле. Вспомним добрым словом:

- первого директора Национального парка Солдатова Николая Гурьяновича;
- его боевого зама Бойко Александра Фёдоровича – редкого человека, заслуженного тренера СССР по лёгкой атлетике (готовил Бубку), писателя и преподавателя;
- зама по науке, удивительную рассказчицу и фотохудожницу Гераськину Наталью Петровну;
- замечательного главу администрации Хотынецкого района Семёнова Владимира Ивановича;
- основателя и выдающегося руководителя «Газпрома» Вяхирева Рэма Ивановича;
- многоуважаемого политика России Виктора Степановича Черномырдина...

Ушла из жизни мой самый главный духовный наставник, которая была влюблена в «Орловское Полесье» и считала его своей Родиной. Другой не было – она сирота. На фронтах погибли все её родственники и близкие. Добрейшей души человек, опытный педагог, моя единственная супруга Нина Семёновна...

Давайте почтим всех ушедших от нас минутой молчания.
Поклон им земной и Царство Небесное!

.....

Многоуважаемые коллеги!

В прошедший период была заложена отличная и крепкая материальная база для развития рукотворной «Кладовой Солнца», осуществлена мечта многих поколений.

Проект изначально имел целью духовное возрождение края, чувства малой Родины, ощущения гордости за Орловщину, за Россию. Не деньги, не собственность, а всплеск здорового задора, способность каждого сделать что-то для решения этой задачи разбудили могучие силы и всеобщую любовь к колыбели предков. После многолетнего атеизма

настала пора возвращения к канонам и заповедям православия.

Работники культуры проводят здесь ежегодно праздник «Троицкие хороводы». Был основан международный фестиваль бардовской песни. А какой интерес вызвали крестьянские подворья всех районов области, русское рукоделие, национальные обереги и игрушки, благоустройство святого источника! Появились пляжи, в тихих местах оборудовали уютные уголки отдыха. Пошёл массовый поток туристов, спортсменов, всевозможных СМИ. Люди едут отдыхать семьями. В пруды запустили две с половиной тысячи подросших утят, затем – ещё столько же и всё для того, чтобы человек становился благороднее наедине с Природой.

Впервые на праздники в «Орловское Полесье» стали приезжать тысячи автолюбителей, сотни автобусов из Тулы, Орла, Брянска, Смоленска, Воронежа, Курска, Белгорода, из малых городов Центрального Федерального округа. К нам едут из Белоруссии, Украины, даже из Прибалтики, удивляются традициям великославянства и подъёму христианства.

Очевидно, мы зажгли факел жизни этого края и передали его будущим поколениям, чтобы они не теряли связи с началом всех начал не только по картинкам букваря. Чтобы не забывали, что их деды, отцы, прадеды, бабушки и матери в своё время доставили сюда 60 великолепных лебедей самолётом из Астрахани. Чтобы радовались, что и в их, казалось бы, мелких водах, нашли свою обитель теперь уже не мальки, а полновесные осётр, стерлядь и форель...

У меня часто спрашивают: «Были ли у нас трудности?» Всегда отвечаю: «Да, были, и ещё какие!»

Наиболее необычной из проблем оказалась психология людей. Подтвердилась банальная истина, – разруха, как и созидание, начинаются в головах.

По словам первого директора заповедника Н. Г. Солдато́ва, «местные жители и их окружение веками считали всё, что движется, ползёт или летает по лесу своей собственностью. Укоренилась позиция: «дары леса и водоёмов только для них». Поэтому здесь не по-доброму восприняли вторжение чужих людей».

Сначала убили одного из первых зубров. Позже – трагедию довели до 50-ти голов. Установили вышку у подкормочных столов и стали уничтожать всё живое, без разбора – самки, самцы, детёныши. Александр Майоров плакал, видя залитые кровью площадки. На этом «атака на пришлых» не остановилась: спалили красивое кафе на озере «Центральном», в котором бывал лидер государства В. В. Путин. Там не раз бывали премьеры, министры, губернаторы, зарубежные гости, авторитеты науки, культуры, искусства, литературы. Вору утащили все ковры и телевизоры, охотились за металлом и стройматериалами, будто иноземные варвары...

Обидно до глубин души. Больно сердцу и разуму от всякой нечисти – нелюди, шмыгающей по дорогой нам Родине. Манкурты с изгоями сожгли здание Управления Национального парка, вместе с музеем и его неповторимыми экспонатами. Под шумок продолжалась безжалостная вырубка, ценнейшего леса. Заработали подпольные пилорамы.

Вспоминаю и весьма курьёзные случаи. Распустили бредню, что в Полесье появилось стадо волков. Мол, они и режут всех диких животных. Обратились к охотникам. Для контроля я попросил ветеринарную службу Н.М. Кутузова фиксировать все случаи отстрела «санитаров леса». От него полетели жалобы: трудно идёт охота – надо доплачивать. Решили выделять по десять тысяч рублей за шкуру одного серого разбойника. Что тут началось! Иван Крылов – и тот, в басне, наверное, не описал бы, а уж он знал волков досконально, в шкурах и без них...

Потащили справки, заверенные лично Кутузовым, якобы отстреляли по семьдесят волков. Анекдот – их столько и не было в нашей природе. Зато всех собак округи перестреляли!

Пришлось тормозить разбой этих нелюдей – термин «браконьеры» для них слишком мягкий. У всех, кто был причастен к заповеднику, осталась в памяти их сверхнаглая бессовестность. Только идиот, независимо от нации, живёт одним днём...

Национальный парк – круглосуточный живой организм. В нём все органично взаимодействует, как бы напоминая древние настенные часики-ходики. Иногда и он, как и всё живое, может болеть. Правильный стих ещё на заре парка создал про лесника Виктор Рассохин:

*Живёт – за Полесье в ответе,
К нему с колыбели привык.
И все его боги на свете –
Изба, тишина и родник.*

*Судьба не жалеет ударов,
Порой не по правилам бьёт,
То дымом гудящих пожаров,
То порохом тайных охот.*

*Живёт – за Полесье в ответе,
За иволгу и за лису.
И тужит, что взрослые дети
В людском заблудились лесу.*

Не успел я уйти с поста губернатора, посыпались сигналы: растаскивается то, уходится это. Кража, кража, хроническое воровство – веками неизлечимая болезнь. Было дело, её лечили – смертной казнью, но кару отменили. А на судах – сидят,

словно невинные пташки, ухмыляются. Вот к чему привели безответственность вкупе с вседозволенностью.

Друг за другом начали уходить инвесторы. Возникли скандалы. Однотипные процессы происходили как в «Орловском Полесье» так и в области в целом, причём «под соусом» низкопробной демагогии, усугублённой хамством ряда продажно-прокажённых СМИ.

Примеры? Сколько хотите!

Дом прокурора построили по моей просьбе. Курировал стройку Хапсироков. Вскоре мы его разобрали, увидев, что он мал и напоминает сторожку. Скуратов не был в заповеднике и не видел дом, а его жену оболгали на весь белый свет!

Под предлогом забрать в казну увели у области «Орловскую ниву». Её организовали как холдинг впервые в России. Она несла огромную защитную функцию для ценообразования продуктов питания. Для власти – мощнейший рычаг управления. Да, у неё были долги свыше миллиарда рублей. А если сопоставить по регионам? Белгород имеет десятки миллиардов долга. «Мираторг» – около сорока миллиардов! «Россельхозбанк» сегодня имеет долгов около триллиона рублей. Это село – оно дотируется во всём мире значительно выше, чем у нас, без привлечения иностранных капиталов.

Теперь унижают, остановили рост производства, выплату налогов, бессмысленно нервируют опытные и сложившиеся годами коллективы трудящихся. Кафе на озере «Центральном» прихватили за бесценок, а затем выкупили за семьдесят миллионов рублей. Не перевелись в Отечестве «Остапы Бендеры»!

А что сделали с проектом «Пшеница 2000»? То был редчайший перспективный проект. Он стоил всего 320 миллионов рублей. Автограф под ним поставил лично Б.Н. Ельцин. Средства выделялись из германского проекта «Гермес» для Российской Федерации.

Кредит страна давно погасила за счёт нефти. Кредит «ВЭБа» – это его головная боль. Зачем было объявлять банкротство многообещающего проекта в аграрной области?! Ради того, чтобы потом отдать по дешёвке две новенькие бюллеровские мельницы своему человечку (почти по афоризму А. С. Грибоедова)! Забыто, что там ещё было около 100 комбайнов «Клаас», столько же тракторов, вся прицепная техника и опрыскиватели. Невольно процитируешь В.С. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получили как всегда»...

Нами ставилась стратегическая задача выйти на урожай в сорок центнеров с гектара по области. Россельхозакадемия ежегодно проводила на Орловщине семинары, заседания, День поля. Все знают: я с бригадирства в «Прогрессе» ратовал и боролся за укрепление сёл и деревень по всем направлениям жизнедеятельности. Люди впервые не в учебниках увидели революцию в земледелии, новые технологии и сорта (например, пшеницу «Роза Сандухадзе» с урожайностью до 120 центнеров). Всё это работало на Орловских полях, демонстрировалось в Шатиловке – гордости региона.

Кредит пролонгировали под 1% годовых на тридцать лет при инфляции 10–13%. И даже этот процент платил федеральный бюджет.

Вопрос, сколько стоят ныне сто тысяч гектаров пашни, выделенных под эту программу? Можно было купить за эти деньги несколько подобных «нив». О данных проблемах можно говорить очень долго, но от дискуссий и головоломок они не решаются положительно. И не поможет с «Моментом истины» господин Караулов, поскольку ряд волевых решений требуется не только на местах, но и в высших эшелонах власти.

Подобный казус произошёл и с проектом селекционного центра по свиноводству. Единственный в России, он мог обладать привесом свиней до килограмма в сутки – на каждый миллион голов.

Увы, господину А.П. Козлову показалось, что это много. Он решил спустить всех борзых: изъяли документы, начали третировать. Проигнорировали, что в крупномасштабный проект вложился бюджет Москвы в сумме шестидесяти миллиардов рублей. После срочного приезда в Орёл Ю.М. Лужкова документацию вернули, достроили предприятие с филиалами. Однако финансирование застопорилось. В результате – пол-миллиона голов свиней не сработали на прибыль и во благо населения Орловщины.

Крепкую трагедию пережил проект «Биоток-восток» по производству инсулина. На старте в него вложили тридцать миллионов долларов. Планировались ещё две очереди конвейера, где предусматривалось создание субстанций для инсулина и последующего выпуска таблетированных лекарств и ампульных упаковок.

И заново – прямая травля, обман, что это «экологически опасный проект». По совету свыше предприятие купил брат Саркози. Спустя время туда пришли другие люди. Пока всё это круговоротилось, в условиях конкурентности рынка освоили производство в Екатеринбурге. Снова незаслуженно обидели Орловщину...

Попутно скажу о строительстве цементного завода в Верховье. Игорь Роттенберг (сын А. Роттенберга) заключил соглашение с начальным капиталом двести миллионов рублей. Однако за его спиной земли с запасами извести и глины отдали другим. Ему предъявили огромную цену выкупа! Потоптался инвестор, да и ушёл в иные края...

Историческим для нас оказался проект газификации области. На заседании совета в Белгороде я подписал указ у Б.Н. Ельцина по первоочерёдности стратегических преобразований на селе.

Вяхирев, Беккер, «Стройтрансгаз», их подразделения буквально набросились на область. За два-три года (на удив-

ление других регионов) были проведены магистральные трубопроводы и началась разводка по сёлам.

По уровню газификации мы быстро вышли на одно из первых мест в России. Было вложено несколько десятков миллиардов рублей в переводе на сегодняшние цены. Отмечу, когда к руководству пришёл А.Б. Миллер, на встрече с ним я предоставил документ, что за газоснабжение Орловская область не имеет долгов, единственная в России! Другое дело, что долго ещё потом делили трубы те, кто не имел абсолютно никакого отношения к газификации...

Уважаемые друзья !

Президент Российской Федерации В.В. Путин, будучи активным борцом за сохранение природы и животного мира, предложил всем областям иметь природные заповедники. Мы ратовали за подобные процессы много раньше, пусть не во всём, но смогли реализовать задуманное в «Орловском Полесье». Впервые Правительство внесло в бюджет строчки о финансировании заповедников, обязав Министерство природных ресурсов контролировать их исполнение. Верю и надеюсь, что наша работа, как первопроходцев, будет продолжена усилиями, духом и разумом молодых соотечественников, понимающих, что величие Родины зарождается и произрастает в истоках малой, в тех местах, где мы родились и вышли в мир с добрыми начинаниями!

P.S. От автора книги: 11 марта 2017 года, после юбилея Полного кавалера ордена «За заслуги перед Отечеством», Почётного председателя Совета Федерации, академика РАН Е.С. Строева, Первый телеканал транслировал замечательный сюжет о переселении стада зубров по областям ЦФО России.

**СТИХИ АВТОРА ИЗ ЦИКЛА
«С ЛЮБОВЬЮ К ОТЧИЗНЕ»**

Урожай – награда за полив

СТИХИ АВТОРА ИЗ ЦИКЛА «С ЛЮБОВЬЮ К ОТЧИЗНЕ»

ГОВОРЯЩАЯ ФЕРМА

– Эй, вы, «джипы», «вольвы», «мерседесы»,
Вся белохалатная толпа!
Возвратите мне мои навесы,
Окна, свет с дежурного столба.

Как же мне на вас теперь не злиться,
Между нами лёг глубокий ров,
Если баклюбивая столица
Выкосила всех моих коров.

На застолье, люди, на здоровье,
Всё вам шло – и кожа, и рога...
Строили меня с большой любовью,
А теперь раздели донага!

Кто же вам так разум заморозил?
Кто лишил парного молока?!
В пересохше-брошенном навозе
Рыбаки не същут червяка...

Доломайте – мне уже не стыдно,
Ваши «реформации» смешны.
Неужели из Кремля не видно
Боли опозоренной страны???

БЫЛО ДЕЛО...

С автосервиса клиент,
За отличную работу
Захватил меня с собой –
На подводную охоту.

Не подумай, друг ли, враг,
Что охота – с аквалангом.
За оврагом – два пруда:
Давнее раздолье карпам.

Громкогласна тишина
После нервности облцентра.
Здесь Луна, как НЛО,
Исчезает до рассвета.

А с зарею росы пьёт
Букашенция всех рангов.
И пичуги гимн поют –
Солнцу, Богу, мамам, папам.

В дыме пары сигарет
Клёв прошёл... и обрубилло.
Но тяжёл садок в руке:
Есть карась – на полкило!

Вновь приедем мы сюда,
Года через три-четыре:
Нет плотины у пруда –
Буржуины разбомбили...

ЗИМОЙ О ВЕСНЕ

Круговерть в промоине реки
Выдра ловлей рыбы отмечала.
А плотва от устья шла в верхи,
Вроде бы язя не замечая.

И уклейка, поздняя в икре,
Пропустила в нерест тех, кто старше,
Быстрая сестрица всех ельцов,
В массе щук мальков своих спасая.

Судачок, привыкший есть в ночи,
Не заметив шустрости ершиной,
Избегает хапать пескарей –
За неделю выброса родимых.

Не в часах сложился икромёт,
Он постарше деревень приречных.
Вьюга песню вечную поёт,
Рыбный мир готовится к апрелю.

ВЗАИМОСВЯЗЬ

Майский жук в непрогретой земле,
Как в ангарах, чуть-чуть шевелится.
День-другой – будет он на крыле,
А округа – покоя лишится.

Не проспи тогда зори, рыбак!
Собирай ночников на осине.
В руку – удочку, заплечь – рюкзак,
Обмани голавля на стремнине!

ВЕРНУЛСЯ...

Косясь на власть, презрев Победный Май,
К реке выходит бывший полицей.
Он десять лет в Сибири отмахал,
Где руку отхватил лесоповал.

Хатёнка на отшибе, словно скит,
У омута, как меченый, сидит.
У власовца рыбёшка не клюёт,
Со злом на мель он ставит перемёт...

ГЕОРГИЮ ВИНОГРАДОВУ

Он был отличный луночник-рыбак,
И в глухомань сбегая из столицы,
Удил ершей. Брал иногда судак,
В снег зарывались резвые плотвицы.

Так целый день – от зорьки до зари –
На льду речном, где тени от подлеска.
Певец знал тайну безнасадочной игры,
И без кивка играл тончайшей леской.

По Рождеству он шёл, по февралю,
Бурил помногу – не везде уловы...
А после танго подарил «Люблю»,
Такое, что мы слышим запах розы!

ПУЩЕ НЕВОЛИ

Удачная стрельба – неповторима
На вешней тяге и по декабрю.
Но, если ты всегда стреляешь мимо,
Не огорчайся – ты встречал зарю!

РЫБАЦКИМИ ТРОПАМИ

Усталость – дело поправимое,
Когда за гаком пройден гак.
Но ты люби своё любимое,
Когда в заплечье пуст рюкзак.

Пусть ни поклёвки, ни пескарика
Твоя не видывала снасть.
И яркий свет мини-фонарика
Не заглянул в судачью пасть.

На сон надейся, как на глубины,
Ты был под снегом, при дождях...
Такие он подарит рыбины –
Не унесёшь их на руках!

И СНОВА МАРТ...

Скоролётность шапчного снега
Тает за минуту на земле.
Ранняя весна почти с разбега
Жизнь перевернула на селе!

НА ОЗЕРЕ

Играет волнами погодка
В преддверии лихой зимы.
Да так, что в мыс воткнулась лодка
С шипящей пеной у кормы.

« С Е Р Е Б Р Ы Ш К А »

Весь день – ловил уклею,
Хоть знал – под нею – язь.
Клевала шустро радость,
На солнышке искрясь.

ПАЛИТРА ЛЕВИТАНА

Листва ржавеет на дубах,
Дрозды снуют вокруг рябины.
Туман опёнками пропах –
Ползёт границею низины.

Придавлен тяжестью грибной,
Присел на пень, где кочка сбита.
Пора, пора идти домой,
Но держит лес – сильнее магнита...

РАННИЙ МЕХАНИЗАТОР

– Мы все придурки в этом мире,
Но настоящий есть ... дак,
Что на экране и в эфире
Кричит про свет, а сеет мрак.

От предоставленной свободы
Народ дошёл до худобы,
Когда поля, леса и воды
Как в бое – встали на дыбы.

ИСТОК

Из родника течёт Ока,
Вся ширь – в сорочий скок.
Но без прозрачного ключа
И Каспий – не глубок.

ЛАСТОЧКИ

Летают вниз на водоём,
То кверху, то отвесно.
Гнездо устроив над окном,
Где ласточатам тесно...

И чуть темнее облака,
И ливень будет жуток,
Так птичья скорость велика,
Чтоб прокормить малюток.

ШУТНИК

Горячится дед Панкратов,
На слова мудрён и крут:
– Скоро нильских крокодилов
В устье Зуши разведут...

И гогочет, мысль итожа,
Поправляя седину:
– Аллигаторская кожа –
Олигархам на казну!

ЧУДЕСА РЯДОМ

В золотых одуванчиках шмель,
Не жужжа, провисает с прогибом.
Майским лугом пришёл коростель,
Поздоровался – утренним скрипом.

А румяной зарёй соловьи
Так в далёкую юность заманят
И с туманом – тебя затуманят,
Что забудешь заботы свои.

РАБ РЫНКА

Я видел разных «рыбачков»,
Один из них – злодей:
Ловить приехал без крючков,
Но ставил семь сетей...

СИНИЧКА

Заметней золото в ветвях,
Из дебрей гостя появилась.
И, презирая всякий страх,
С утра под окнами резвилась.

Боясь красавицу спугнуть,
Ей корм бросал я понемножку.
Вот так до вечера побудь –
Она бы села на ладошку!

БЕЗ ТРОФЕЯ

Камыши, осока, камыши,
Кряковые кружат то и дело.
Для охотничьей, чуткой души –
Превеликое время приспело.

Встрепенёшься от свиста крыла,
Когда на воду плюхнется стая,
И летит сноп огня из ствола,
Ночь и день сквозь туман разрезая...

У ВЕРОВАЛ...

Открываю другу двери,
И с порога он мне – бряк:
– Никогда я не поверю,
Что в ночи берёт судак!

Пригласил его с ночёвкой,
И фонарь ему вручил,
Чтоб смотрел он очень зорко,
Как флажок встаёт в ночи.

Боже! Что с беднягой было,
Когда луч на них попал.
Словно ветром подхватило,
Я за ним не успевал!

Не судак, а судачищи
Были взяты у моста...
Скептик ныне всюду ищет,
Где стоянки у живца!

ПРИТЯЖЕНИЕ

Я вижу то, что многие проспали,
Волнуясь, отправляюсь к озерку...
Ах, перволёдые! Как тебя мы ждали,
Что Вся Природа просится в строку!

ДАРИТЕЛЬ КЛЁВА

Дождь моросит, гудит ли вьюга,
Иль сходит вешняя вода,
Я отыскал такого друга,
С которым солнечно всегда.

Порой он балуется стопкой,
Рыбацкий мир его широк.
«Седой» с мотыльной коробкой
И лучезарен, и высок.

НЕПОВТОРИМАЯ ДОСАДА

Сложна рыбацкая наука:
И начеку был, да не впрок.
Пока бежал – умчала щука
Под лёд удачливый флажок...

СТАР И МАЛ

Гроза прошла, но ропщет глухо,
Сгоня хмарь за окоём.
В зелёных зарослях лысуха
О чём-то квохчет о своём.

А у раakit, светясь от счастья,
Со внуком дед в тени ветвей
На горчака таскают часто
Зелёно-красных горбачей.

У Т Р О М

Поют то зяблики, то чижики,
В прогалах сосен – солнце ало.
На просеке краснеют рыжики,
Отбросив хвою-одеяло.

Мне их срезать совсем не хочется,
Глядеть на них – одна отрада!
Но грибники, их спешкотворчество,
Кричат мне в спину: – Срезать надо!

В И Ю Л Е

Уходят к горизонту облака,
Освободясь от ливня грозового.
И молния им серебрит бока,
Здесь берегись – живёт и шаровая.

Прохлада начинает наступать,
С полей намокших пахнет свежим хлебом,
А радуга – как Божья благодать,
Красу земли объединила с небом!

ПОД НОВОСИЛЕМ

Нам Зуша того не расскажет,
Ей больно и через года,
Как в зареве корчились Вяжи,
Как с кровью смешалась вода.

И кто б не стоял у излуки,
Сегодня ли, завтра, в веках –
Пусть помнят солдатские муки
И тех, чей развеялся прах.

В СУМЕРКАХ

Затихли в зарослях дрозды,
А миг назад – шумела стая.
Сияньем чёрный лес лаская,
Луна целует гладь воды.

Но вот бобёр погнал волну,
Не близкий ключ зовут Гремячий.
И коростель рвёт тишину,
О чём-то споря с поздней цаплей.

МАРЕВО

(Жизнь не по рифме)

Жмёт на землю июль, атмосферу сгущая,
Ветра нет, как накрыли колпак.
Пастухи все в поту, за скотиной гоняясь,
А она – всё бежит на реку.

Оводов нападение, укусы слепней,
Воздух густ и горяч и в тени.
И проспавший уже за косу не возьмётся,
Как и ранний не сможет косить.

Не видать что-то птиц, лишь комбайны за логом
Дизелями озвучат страду.
Но кормильцам страны как-то не до обеда –
Как бы ливни вот-вот не пошли...

Марит, морит июль, сушит многим труды,
Но для тех, кто себя не жалеет,
Будет хлеб, огурец, помидор, кабачок,
Любисток, картофан и капуста.

Будут мясо и мёд, будет сало с глазуньей,
Будет спирт от своей же земли.
И варенья войдут в погреба, и грибы
И таранка подсохнет к пивку.

Будет рыба у тех, кто разводит карпов,
По жару они любят плескаться...
Будут жадно клевать караси в камышах,
Будет каждому, где искупаться!

С НАТУРЫ

Через лес ведёт дорога
К деревеньке над рекой:
Хмелевых – обширно-много,
Трезвых – нету ни одной.

А пахать кому-то надо,
Как не лейся самогон.
По работе ведь награда
Обмывалась испокон!

НЫТИКАМ

Весна – без грязи невозможна,
И, может, тем она красна,
Что за коротким бездорожьем –
Дорога твёрдая видна!

ОТЧИЗНЕ

Не болей, страдалица моя!
Кто тебя силком загнал в аптеки?
Голуби, с обличьем воронья,
Днём и ночью пишат чеки, чеки...

Экстрасенсы с помощью газет
Разгоняют вроде бы печали.
А ведь нужен тут один рецепт:
ДАЙТЕ ТО, ЧТО БЕЛЫМ ДНЁМ ОТНЯЛИ!

Пусть все лжецелители поймут,
Не поймут – воочию увидят:
Конь косится на плетённый кнут,
Разнесёт – когда его обидят.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССОХИН ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ

ОТ ИСТОКОВ ДО УСТЬЯ

Солнечный омут.....	9
Дневник сына.....	21
Щукарь.....	31
Рыбалка, охота и быт в русской живописи.....	34
Василий Перов.....	34
Ток.....	37
Орловский Ваня.....	45
Добрый дождь.....	53
Рыбобитьё в законе.....	59
Заросшая старица.....	67
Светотень.....	70
Залив.....	73
Спутник и друг человека.....	81
Константин Маковский. Дети, бегущие от грозы.....	88
По долгой оттепели.....	91
Сергею Аксакову.....	94
Николай Некрасов.....	94
Красота.....	94
Полчаса страха и счастья.....	97
Обнажение весны.....	103
Леонид Сабанеев.....	108
Охотнику.....	108
Боцманюга.....	111
Танго листопада.....	117
Улов.....	128
В Новороссийске.....	128
В царстве туманов.....	125
Вдали от рыбаков.....	131
Плывущая дача.....	137
Морскому баталисту – 200 лет.....	140
Пережат детства.....	143

<i>А. Цессарский. Всё оказалось и сложнее, и проще</i>	147
<i>В природе истину ищи</i>	150
<i>Лесник</i>	150
<i>Стихотворения из цикла «Тропами Родины»</i>	153
Перед перволёдом	153
По декабрю	153
Глухозимье	154
Мартовский лёд	154
Пора капли	155
Ледоход	155
Безымянная	156
Встреча дня	156
Бесклёвье	156
Путина!	157
Мать	158
Третьего не дано	159
Забытая кладка	159
Откровение	159
Тропинкой к дому	160
После бури	161
В родных местах	161
Волшебник Куинджи	162
На Волге	162
Жор	163
Июль	163
За лещом	163
Зной	164
Любимая Планета	164
Туннель	164
Станция Слюдянка	165
В краю поэта	165
В приморье	165
Запевала	166
Зимородок	167
С самолёта	167
Дот	167
На Курилах	168
Искажение вечности	168

Воды	168
Первый снег	169
У картины В.Д. Поленова	169
«Заросший пруд»	169
Немой	169
Вне бизнеса	170
Навозник	170
Журавли	171
Монолог хлебороба	171
Батон	172
Великопродажность	172
Финансовое море	173
У корня предков	173
В глубинке	174
Пустошь	174
Письмо по воде	174
Таинство	175
Приглашаю!	176
Засентябрило	176
Грядут холода	177
Молчун	177
Бабка	178
На охоте	178
По чернотропу	179
Без дождя	180
Разрыли плотину..	180
Ястреб	180
Зябко	181
Лиса	181
Примета	181
На празднике «Берёзки»	182
В часы отдыха	182

РАССОХИН СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

РАССВЕТ ЗОВЁТ!	183
Овеченка	187
Горькая обида	195
На Дворянке	201

Без цензуры.	204
Неплакучая ива.	207
Новопоселенье	210
«Ершинка».	210
В течении жизни	213
Отцовский завет	216
Михаилу Пришвину.	216
Родной – чужой	219
Грустная история	222
По зазимку	225
Лжерыбаки и лжерыбачки	228
Секретное озеро	231
Проснись, Иван!	234
Судьба кормильца	237
Дедушка	242
В двух шагах от фазенды	245
Вековая колея	248
Рынок вод	251
Президент глуши.	257
Согнали с гнёзд	260
Инвеститутство	260
Червяки и гастролёры	263
Кто ужалил пчёл?	268
Прошли мимо	271
Пёс	274
После икромёта	274
На подъёме воды	277
Общая тетрадь (Из неопубликованного дневника неизвестного десятиклассника).	281
Апрель по январю	289
Землепашцам	292
Лунной ночью.	295
Один день в Полесье	301
<i>Стихи автора из цикла «С любовью к Отчизне».</i>	317
Говорящая ферма	317
Было дело...	318
Зимой о весне.	319

Взаимосвязь	319
Вернулся...	320
Георгию Виноградову	320
Пуще неволи	320
Рыбацкими тропами	321
И снова март...	321
На озере	321
«Серебрышка»	322
Палитра Левитана	322
Ранний механизатор	322
Исток	323
Ласточки	323
Шутник	323
Чудеса рядом	324
Раб рынка	324
Синичка	324
Без трофея	325
Уверовал...	325
Притяжение	326
Даритель клёва	326
Неповторимая досада	326
Стар и мал	327
Утром	327
В июле	327
Под Новосилем	328
В сумерках	328
Марево	329
С натуры	330
Нытикам	330
Отчизне	330

ВИКТОР РАССОХИН

СЕРГЕЙ РАССОХИН

К столетию заповедной системы России

*

ОТ ИСТОКОВ ДО УСТЬЯ

*

РАССВЕТ ЗОВЁТ!

*

(Рассказы, очерки, были, эссе, зарисовки с натуры, новеллы, путевые заметки, стихотворения, репортаж о 20-летию Национального парка «Орловское Полесье»)

Подписано в печать Формат 60x84^{1/16}. Печать офсетная. Заказ №
Усл. печ. л. 20,06. Тираж экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в

РОДИНУ ЛЮБИТЬ – ВЕРНО ЕЙ СЛУЖИТЬ !

Владимир
Путин

Сергей
Шойгу

Сергей
Иванов

Нурсултан
Назарбаев

Сергей
Аксёнов

Иоанн
Крестьянкин

Протоиерей
Василий Ермаков

Владыка
Паисий

Митрополит
Пантелеимон

Митрополит
Иларий

Александр
Ефимов

Иван
Леонов

Владимир
Шаманов

Вячеслав
Бочаров

Марина
Попович

Евгений
Савченко

Сергей
Боженов

Владимир
Долгих

Николай
Рыжков

Владимир
Бовин

Николай
Бордюжа

Александр
Михайлов

Владимир
Жириновский

Николай
Грешиков

Александр
Гапонов

Александр
Кивовский

Валерий
Васильев

Олег
Говорун

Александр
Беглов

Мурат
Зязиков

БЛАГОДАРИМ ЗА УЧАСТИЕ В СУДЬБЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ!

Александр
Лукашенко

Анатолий
Емельяненко

Григорий
Прозукин

Владимир
Вигилянский

Владыка
Нектарий

Алексей
Лёвин

Владимир
Молдавер

Виктор
Бондарев

Сергей
Мионов

Александр
Лебедь

Анатолий
Костарев

Леонид
Сальников

Екатерина
Катукова

Валентина
Старовойтова

Юрий
Солдатенков

Александр
Дорохов

Виктор
Ковалёв

Александр
Новиков

Виталий
Волченко

Михаил
Дорофеев

Алексей
Альшанов

Владимир
Мишин

Ольга
Одинцова

Валерий
Голентсов

Виктор
Молодчинин

Владимир
Марахин

Олег
Судонин

Владимир
Черевань

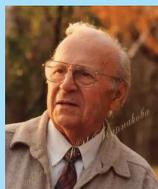

Юрий
Парахин

Валерий
Кириченко

КАК НАШЕ СЛОВО ОТЗОВЁТСЯ...

Андрей
Кураков

Александр
Васильковский

Михаил
Евдокимов

Алексей
Дюмин

Фёдор
Конюхов

Иван
Бушнев

Лариса
Удалова

Николай
Азаров

Станислав
Мац

Александр
Кустарев

Евгений
Бабарькин

Павел
Селин

Владимир
Костюченко

Виктор
Пикулин

Владимир
Харитонов

Юрий
Белуосько

Виктор
Сидоров

Дмитрий
Пониткин

Андрей
Карпиков

Леонтий
Малей

Владимир
Королёв

Сергей
Портнов

Олег
Губа

Валентина
Тишина

Александр
Барсуков

Валентина
Рассохина

Николай
Галкин

Аркадий
Сытников

Виктор
Ефремов

Сергей
Сёмочкин

В типографии «Новое время»

Юный рыбак Влад

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ, ПОМОГАВШИЕ В ИЗДАНИИ КНИГ АВТОРОВ ДЕСЯТИЛЕТИЯМИ

Патриарх всея Руси
Кирилл

Отец Илий

Митрополит
Сергий

Владыка
Антоний

Архимандрит
Тихон

Нина и Егор
Строевы

Капитолина
Чегодаева

Владимир
Строев
Алевтина
Куреева

Владимир
Строев

Анатолий
Петров

Николай
Жернов

Владимир
Стебаков

Владимир
Селищев

Александр
Алдобаев

Дмитрий
Кожухов

Олег
Тимохин

Сергей
Будагов

Сергей
Дорофеев

Леонид
Ушаков

Александр
Дрогайцев

Николай
Ушаков

Антонина
Писарева

Сергей
Висягин

Владимир
Бутусов

Владимир
Курин

Александр
Бухустов

Владимир
Логвинов

Евгений
Кукушкин

Николай
Володин

ЛИДЕРЫ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ, ОРГАНИЗАЦИЙ, УЧРЕЖДЕНИЙ И СМИ

Сергей
Борзёнов

Николай
Королёв

Владимир
Сенюшкин

Александр
Алдошин

Сергей
Новиков

Михаил
Пеньков

Леонид
Бородин

Александр
Сорокин

Юрий
Ревин

Николай
Емельянов

Николай
Кобылкин

Леонид
Пашин

Юрий
Косолапов

Николай
Валявко

Дмитрий
Филин

Борис
Оленичев

Владимир
Кузнецов

Александр
Белянский

Фёдор
Холченков

Екатерина
Стрелец

Сергей
Медведев

Николай
Парахин

Владимир
Невров

Иван
Грачёв

Владимир
Батов

Вячеслав
Ерохин

Екатерина
Глазкова

Алексей
Цессарский

Дмитрий
Соколов

Юрий
Евстифеев

ПОДДЕРЖАЛИ КНИГОПРОИЗВОДСТВО АВТОРОВ К ПАмяТНЫМ ДАТАМ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

Михаил
Федотов

Сергей
Старков

Николай
Кутузов

Владимир
Козлов

Игорь
Глуценко

Иван
Фёдоров

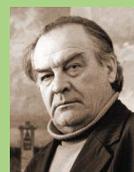
Николай
Цокв

Василий
Онищук

Филипп
Лысов

Георгий
Дышленко

Александр
Щепетин

Евгений
Борзёнков

Анатолий
Сухоруков

Сергей
Шировк

Геннадий
Чуев

Роберт
Леви

Александр
Коровин

Николай
Столяров

Галина
Жукова

Александр
Наумов

Марина
Куликова

Владимир
Доставалов

Олег
Дутов

Юрий
Анохин

Сергей
Астапов

Владимир
Адаменко

Юрий
Лихопёк

Малик
Рамазанов

Любовь
Канатникова

Цзюнь
Сякунь

ЗАЩИТНИКИ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Андрей
Пахомов

Александр
Головин

Галина
Конов

Алексей
Морозов

Анатолий
Бидюк

Василий
Ефимовых

Михаил
Межнев

Анатолий
Трофимов

Пётр
Заложных

Александр
Архипов

Геннадий
Поляков

Василий
Уваров

Ольга
Гладкова

Василий
Кузнецов

Сергей
Ветчинников

Александр
Касьянов

Андрей
Ефимовых

Евгений
Алтухов

Анатолий
Репин

Андрей
Уваров

Иван
Полужков

Александр
Ширшов

Владимир
Пахомов

Фёдор
Углов

Анатолий
Кононьгин

Сергей
Мальфанов

Михаил
Берников

Жан
де Глиности

Вячеслав
Поярков

Эдуард
Вайно